Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22
ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора 4

Научный отдел

Социология

Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Социальная регуляция рисков пандемии в оценках молодежи 6
Ростовская Т. К., Сулейманлы А. Д., Гневашева В. А., Толмачев Д. П. Одиночество в условиях пандемии: страновый обзор 17
Рязанцев С. В., Кузнецов Н. Г. Демографический потенциал стран Юго-Восточной Азии в контексте образовательной политики России 23
Великая Н. М., Дорошина А. В. Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования образа будущего России 31
Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? 39
Мунина О. В. Специфика функционирования механизма формирования идентичности современной молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности 46
Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В. Динамика социального самочувствия саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения 51
Маленков В. В. Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи 60
Петрова Т. Э., Черкасова Т. В. Социальное самочувствие российских студентов в период ковид-пандемии 66
Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В. Формирование мещанства как прослойки среднего класса в российском сословном обществе 73
Сухарькова М. П. Обучение олимпийских волонтеров в период пандемии 79
Терешонок Т. А. Структура процесса подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности: социолого-управленческий аспект 85
Воденко К. В. Теория и методология исследования культурной безопасности молодежи Юга России 90
Еремина М. Г. Характеристика сельского здравоохранения в современной России 98

Политология

Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) 101
Шестов Н. И. Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение 108
Казаков А. А. Ценность справедливости в представлениях современной молодежи 114

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Социология. Политология”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Подписной индекс издания 36016.
Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-rf.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Журнал выходит 4 раза в год.
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.02.22.
Подписано в свет 01.03.22.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 70 экз. Заказ 10-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininaIA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: https://soziopolit.sgu.ru

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Opening remarks by editor-in-chief 4

Scientific Part

Sociology

Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Social regulation of pandemic risks in youth assessments 6

Rostovskaya T. K., Suleimanly A. D., Gnevasheva V. A., Tolmachev D. P. Loneliness in the pandemic: Country overview 17

Ryazantsev S. V., Kuznetsov N. G. Demographic potential of Southeast Asian countries in the context of Russia's educational policy 23

Velikaya N. M., Doroshina A. V. Self-identification of youth in the Moscow region as a factor of constructing the image of the Russia's future 31

Shapovalova I. S. Political strategies of youth: Will our politics be young? 39

Munina O. V. The specifics of the functioning of the modern youth identity formation mechanism in a changing social reality 46

Ivchenkov S. G., Saiganova E. V., Shakhmatova N. V. The dynamics of Saratov youth social well-being: Employment, values and fears 51

Malenkov V. V. The image of patriotism and civil-patriotic orientations of youth 60

Petrova T. E., Cherkasova T. V. The students' social well-being during a pandemic 66

Yurasov I. A., Tanina M. A., Yudina V. A., Kuznetsova E. V. The formation of philistinism as a stratum of the middle class in the Russian class society 73

Sukharkova M. P. The training of the olympic volunteers during the pandemic period 79

Tereshonok T. A. The structure of the cadets' training process for professional military activities: Socio-managerial aspect 85

Vodenko K. V. The theory and methodology of the safety cultural study of the young people in the South of Russia 90

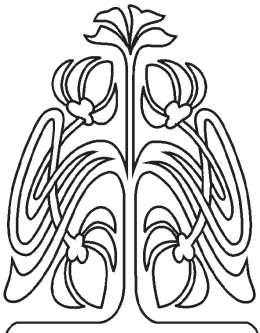
Eremina M. G. The characteristics of rural health care in modern Russia 98

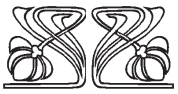
Politology

Vilkov A. A. Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (Regional case) 101

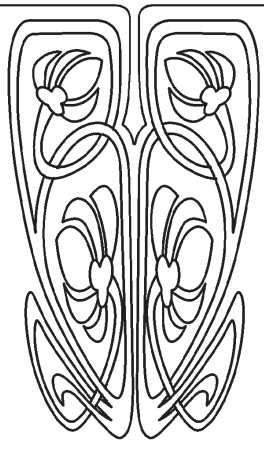
Shestov N. I. The youth's ideas about the future of Russia: Provincial dimension 108

Kazakov A. A. Value of justice in the perception of modern youth 114





РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»

Главный редактор
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Заместитель главного редактора
Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Ответственный секретарь
Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Казаков Александр Александрович, доктор полит. наук (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL "IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. SOCIOLOGY. POLITOLOGY"

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)
Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozerov (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)
Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Настоящий тематический выпуск журнала посвящен исследованию социальных проблем молодежи, поиску современных подходов к выработке молодежной политики на федеральном и региональном уровнях и приурочен к юбилейным V Чтениям памяти Владимира Тимофеевича Лисовского (были проведены 17 декабря 2021 г.).

С именем В. Т. Лисовского связано открытие новых направлений в науке, таких как социология молодежи, социология студенчества, внедрение в практику исследований новых методов, социальное программирование. Отрадно сознавать, что опыт великого ученого по-прежнему востребован.

Важно отметить, что Владимир Тимофеевич при всей фундаментальности его научного творчества не был кабинетным ученым. Сформулированные им подходы, концепции, теоретические положения были выработаны в гуще практической работы и исследовательской деятельности. Он с молодости постоянно работал с молодежью: сначала старшим пионервожатым ленинградской 190-й школы, затем преподавал там же историю, был инструктором Дзержинского РК ВЛКСМ г. Ленинграда. В 1953–1961 гг. работал воспитателем общежития строителей, секретарем партийного бюро 20-го строительного управления треста № 101 Главленинградстроя.

В 1977 г. В. Т. Лисовский защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук на тему: «Формирование личности современного студента (Опыт социологического исследования в высшей школе 1966–1975 гг.)». В 1979 г. стал лауреатом премии Ленинского комсомола в области науки и техники «за цикл работ по проблемам коммунистического воспитания молодежи», в 1980 г. – лауреатом премии комсомола Болгарии. В 1980 г. ему присуждено ученое звание профессора. С 1993 г. В. Т. Лисовский член-корреспондент РАО по Отделению философии образования и теоретической педагогики. В 1993–1999 гг. был директором Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований ЛГУ (НИИКСИ), ставшим в это время Учебно-научным центром социологии: факультет социологии – НИИКСИ (УНЦ СПбГУ).· С 1999 г. – профессор факультета социологии СПбГУ и одновременно главный научный сотрудник НИИКСИ.

Многочисленные ученики и последователи В. Т. Лисовского, составившие ядро, костяк современной отечественной социологии молодежи, с неизменной благодарностью вспоминают масштабный стиль научной работы, теплоту человеческих отношений, позитивную манеру руководства, присущие их учителю и коллеге. Под его научным руководством защищено 30 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

Научное наследие В. Т. Лисовского, включающее более 250 фундаментальных работ, является важнейшим ресурсом реализации государственной молодежной политики и служит основой для глубокого и детального изучения проблем современной российской молодежи.

Закономерным и долгожданным свидетельством признания заслуг В. Т. Лисовского является обращение к его творче-

ского наследию и проведение Чтений, эпиграфом к которым можно считать название многочисленных диспутов с молодежью под общим названием «Что значит быть современным?» (заголовок одной из монографий В. Т. Лисовского).

Идея проведения ежегодных Чтений принадлежит доктору социологических наук, профессору, заместителю директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, почетному работнику сферы государственной молодежной политики Т. К. Ростовской, которая считает, что проведение Чтений памяти великого ученого стало ежегодной доброй традицией, а изучение фундаментальных трудов классика позволяет еще глубже вникнуть в решение целого ряда важнейших задач в сфере государственной молодежной политики.

В представляемом читателю тематическом выпуске в значительной степени отражены современные подходы к социологическому изучению молодежи, социальной политики, социально-ценностной структуры общества.

С. Г. Ивченков

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 6–16
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 6–16
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-6-16

Научная статья
УДК 316.7

Социальная регуляция рисков пандемии в оценках молодежи

Ю. А. Зубок✉, Н. А. Селиверстова

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, uzubok@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3108-2614

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, nas0311@ya.ru, https://orcid.org/0000-0001-9691-3020

Аннотация. В статье анализируется отношение молодежи к действиям Правительства РФ по снижению рисков пандемии новой коронавирусной инфекции. Отношение содержит разноуровневые представления о должном и сущем в деятельности правительственных структур и отражается в оценочных суждениях. Они рассматриваются в русле традиционного анализа: в связи с возрастом, уровнем образования, видами деятельности; в рамках концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи: в связи с архетипами, отдельными чертами менталитета, габитуальными установками. При том, что однозначную поддержку Правительство РФ получило менее, чем у трети опрошенной молодежи, наиболее критичными оказались группы молодежи в возрасте от 18 до 29 лет, совмещающей работу и учебу, не доверяющей исполнительной власти, наименее критичными – учащаяся и безработная молодежь, доверяющая исполнительной власти. В статье обосновывается вывод, что у власти есть устойчивая опора среди молодежи, разделяющей архетипы вины и добра, ментальную установку «любовь к отечеству» и габитуальную установку на «надежность и постоянство». Но самым значимым остается фактор доверия молодежи к Правительству РФ в обусловленности мнений об институциональной регуляции рисков пандемии.

Ключевые слова: молодежь, социальная регуляция, пандемия, риски пандемии, доверие к власти, саморегуляция жизнедеятельности, архетипы, менталитет, габитуальные установки, мнение

Для цитирования: *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Социальная регуляция рисков пандемии в оценках молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 6–16. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-6-16

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social regulation of pandemic risks in youth assessments

Yu. A. Zubok✉, N. A. Seliverstova

Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), 6 build. 1 Fotievoi St., Moscow 119333, Russia

Yulia A. Zubok, uzubok@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3108-2614

Nina A. Seliverstova, nas0311@ya.ru, https://orcid.org/0000-0001-9691-3020

© *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А., 2022*

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Abstract. The article analyzes the attitude of young people to the actions of the Government of the Russian Federation to reduce the risks of a pandemic. The attitude contains multilevel ideas about what should be and what exists in the activities of government structures and is reflected in value judgments. They are considered in the mainstream of traditional analysis: in relation to age, educational level, types of activity; within the framework of the concept of self-regulation of youth life: in connection with archetypes, individual features of mentality, habitual attitudes. Despite the fact that the Government of the Russian Federation received unequivocal support from less than a third of the young people surveyed, the most critical were the groups of young people aged 18 to 29, who combine work and study and do not trust the executive power. The least critical are students and unemployed youth who trust the executive power authorities. The article substantiates the conclusion that the authorities have a stable support among young people, who share the archetypes of "guilt" and "good", the value attitude "love for the motherland" and the high habitual attitude toward "reliability and constancy." But the most significant factor that increases positive attitude to the institutional regulation of the risks of the pandemic is youth trust to the Government of the Russian Federation.

Keywords: youth, social regulation, pandemic, pandemic risks, trust in power, self-regulation of life, archetypes, mentality, habitual attitudes, opinion

For citation: Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Social regulation of pandemic risks in youth assessments. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 6–16 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-6-16

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Пандемия новой коронавирусной инфекции (от факта ее признания до принятия мер по преодолению) одновременно стала основанием как дифференциации, так и солидаризации россиян. Социальная регуляция рисков пандемии также имеет своих сторонников и противников. Для молодежи в условиях пандемии Covid-19 возникли дополнительные риски, совпадающие в основном с рисками для других активных социально-демографических групп. Диапазон рисков чрезвычайно широк: от вероятности инфицирования новым коронавирусом, утраты социальной активности и/или временной нетрудоспособности, перехода на неполную рабочую неделю, потери работы/дохода, роста расходов семей на обеспечение дистанционного обучения до увеличения рисков семейного насилия и ухудшения психического состояния. Молодежь в силу возрастной специфики, с одной стороны, склонна острее воспринимать происходящее, с другой – игнорировать или недооценивать риски. К тому же информация о пандемии коронавирусной инфекции крайне противоречива, различные фейки, неоднозначность позиций в отношении противопандемических мероприятий, оценок действий власти и острые столкновения в социальных сетях по поводу вакцинации имеют большое влияние на молодежь[1].

Институциональная регуляция рисков коронавирусной инфекции в первую волну пандемии осуществлялась преимущественно в формах социального контроля, развития цифровизации, прямых инвестиций в экономику и налоговых льгот, социальной поддержки отдельных групп населения[2]. В этот напряженный период увеличившейся социальной неопределенности и рисков, сопровождаемый высочайшим уровнем информационного шума, результаты измерения реакций молодежи на действия Правительства РФ по регулированию положения дел в различных общественных сферах, связанных с последствиями пандемии, важны и сами по себе, но еще большую ценность они приобретают в связи с выявлением факторов, определяющих эти реакции. Ещё Б. Грушин[3], исследуя общественное мнение, установил, что оно зависит от возраста и образования. Обусловленность мнений возрастом значима и для изучения суждений молодежи, учитывая, что группа включает одновременно поколение «детей» (15 лет) и поколение «родителей» (35 лет). Что касается связи с уровнем образования, то она не столь однозначна. Подробнее вопрос будет рассмотрен ниже.

Аргументированность исследовательских практик анализа мнений граждан в связи с их социальным самочувствием, настроениями подтверждена временем. Безусловно, ситуационные факторы в значительной мере определяют мнения. Однако оценочный характер суждений допускает предположение о том, что они определяются не только текущей ситуацией, конкретными изменившимися условиями бытия, но и устойчивыми структурами сознания и даже бессознательного, лежащими в основе процесса саморегуляции молодежи. Анализ сопряженности мнений молодежи о социальной регуляции рисков пандемии с устойчивыми состояниями сознания (менталитетом, габитуальными установками) и бессознательного (архетипами) даст некоторую возможность понять глубинные основания оценочных суждений. Методологической базой данного подхода является концепция саморегуляции жизнедеятельности молодежи[4]. Саморегуляция представляет собой процесс множественных выборов целей жизнедеятельности молодежи и средств их достижения. Данный процесс отражает субъектность молодежи в социальной реальности.

В контексте заявленной темы важным представляется положение концепции о том, что «значимая часть саморегуляции реализуется в коллективном и индивидуальном бессознательном в форме архетипов, менталитета, габитусов, которые не рефлексируются в повседневном жизненном выборе, но которые активно на него влияют»[5]. Мы также исходим из того, что в основе мнений молодежи об институциональной

регуляции рисков пандемии находится отношение к власти как объекту социальной реальности, проявляющееся ситуационно в доверии / недоверии.

В проведенном в октябре 2020 г. исследовании[6] были использованы следующие измерительные инструменты отношения молодежи к действиям исполнительной власти: вопрос «Считаете ли Вы достаточными меры, предпринятые Правительством РФ, по преодолению распространения коронавируса?» и просьба «Оцените меры Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны».

Итак, распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы достаточными меры, предпринятые Правительством РФ, по преодолению распространения коронавируса?» свидетельствует о том, что однозначную поддержку власть нашла у меньшей части молодежи: 27,4% опрошенных считают, что «правительство сделало все возможное по преодолению распространения коронавируса». По мнению трети респондентов (33,7%), «можно было сделать больше», а 14,5% считают предпринимаемые меры правительства излишними, рассматривая их лишь как проявление социального контроля. Примерно столько же респондентов (15,5%) считают, что «правительство не справилось с предотвращением распространения коронавируса». Почти каждый десятый (11%) затруднился с ответом.

В оценке мер Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны молодежь несколько критичнее, чем в высказывании мнения о достаточности мер по преодолению распространения коронавируса. В этом случае поддержку мер правительства высказали 23,3% молодых людей. По мнению значительной части опрошенных (39,8%), «можно было сделать больше», а четверть респондентов (25,9%) считают, что «правительство не справилось с негативными последствиями пандемии для экономики страны». Как и в предыдущем случае, каждый десятый (11%) затруднился с ответом. Ни в первом, ни во втором случае гендерных различий в оценках действий правительства не зафиксировано.

Возраст определяет мнение о достаточности мер Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса следующим образом (табл. 1). Наиболее значительна доля выражающих позитивное мнение среди 15–17-летних (40,0%). Среди них также и самая малая доля высказавших однозначно негативное суждение (8,3%). Среди 25–29-летних каждый пятый (20,3%) считает предпринятые действия правительства недостаточными. Среди 18–24-летних 36,9% респондентов считают, что «можно было сделать больше», а в самой старшей группе, 30–35-летних, такое мнение присуще 30,9%. Остальные результаты менее отличаются от средних значений. Здесь и далее в большинстве корреляций выраженные отличия фиксируются в основном в полярных мнениях: однозначно позитивном («справилось…») и однозначно негативном («не справилось …»).

Таблица 1

Связь между возрастом и мнением о мерах Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса, %

Возрастные группы	Мнение о мерах Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса					
	Правительство сделало все возможное по преодолению распространения коронавируса	Можно было сделать больше	Считаю излишними меры, принимаемые по преодолению распространения коронавируса	Правительство не справилось с предотвращением распространения коронавируса	Затрудняюсь с ответом	Итого
15–17	40,0	33,8	11,7	8,3	6,2	100,0
18–24	24,7	36,7	15,2	17,1	6,4	100,0
25–29	24,3	32,3	12,7	20,3	10,3	100,0
30–35	28,2	30,9	16,6	12,0	12,3	100,0
Итого	27,4	33,7	14,5	15,5	8,9	100,0

Что касается одобрения мер Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий коронавируса на экономику страны, то, как и в предыдущем случае, в подгруппе 15–17-летних больше доля (38,6%) одобряющих их (табл. 2). Между ними и социальной реальностью – родители, выполняющие функцию буфера, оберегающего от неопределенности и рисков. Это, скорее всего, и позволяет подросткам проявлять меньшую критичность в отношении действий исполнительной власти. Подгруппы 18–24-летних и 25–29-летних близки в оценках мер правительства по поддержке экономики в период пандемии, что объясняется сходством потребностей и социального опыта. Среди них меньше одобряющих правительственные дей-

ствия. Наиболее выраженная часть молодежи в обеих подгруппах считает, что «можно было сделать больше» (по 43,0%), и близок к средним значениям уровень негативной оценки (28,1 и 27,6% соответственно). Отношение 30–35-летних к предпринятым мерам близко к средним значениям, за исключением позиции, выраженной суждением «считаю, что можно было сделать больше» (она ниже, чем в целом по выборке, соответственно 33,9 и 39,8%).

Таблица 2

Связь между возрастом и мнением о мерах Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны, %

Возрастные группы	Мнение о мерах Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны				
	Правительство сделало все возможное, чтобы снизить влияние негативных последствий пандемии на экономику страны	Можно было сделать больше	Правительство не справилось с влиянием негативных последствий пандемии на экономику страны	Затрудняюсь с ответом	Итого
15–17	38,6	36,6	13,8	11,0	100,0
18–24	20,5	43,0	28,1	8,3	100,0
25–29	18,0	43,0	27,0	12,0	100,0
30–35	24,9	33,9	27,6	13,6	100,0
Итого	23,3	39,8	25,9	11,0	100,0

Дифференциация молодежи по уровню образования в результате дает неоднозначные корреляции с мнениями о действиях Правительства РФ по регулированию ситуации с распространением коронавируса и снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны. Прежде заметим, в данной группе уровень начального основного образования на 97,8% совпадает с юным возрастом учащихся 9-х классов, поэтому утверждать, что образование, а не юные годы, определяет мнение 15-летних, затруднительно, как и мнение молодежи, достигшей уровней основного общего или среднего профессионального образования. Что касается уровня высшего образования, то молодежь, имеющая диплом бакалавров, более критична, нежели, завершившая обучение в магистратуре и аспирантуре. Так, соотношение положительных и отрицательных оценок действий Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса среди закончивших бакалавриат – 19,9 и 21,4%, магистратуру – 26,0 и 16,0%, аспирантуру – 20,0 и 0% соответственно. Имеющие диплом об окончании аспирантуры выделяются тем, что 60,0% считают предпринимаемые меры «излишними». Соотношение положительных и отрицательных оценок действий Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны таково: среди закончивших бакалавриат – 14,3 и 34,7%, магистратуру – 23,8 и 24,3%, аспирантуру – 20 и 40% соответственно. Считающих, что для экономики страны «можно было сделать больше», среди выпускников бакалавриата – 43,4%, магистратуры – 37,6% и аспирантуры – 20,0%.

Корреляции между видами занятости и оценочным мнением о достаточности мер Правительства РФ показывают, что наиболее критична подгруппа молодежи, совмещающая работу и обучение (табл. 3). В этой подгруппе самая малая доля (16,8%) считающих, что правительство сделало все возможное по преодолению распространения коронавируса, и самая большая – высказывающих мнение о том, что руководство страны не справилось с предотвращением распространения коронавируса (23,0%). При этом нет значимых объективных различий между молодежью, совмещающей работу и учебу, и работающей. Например, в этих подгруппах несущественно отличаются доли тех, у кого есть реальная возможность сменить работу (соответственно 55,8 и 52,6%) и равны шансы повысить свою заработную плату (соответственно 45,3 и 45,1%). Высокая включенность молодых людей в систему разноуровневых социальных связей, их множественность, которые влечет за собой сочетание работы и учебы, обеспечивают их большую критичность. Больше благожелательных оценок Правительство РФ получило от безработной молодежи. В этой подгруппе самая высокая доля положительно оценивающих меры, предпринимаемые правительством (38,8%), и самые низкие показатели негативных оценок (12,2%), а также позиции «правительство могло сделать больше» (22,4%). Ответы работающей и учащейся молодежи отклоняются от распределения по выборке в ту или иную сторону в пределах статистической погрешности.

Таблица 3

Связь между видами занятий и мнением о мерах Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса, %

Виды занятий	Мнение о мерах Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса					
	Правительство сделало все возможное по преодолению распространения коронавируса	Можно было сделать больше	Считаю излишними меры, принимаемые по преодолению распространения коронавируса	Правительство не справилось с предотвращением распространения коронавируса	Затрудняюсь с ответом	Итого
Работаю	24,7	33,3	15,7	16,2	10,1	100,0
Учусь	33,2	36,6	11,4	12,1	6,7	100,0
Работаю и учусь	16,8	37,2	16,8	23,0	6,2	100,0
Временно не работаю и не учусь	31,3	29,7	14,1	14,8	10,2	100,0
Безработный (зарегистрирован на бирже труда)	38,8	22,4	14,3	12,2	12,2	100,0
Итого	27,4	33,7	14,5	15,5	8,9	100,0

Действия Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику, как уже подчеркивалось, оценены молодежью более строго (табл. 4). В подгруппе молодежи, совмещающей работу с учебой, самая малая доля считающих, что «правительство сделало все возможное…» (15,9%), и самая значительная доля тех, кто считает, что «правительство не справилось…» (37,2%). В ответах на данный вопрос и работающая молодежь проявила большую критичность: 20,6% дают действиям Правительства РФ положительную оценку (20,6%) и 28,0% – отрицательную («не справилось»). Самые высокие доли положительно высказывающихся о мерах Правительства РФ – среди учащейся молодежи (30,2%) и безработных (30,6%). Значительная доля учащейся молодежи (42,6%) считает, что «можно было сделать больше». Среди безработных меньшая доля затруднившихся с ответом (6,1%). Оценки действий правительства временно не занятой молодежью – на уровне средних значений.

Анализ обусловленности оценок, даваемых молодежью мерам Правительства РФ по снижению рисков пандемии, показал значимость фактора доверия к этому органу исполнительной власти.

Таблица 4

Связь между видами занятий и мнением о мерах Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны, %

Виды занятий	Мнение о мерах правительства РФ по снижению негативных последствий пандемии на экономику страны				
	Правительство сделало все возможное, чтобы снизить влияние негативных последствий пандемии на экономику страны	Можно было сделать больше	Правительство не справилось с влиянием негативных последствий пандемии на экономику страны	Затрудняюсь с ответом	Итого
Работаю	20,6	39,7	28,0	11,6	100,0
Учусь	30,2	42,6	17,1	10,1	100,0
Работаю и учусь	15,9	36,3	37,2	10,6	100,0
Временно не работаю и не учусь	22,7	39,1	25,8	12,5	100,0
Безработный (зарегистрирован на бирже труда)	30,6	34,7	28,6	6,1	100,0
Итого	23,3	39,8	25,9	11,0	100,0

Среди молодежи, доверяющей Правительству РФ, почти половина тех, кто положительно оценивает его действия (49,8%), и лишь 4,3% высказывает однозначно негативное мнение по этому вопросу (табл. 5). Треть молодежи (29,7%) считает, что можно было сделать больше, излишними мерами предпринимаемые действия определяют 12,3%. Среди тех, кто не доверяет правительству, самые высокие доли (26,7%) негативно оценивающих и считающих предпринимаемые им меры излишними (19,4%) и самая низкая (12,2%) – оценивающих положительно. Среди тех, кто не определился с доверием к правительству, оценки ближе к распределению в целом по выборке.

Таблица 5

Связь между отношением молодежи к Правительству РФ и мнением о его мерах по преодолению распространения коронавируса, %

Отношение к Правительству РФ	Мнение о мерах Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса					
	Правительство сделало все возможное по преодолению распространения коронавируса	Можно было сделать больше	Считаю излишними меры, принимаемые по преодолению распространения коронавируса	Правительство не справилось с предотвращением распространения коронавируса	Затрудняюсь с ответом	Итого
Не доверяю	12,2	33,1	19,4	26,7	8,6	100,0
Трудно сказать, доверяю или нет	27,1	36,2	12,2	13,3	11,3	100,0
Доверяю	49,8	29,2	12,3	4,3	4,3	100,0
Итого	27,4	33,7	14,5	15,5	8,9	100,0

Характер сопряженности в основном сохраняется между отношением молодежи к Правительству РФ и мнением о его действиях по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны (табл. 6). Однако сам по себе уровень доверия к правительству в молодежной среде снизился в 2020 г. по сравнению с 2014 г.[7] вдвое (21,9 и 47,8%), соответственно уровень недоверия вырос вдвое (31,2 и 15,2%), увеличилась и доля неопределенности: «трудно сказать, доверяю или нет» (46,9 и 36,9%). Доверие к институциональным структурам – отношение, одновременно крайне зависимое от текущей ситуации в важнейших сферах жизнедеятельности общества и укоренившееся не только в коллективном и индивидуальном сознании (менталитете, габитуальных установках), но и в бессознательном (архетипах).

Таблица 6

Связь между отношением к Правительству РФ и мнением о его мерах по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны, %

Отношение к Правительству РФ	Мнение о мерах Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий коронавируса на экономику страны				
	Правительство сделало все возможное, чтобы снизить влияние негативных последствий пандемии на экономику страны	Можно было сделать больше	Правительство не справилось с влиянием негативных последствий пандемии на экономику страны	Затрудняюсь с ответом	Итого
Не доверяю	9,2	36,9	44,7	9,2	100,0
Трудно сказать, доверяю или нет	21,8	43,7	20,5	14,0	100,0
Доверяю	46,6	35,6	10,7	7,1	100,0
Итого	23,3	39,8	25,9	11,0	100,0

Проведенный анализ корреляций между архетипами и отношением к действиям Правительства РФ показал, что наиболее выраженные сопряженности с архетипами вины и добра (табл. 7, 8). Архетип вины измерялся через согласие/несогласие с пословицей «Послушание – добродетель, непослушание – грех». В традициях русской культуры обращаться к совести как мерилу своих действий или бездействий, что базируется на православии. «В христианстве совесть

трактуется как показатель нравственной обязанности, соответственно, вина возникает в связи с ее нарушением и осознанием греха. В русской культуре вина связывается с отходом от добродетели послушания и покорности»[8]. Анализ связей архетипа вины и ментальных структур выявил следующую специфику корреляций: «…в формировании национального менталитета первостепенную роль играют … совестливость, связанная с озабоченной оценкой себя окружающими, со способностью испытывать чувство стыда за проявление несправедливости по отношению к другим, … чувство вины как озабоченность собственной правотой и, как следствие, послушание, рассматриваемое в качестве долга»[9]. Одним из оснований законопослушности и лояльности к власти российской молодежи является архетип вины. В ходе анализа выявлены примерно равные доли носителей архетипа вины и его не разделяющих (соответственно 43,8 и 41,0%); 15,2% затруднились ответить. Более трети носителей архетипа вины (36,8%) высказали положительное мнение о действиях Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса и вдвое меньше (18,4%) среди тех, кто данный архетип не разделяет. Носители архетипа менее критичны по сравнению с не разделяющими его и в оценках «можно было сделать больше», «считаю меры излишними». Различия в однозначно негативном мнении «не справилось…» незначительны.

Таблица 7

Связь архетипов и мнения молодежи о действиях Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса, %

Архетипы		Мнение о действиях Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса					
		Правительство сделало все возможное по преодолению распространения коронавируса	Можно было сделать больше	Считаю излишними меры, принимаемые по преодолению распространения коронавируса	Правительство не справилось с предотвращением распространения коронавируса	Затрудняюсь с ответом	Итого
Вины	разделяют	36,8	31,6	11,9	13,4	6,3	100,0
	не разделяют	18,4	38,2	17,1	17,1	9,3	100,0
	не определились	25,1	27,4	14,9	17,1	15,4	100,0
Добра	разделяют	32,4	33,0	14,0	13,3	7,4	100,0
	не разделяют	17,2	36,4	16,9	20,4	9,1	100,0
	не определились	25,6	31,0	10,9	15,5	17,1	100,0
Правоты власти	разделяют	33,3	30,9	14,5	13,3	8,0	100,0
	не разделяют	25,0	35,6	15,1	16,4	7,9	100,0
	не определились	25,6	31,4	11,5	16,0	15,4	100,0
Итого		27,4	33,7	14,5	15,5	8,9	100,0

Архетип добра измерялся через согласие/несогласие с пословицей «Добро не умрет, а смерть пропадет». Исход извечной борьбы двух начал, добра и зла, в основании оптимизма и долготерпения. Данный архетип разделяет большинство молодежи – 61,2%, не разделяет – 27,6%. Характер сопряженности данного архетипа и мнения молодежи о действиях Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса близок к рассмотренной связи архетипа вины и указанного мнения, но различия в однозначно негативном мнении «не справилось…» более выражены: среди разделяющих архетип – 13,3%, не разделяющих – 20,4%.

Архетип правоты власти, соотнесенный с пословицей «Где царь, тут и правда», включает в себя безусловное принятие власти, избегание ответственности за собственную жизнь. Кроме того, «в нем содержится отсылка к базовому способу легитимации подчинения, смысловых параметров взаимодействия между подчиняющим и подчиненным»[10]. Названный архетип разделяют 28,1% респондентов, не разделяют 58,4%, затруднились ответить 13,5%. Различия в положительных оценках действий Правительства РФ менее значимы по критерию разделяют/не разделяют архетип, чем в предыдущих случаях (соответственно 33,3 и 25,0%). Во всех рассмотренных корреляциях равные доли однозначно поддерживающих меры Правительства РФ среди не определившихся с архетипами (25,0–25,6%), что близко к распределению по выборке в целом.

Связь архетипов и мнения о действиях Правительства РФ по снижению влияния не-

гативных последствий пандемии на экономику страны либо на уровне корреляций с мнением о мерах Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса, либо критичнее, в основном за счет оценки «можно было сделать больше» (см. табл. 8).

Таблица 8

Связь архетипов и мнения о действиях Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны, %

Архетипы		Мнение о мерах Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны				
		Правительство сделало все возможное, чтобы снизить влияние негативных последствий пандемии на экономику страны	Можно было сделать больше	Правительство не справилось с негативными последствиями пандемии на экономику страны	Затрудняюсь с ответом	Итого
Вины	разделяют	34,8	37,9	20,0	7,3	100,0
	не разделяют	14,1	42,8	31,6	11,4	100,0
	не определились	14,9	37,1	27,4	20,6	100,0
Добра	разделяют	28,0	39,2	21,9	10,9	100,0
	не разделяют	14,1	42,3	34,5	9,1	100,0
	не определились	20,2	37,2	26,4	16,3	100,0
Правоты власти	разделяют	32,1	35,8	22,5	9,6	100,0
	не разделяют	19,6	41,8	28,4	10,2	100,0
	не определились	21,2	39,7	21,8	17,3	100,0
Итого		23,3	39,8	25,9	11,0	100,0

Анализ корреляций между компонентами менталитета и отношением к противопандемическим мерам Правительства показал, что относительно выраженные значения сопряженностей зафиксированы с такими традиционными установками, как любовь к своему отечеству, любовь к ближнему, и современной чертой – стремлением отстаивать права человека. Любовь к своему отечеству полностью разделяет более половины опрошенной молодежи – 55,6%, «частично» – 37,1%, «практически» не разделяют – 7,3%. Среди тех, кому в полной мере свойственна любовь к отечеству, треть (33,3%) положительно оценивают меры Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса и 13,1% – отрицательно. Среди тех, кому эта традиционная установка не присуща, положительную оценку дают 16,7%, отрицательную – 21,6%, в данной подгруппе самая высокая доля считающих действия исполнительной власти «излишними» (22,6%). Меры Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны в этой подгруппе молодежи однозначно негативно оценили 35,7%, позитивную оценку дали 19,0%. Среди тех, кто полностью разделяет любовь к отечеству, 28,0% поддержали положительную оценку, 22,8% – отрицательную. Мнения, что «можно было сделать больше», придерживаются практически равные доли опрошенных, независимо от того, присуща ли им любовь к отечеству, в какой степени, или не присуща вовсе (от 38,9 до 40,5%). Самая малая доля затруднившихся ответить в подгруппе не разделяющих традиционное качество – 4,8%, среди разделяющих – 8,7%, разделяющих «частично» – 15,6%.

Любовь к ближнему «полностью» разделяет большинство опрошенной молодежи (73,6%), «частично» – 22,9%, «практически» не разделяют – лишь 3,5%. Корреляции между любовью к ближним и оценочным суждениям о достаточности мер Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса неоднозначны. Мнения разделяющих «полностью» любовь к ближнему близки к средним значениям распределения ответов. Положительная оценка дана 29,7% молодыми респондентами, отрицательная – 14,1%. Среди разделяющих названное свойство «частично» самая малая доля положительно оценивших меры Правительства (20,0%), однозначно отрицательное мнение «не справилось…» высказали 17,1%. Среди «практически» не разделяющих любовь к ближнему 25,0% положительно оценили действия Правительства РФ и 30,0% – однозначно отрицательно, что вдвое больше, чем в подгруппе «полностью» разделяющих (14,1%). Положительные оценки мер Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий на экономику страны совпали в подгруппах «полностью» разделяющих и «практически» не разделяющих (25,6 и 25,0%

соответственно). Более критичными оказались «частично» разделяющие любовь к ближнему, среди которых положительную оценку правительственным действиям дали 16,6% опрошенных. Однозначно отрицательное отношение практически совпало в подгруппах «полностью» и «частично» разделяющих названное свойство, оно выражено на уровне, близком к средним значениям (24,9 и 26,4% соответственно). В подгруппе «практически» не разделяющих такое мнение выразили 42,5%. Традиционная установка «любовь к отечеству» более явно маркирует различия в оценках молодежи действий Правительства РФ, нежели «любовь к ближнему».

Современную установку «стремление отстаивать свои права» «полностью» разделяют 68,9% респондентов, «частично» – 26,7%, «практически» не разделяют лишь 4,4%. Положительное мнение о мерах Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса в подгруппе «полностью» разделяющих современную установку более выражено, нежели среди «практически» не разделяющих ее (29,5 и 19,6% соответственно). В подгруппе «практически» не разделяющих стремление к отстаиванию своих прав выше доля (25,5%) высказавших негативное мнение «не справилось …», чем среди «полностью» разделяющих (14,3%). В численно незначительной подгруппе «практически» не разделяющих выше доля считающих меры правительства «излишними» (21,6%). Что касается оценки действий руководства страны по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику, то они совпали среди «полностью» разделяющих и «практически» не разделяющих (25,0 и 25,5% соответственно), несколько более критичными в этом случае оказались «частично» разделяющие (18,5%). В однозначно негативных оценках совпали доли среди «полностью» и «частично» разделяющих (25,5 и 24,7%), что на уровне средних значений распределения ответов. Среди «практически» не разделяющих доля негативно оценивших составила 39,2%. В подгруппах «полностью» разделяющих и «практически» не разделяющих рассмотренные традиционные и современные установки положительные мнения могут совпадать или отличаться примерно на 10,0%, но среди «практически» не разделяющих всегда в полтора–два раза выше доля однозначно негативных мнений «не справилось …». Подгруппа «практически» не разделяющих установки на любовь к отечеству, любовь к ближнему, стремление отстаивать свои права – численно незначительна, на средние значения распределения ответов особо не влияют, но они есть и выделяются долями однозначно негативных мнений о действиях Правительства РФ в пандемию и мнений, что меры были «излишними…». Они не вполне интегрированы в общество? Возможно. Более определенный ответ можно дать только после детального анализа.

Рассмотрение связей между габитуальными установками и мнениями о действиях Правительства РФ по снижению рисков пандемии позволило выделить корреляции с выбором таких моделей поведения, как «надежность и спокойствие» или «риск и изменение». Большинство опрошенной молодежи выбирает надежность и спокойствие в качестве жизненной установки (73,8%), соответственно, риск и изменение – немного более четверти респондентов (26,2%). Очевидно, что склонность к риску и изменениям обусловлена юным возрастом, которая, по данным исследования, с 25 лет начинает снижаться и становится характерной для пятой части опрошенных. Среди выбирающих надежность и спокойствие доля положительно оценивших меры Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса составила 30,3%, однозначно отрицательно – 14,3% (табл. 9). Молодежь, ориентированная на риск и изменения, более критична: доли высказавших позитивные мнения и однозначно негативные практически равны, соответственно 19,5 и 18,8%. Примерно столько же (19,1%) в этой подгруппе считают предпринимаемые меры «излишними».

Таблица 9

Связь между габитуальными установками и мнением о действиях Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса, %

Габитуальные установки	Мнение о действиях Правительства РФ по преодолению распространения коронавируса					
	Правительство сделало все возможное по преодолению распространения коронавируса	Можно было сделать больше	Считаю излишними меры, принимаемые по преодолению распространения коронавируса	Правительство не справилось с предотвращением распространения коронавируса	Затрудняюсь с ответом	Итого
Надежность и спокойствие	30,3	33,3	12,8	14,3	9,3	100,0
Риск и изменение	19,5	34,7	19,1	18,8	7,9	100,0
Итого	27,4	33,7	14,5	15,5	8,9	100,0

В оценке мер Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны молодежь, ориентированная на риск и изменения, усилила свою критичность (табл. 10). Доля респондентов, положительно оценивших действия Правительства РФ, составила 17,2%, отрицательно – 33,3%. Выраженность оценок молодежи, выбирающей надежность и спокойствие – на уровне средних значений по выборке.

Таблица 10

Связь между габитуальными установками и мнением о действиях Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны, %

Габитуальные установки	Мнение о мерах Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий коронавируса на экономику страны				
	Правительство сделало все возможное, чтобы снизить влияние негативных последствий пандемии на экономику страны	Можно было сделать больше	Правительство не справилось с влиянием негативных последствий пандемии на экономику страны	Затрудняюсь с ответом	Итого
Надежность и спокойствие	25,5	40,5	23,2	10,8	100,0
Риск и изменение	17,2	38,0	33,3	11,6	100,0
Итого	23,3	39,8	25,9	11,0	100,0

Описанные различия сохраняются и для выбирающих в качестве жизненных стратегий постоянство или изменения, соотношение которых составляет 62,6 и 37,4%. Различия в оценочных суждениях положительного и отрицательного характера по критерию выбора жизненной стратегии варьируют в диапазоне от 6,0 до 13,0%. Среди молодежи, предпочитающей постоянство как жизненную стратегию, больше доля поддерживающих действия Правительства РФ, чем среди выбирающей изменения. Данный ракурс анализа, как и предыдущие варианты, основанные на социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи, показывает, что при отличиях в положительных и отрицательных оценках в большинстве случаев мнение молодежи совпадает в оценке «можно было сделать больше». Данный результат позволяет предположить, что это устойчивое состояние сознания молодежи, и связано оно не только с пандемией новой коронавирусной инфекции. Это состояние сознания из ряда неоправданных ожиданий по отношению к власти. Но пока это только гипотеза.

Связь отношения молодежи к действиям Правительства РФ по регуляции рисков пандемии с элементами механизма социокультурной саморегуляции жизнедеятельности свидетельствует о том, что у власти есть устойчивая опора в большей степени среди тех, кто разделяет архетипы вины и добра, а также тех, кому присуща ментальная черта «любовь к отечеству». Но наиболее значимым остается фактор доверия молодежи к Правительству РФ.

Примечания

1 См.: *Зубок Ю. А., Проказина Н. В.* Отношение молодежи к новой коронавирусной инфекции : динамика представлений и практики здоровьесберегающего поведения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № S1. С. 752–757. https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-s1-752-757

2 См.: Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/spch_predstavil_doklad_po_teme_uroki_epidemii_s_tochki_zreniya_soblyudeniya_prav_i_svobod_cheloveka_/ (дата обращения: 02.09.2021) ; *Синявская О., Пишняк А.* Социальная поддержка в России в период пандемии : действия правительства и реакция населения. URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/17/1358585376/02%20Sinyavskaya_HSE%20ISP-WB-NCMU_17-10-2020_RU.pdf (дата обращения: 02.09.2021).

3 См.: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. М. : Праксис, 2011.

4 См.: Саморегуляция жизнедеятельности молодежи : методология и социальные практики / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.] ; науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород : ООО «Эпицентр», 2021. С. 10–54.

5 Там же. С. 35.

6 Исследование проведено Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН в октябре 2020 г. под руководством Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова. Опрошена молодежь в возрасте от 15 до 35 лет включительно методом личного интервью (face-to-face) по месту жительства респондентов. Опрос проведен по репрезентативной для населения России выборке в 42 населенных пунктах

10 субъектов Российской Федерации, всего опрошено 1155 человек. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована *случайная маршрутная выборка* для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно *квотному* заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей (регионы: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Вологодская область, Республика Крым).

[7] Данные Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН.

[8] *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 170. https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614

[9] *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе : социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2014. С. 212.

[10] *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Указ. соч. С. 171.

Поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 17–22
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 17–22
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-17-22

Научная статья
УДК 316

Одиночество в условиях пандемии: страновый обзор

Т. К. Ростовская[1] ✉, А. Д. Сулейманлы[2], В. А. Гневашева[1], Д. П. Толмачев[1]

[1]Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

[2]Ускюдарский университет, Турция, 34662, г. Стамбул, пров. Алтунизаде, ул. Халук Тюрксой, д. 14.

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Rostovskaya.tamara@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1629-7780

Сулейманлы Абульфаз Давуд оглу, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr, https://orcid.org/0000-0003-1894-5232

Гневашева Вера Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, руководитель отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения, vera_cos@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-3596-661X

Толмачев Даниил Петрович, аспирант, dan.tolmachev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2401-5990

Аннотация. В условиях всеобщего режима самоизоляции, связанного с пандемией COVID-19, одиночество становится одной из наиболее глобальных, общечеловеческих проблем. Коронавирус усугубил ранее незаметную ситуацию одиночества в мире и превратил людей в участников самого масштабного на планете психологического эксперимента. В этой связи актуальным является описание одиночества как социального явления, в том числе в стратовом аспекте (у различных групп населения), а также в контексте межстранового анализа. Современное общество все чаще сталкивается с данной проблемой и формирует ответные ее решения. В статье представлен экспертный анализ проявлений проблемы одиночества в современном обществе с уточнением влияния именно пандемии COVID-19 на распространение и усиление рассматриваемого явления. Представленная проблематика требует более расширенного изучения, так как ее последствия могут оказать значимое негативное влияние на формирование «постковидного» общества. Современная общественность, несомненно, обратила внимание на данное явление, формируются программы сглаживания ситуации, однако важно не просто выявить и детерминировать данную проблему, но и выяснить существующие взаимосвязи дальнейшего развития рассматриваемого явления с прочими общественными процессами. Попыткам подобного многофакторного, корреляционного, системного анализа и посвящена данная статья.

Ключевые слова: пандемия, одиночество, проблема одиночества, социальная изоляция, страх

Для цитирования: *Ростовская Т. К., Сулейманлы А. Д., Гневашева В. А., Толмачев Д. П.* Одиночество в условиях пандемии: страновый обзор // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 17–22. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-17-22

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Loneliness in the pandemic: Country overview

T. K. Rostovskaya[1] ✉, A. D. Suleimanli[2], V. A. Gnevasheva[1], D. P. Tolmachev[1]

[1]Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), 6 build. 1 Fotievoi St., Moscow 119333, Russia

[2]Üsküdar University, 14 PK Haluk Türksoy St., Altunizade Mh., İstanbul 34662, Turkey

Tamara K. Rostovskaya, Rostovskaya.tamara@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1629-7780

Abulfaz D. Suleymanli, ebulfez.suleymanli@uskudar.edu.tr, https://orcid.org/0000-0003-1894-5232

Vera A. Gnevasheva, vera_cos@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-3596-661X

Daniil P. Tolmachev, dan.tolmachev@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2401-5990

Abstract. In the context of the general self-isolation regime associated with the COVID-19 pandemic, loneliness is becoming one of the most global, universal human problems. The coronavirus exacerbated a previously imperceptible situation of loneliness in the world and turned people into the participants in the largest psychological experiment on the planet. In this regard, it is relevant to describe loneliness as a social phenomenon included in the stratum aspect (among different population groups), as well as in the context of cross-country analysis. Modern

© *Ростовская Т. К., Сулейманлы А. Д., Гневашева В. А., Толмачев Д. П., 2022*

society is increasingly faced with this problem and forms its response solutions. The article presents the expert analysis of the manifestations of the problem of loneliness in modern society, clarifying the impact of the Covid-19 pandemic on the spread and strengthening of the phenomenon in question. The presented problems require a more extensive study, since its consequences can have a significant negative impact on the formation of a "post-like" society. The modern public has undoubtedly paid attention to this phenomenon, programs for smoothing the situation are being formed, however, it is important not only to identify and determine the existing problem, but also to clarify the existing relationships between the further development of the phenomenon under consideration with other social processes. This article is devoted to attempts of such a multivariate, correlation, system analysis.

Keywords: pandemic, loneliness, loneliness problem, social isolation, fear

For citation: Rostovskaya T. K., Suleimanly A. D., Gnevasheva V. A., Tolmachev D. P. Loneliness in the pandemic: Country overview. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 17–22 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-17-22

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одиночество в современном обществе является важнейшим общественным явлением, требующим глубокого социально-психологического, социально-философского, культурологического и социологического осмысления. Сущностные особенности данного феномена с точки зрения социологии исследуются российскими учеными Н. Е. Покровским и Г. В. Иванченко, которые рассматривают одиночество человека как его отчужденность от собственной социальной и даже этнической идентичности. Такая ситуация способна привести к возникновению разрыва между личностью человека и его внутренним миром, отчуждению человека от самого себя и обострению его внутреннего чувство одиночества[1].

Раскрывая понятие одиночества как широкий спектр явлений, характеристик и состояний человека, российский социолог Ж. В. Пузанова обращает внимание на концептуальные модели, которые обусловливают методические подходы исследования данного феномена. Первая модель, связанная с осознанием индивидом дефицита связей, включает процесс самооценки личности, познающей неполноту своих отношений с другими людьми. Вторая модель акцентирует потребность человека в общении, установлении близких отношений с другим человеком[2].

Проблема одиночества существовала в мире задолго до появления нового штамма коронавируса и до закрытия людей на карантин[3]. В западных странах многие писали и говорили о феномене и даже об «эпидемии одиночества», столь распространенной в современном мире. Однако в период пандемии на данное явление стало накладываться новое социальное содержание. 2020-й – год первой волны чрезвычайной ситуации, связанной со вспышкой COVID-19, стал особым для всего человечества. Во всех странах стали приниматься радикальные ограничительные меры, связанные со всеобщим режимом самоизоляции и переходом в дистанционный режим работников различных организаций, школьников, студентов, людей старшего возраста[4].

Таким образом, в 2020 и 2021 гг. миллионы людей оказались в вынужденной изоляции на недели и даже на месяцы, людям пришлось во многом дистанцироваться от общества. И в этот момент, когда весь мир сосредоточился на борьбе с коронавирусом и его последствиями, тенденция, которая набирала обороты в последние годы, приобрела поистине устрашающий масштаб: планету незаметно накрыла еще одна не менее пугающая «эпидемия» – эпидемия одиночества.

Коронавирус усугубил ранее незаметную ситуацию одиночества в мире и превратил людей в участников самого масштабного на планете психологического эксперимента. Как утверждает А. Волков, связи между людьми были ограниченными и до вынужденной изоляции, но в условиях карантина и локдауна создавать и поддерживать их стало особенно сложно[5].

«Мы официально теперь в состоянии пандемии, – говорит Э. Клиненберг, социолог из Университета Нью-Йорка, в интервью изданию Vox, – Но также мы вошли в новый период социальной боли. Изоляция и социальное дистанцирование приведут к такому уровню социальных потерь, о котором пока очень мало говорят»[6].

Причем данная проблема коснулась не только отношений между людьми, также она затронула отношения между народами и между странами. Данная «эпидемия» распространилась с беспрецедентной скоростью в истории; все это бессознательно создало неопределенность, которая раздвинула наши пределы терпимости, поколебав наши чувство контроля и веру в предсказуемость будущего. В этот период усилилось и наше одиночество. В результате длительной изоляции появляется риск эмоционального выгорания и чувства одиночества, и здесь требуются дополнительные усилия по оказанию взаимной поддержки[7].

Немаловажным обстоятельством, оказывающим воздействие на уровень развития одиночества в период пандемии, оказалось длительное нахождение людей в замкнутом пространстве, что привело к ослаблению общественных связей, дружеских, родственных уз и, безусловно, к созданию у многих стрессовой ситуации. Людям не хватало близкого общения и впечатлений от

жизни, и особенно тяжело становилось без объятий. Активное использование интернет-коммуникаций во время пандемии также не удовлетворяло потребность человека в близком общении, необходимом для преодоления негативных переживаний одиночества.

В обычной жизни человек, на постоянной основе работающий из дома, смог бы компенсировать недостаток общения и впечатлений после работы: он мог сходить в бар, кино, встретиться с близкими. В ситуации изоляции все эти способы поддержать себя оказались недоступными. Кроме того, тех, кто жили в одиночестве, стали пугать и бытовые моменты: например, люди, которые помогли бы купить лекарства и продукты, если человек заболел (не обязательно коронавирусом) и не был в состоянии добраться до магазина, сами оказались взаперти в условиях жесткого карантинного режима. Все это обострило и актуализировало тему одиночества во время пандемии.

Теоретические предпосылки и методы исследования

Изучение феномена социального одиночества определяется рядом подходов: экзистенциальная психология (И. Ялом, К. Мустакас), где считается, что одиночество присуще природе человека (К. Мустакас детерминирует понятия «суета одиночества» как систему защитных механизмов и «истинное одиночество» как понимание «реальности одинокого существования». И. Ялом подчеркивает, что реальности одинокого существования предшествует некоторая пограничная жизненная ситуация, как смерть, жизненные потрясения и трагедии, переживаемые индивидом в одиночку); экзистенциальная философия (Ж.-П. Сартр, А. Камю, Н. А. Бердяев, М. Хайдеггер), где в основу положен принцип конфликтности в отношении объективного мира, при этом экзистенциалисты определяют причины одиночества в условиях бытия индивида; психоаналитический подход (в части неофрейдистской парадигмы) (Л. Зилбург, А. О. Смирнова, Х. Салливан, Ф. Фромм-Рейхман), где предпосылки одиночества определяются некоторыми событиями и переживаниями детства (в рамках данной концепции Л. Зилбург различает понятия «одиночество» и «уединение», считая второе нормальным состоянием, а первое – непреодолимым, причины которого видятся в самой личности; гуманистическая социология (человекоцентрированный подход) (К. Рождерс, Л. Хьелл, Д. Зиглер и др.), где одиночество есть следствие влияния внешнего на личность (по К. Роджерсу, одиночество есть «проявление слабой приспособляемости личности»); социально-психологический подход (А. Боумен, Д. Рисмен) предполагает причиной одиночества само общество, в частности, усилению одиночества способствует ослабление связей в первичной группе, при этом подчеркивается, что одной из ключевых причин одиночества является ориентация на других: люди хотят нравится другим, стремятся приспосабливаться к обстоятельствам, уходят от своего «я», при этом Д. Рисмен использует понятие «одинокая толпа»; когнитивный подход (В. Дерлега, С. Марголиус, Д. Перлман, Л. Пепло), где упор делается на несоответствии социального и индивидуального опыта индивида. Существуют также подходы, в которых одиночество рассматривается как часть (компонент) более общей концепции; Э. Фромм говорит об обществе потребления как о причине одиночества; К. Хорни разрабатывает психосоциальную доктрину одиночества, куда включает множественные факторы, в том числе и проблемы современной семьи; интегративная модель одиночества У. Садлера и Т. Джонсона изучает данный феномен через понимание внутреннего мира личности как динамического процесса, обусловленного переживаниями индивида в контексте жизненных отношений и связей человека; обладая определенным потенциалом, человек должен его реализовать посредством определения своего места в мире на всех уровнях и установления на каждом из них необходимого ему количества связей.

Проблемы одиночества сводятся к определению особенностей межличностных отношений, и в первую очередь в семье как малой группе. Изменение сущности такого явления, как социальное одиночество, ведет и к трансформации сетевых взаимодействий субъектов, в том числе и в рамках малой социальной группы, к трансформации понимания семьи как социальной группы.

Оценка социально-психологического состояния одиночества у различных групп населения

Изоляция из-за нового коронавируса затронула самые разные группы населения. Но есть те, кто в такой ситуации оказались наиболее уязвимы. В первую очередь это затронуло людей старшего возраста, которые жили одни и отработали размеренный образ жизни со своими ритуалами, прогулками, походами по магазинам, поликлиникам, приездами родственников по выходным. В период пандемии вся их привычная схема оказалось разрушенной, что резко усилило тревогу одиночества данной категории населения.

Исследования показали, что чувство одиночества усугубило у данной возрастной группы уже имеющиеся проблемы со здоровьем, при этом следует отметить, что «именно ментальное здоровье играет важнейшую роль в успешной социализации людей, в том числе старшего возраста»[8].

Известно, что существует связь между изолированностью от общества и ухудшением здоровья, например развитием деменции, сердечно-сосудистых заболеваний, инсульта и других состояний. Учитывая тот момент, что данная группа не очень привыкла к виртуальному общению, и именно их как группу риска просили сидеть дома в первую очередь, то испытание одиночеством они переносили гораздо сложнее.

Тяжело сказались жесткие меры карантина и на людях с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Так, с объявлением жестких карантинных мер они стали испытывать дополнительные трудности в доступе к медицинскому обслуживанию, что негативно сказалось на состояние их одиночества.

Проблема одиночества во время пандемии стала актуальной для всех возрастов, в том числе и для молодежной группы. Исследования, проведенные в различных странах, показали, что в ходе первого локдауна почти каждый третий подросток испытывал стресс или страх в средней или тяжелой форме, был подвержен приступам скверного настроения – вплоть до депрессии и чувства полной заброшенности, а также страдал психосоматическими расстройствами[9]. Результаты различных исследований говорят о том, что среди молодежи возросла тенденция к вызывающему поведению – вплоть до проявления физической агрессии и суицида. Свою роль здесь, конечно, играет множество различных факторов. На индивидуальном уровне – это ограничение возможностей общения со сверстниками как в школе, так и вне ее, ограничение физической активности, свободы передвижения и снижение возможностей взаимодействия с внешним миром вообще.

«Эпидемия одиночества»: проявление в разных странах

По результатам отчета Объединенного исследовательского центра Европейской комиссии, в Европе возрос уровень одиночества. Так, в начале пандемии коронавируса, в апреле–июле 2020 г., каждый четвертый гражданин ЕС заявлял, что чувствовал себя в это время одиноким. В это время уровень одиночества вырос во всех регионах Европы до 22–26%. Более чем на 15% уровень одиночества повысился в Болгарии, Эстонии, Франции, Германии, Польше, Португалии и Швеции[10]. В Европе самой «одинокой» страной оказалась Швеция: почти половина шведских домохозяйств – это одинокие и бездетные взрослые[11].

Проблема одиночества также остра и в США, где каждый десятый почувствовал себя изолированным во время пандемии. Исследования, проведенные в США во время первой волны в 2020 г., показало, что 50% пожилых людей чувствовали себя одинокими, среди миллениалов (рожденные после 1980 г.) этот показатель – 71%, а у поколения Z (рожденные после 1996 г.) – 79%[12].

Чувство одиночества во время пандемии коронавируса стало на 25% чаще возникать у жителей Финляндии. Если до пандемии коронавируса одинокими себя могли назвать 20,8% ее жителей, то в период пандемии доля одиноких людей выросла до 26,0%. Правда, пик одиночества пришелся на весну 2020 г., когда таковыми себя посчитали 32,0% опрошенных[13].

В Азии одиночество уже стало частью массовой культуры. Показательный пример – Япония, где больше полумиллиона человек оборвав все социальные связи, предпочли жить в полной самоизоляции более полугода. Японцы стали называть таких людей «хикикомори» («уединяющиеся», «отстраненные»), сокращенно «хикки»[14].

Исследования и опросы, проведенные нами в Турции на разных стадиях пандемии, показали, что респонденты старше 60 лет и студенты-юноши чувствовали себя более одинокими из-за отсутствия связи с их непосредственным окружением и потери привычных социальных связей в период пандемии[15].

Многие исследования акцентируют внимание на усилении проблемы одиночества в России. Так, по данным исследования ВШЭ, было выявлено, что более 43% россиян в той или иной степени испытывают одиночество. При этом наибольшая доля людей, сообщивших о том, что они чувствуют себя одинокими (70%), – это люди старше 85 лет, которые живут со своими взрослыми детьми. В свете кризисов среднего возраста, которые могут сопровождаться переоценкой ценностей или депрессией, вероятность одиночества у людей возрастает после 40 лет. Следующая веха наступает после 60 лет. Человек выходит на пенсию, но данный период не является легким с резкой сменой ролей и нарастающим дефицитом близких отношений.

В городах одинокой молодежи больше, чем в деревне. Причина, по мнению исследователей, – в ухудшающемся качестве жизни в сельской местности.

В России из-за пандемии COVID-2019 также был изменен формат социальных коммуникаций людей старшего возраста. Авторское исследование, проведенное среди участников проекта «Московское долголетие» и «Мой социальный центр» в Таганском районе столицы, где число людей старшего возраста составляет более 30 тыс. человек из 123 тыс. общего населения, позволило отметить, «что почти половина москвичей старшего возраста столкнулась с проблемой одиночества, при этом возросло число онлайн коммуникаций с помощью мессенджеров и других интернет-сервисов»[16].

Разные способы решения проблемы одиночества во время пандемии

Страны используют различные формы стратегий для решения проблем растущего одиночества, вызванного вынужденной изоляцией. В США резко подскочил интерес к сервисам знакомств и чат-ботам: была предоставлена возможность создать себе виртуального друга для общения. Более миллион американцев воспользовались услугами данного сервиса[17].

В Великобритании, где с 2018 г. функционирует Министерство одиночества, проблему предпочли решать на государственном уровне, выделив дополнительно 1,8 млн фунтов (2,4 млн долл.) для увеличения количества доступных общественных мест, включая открытие новых кафе, ресторанов и точек проведения досуга. Также особое внимание уделялось одиноким пациентам старшего возраста, которым оказывалась индивидуальная помощь со стороны общественных работников.

А в берлинском районе Кройцберг два раза в неделю был открыт киоск, в котором желающие могли излить душу[18].

Превращение одиночества в острое состояние и рост числа самоубийств на 3,7%, особенно в период пандемии, побудили Японию создать Министерство одиночества[19].

В России реализуются региональные программы активного долголетия, которые помогают людям старшего возраста заниматься самообразованием и поддерживать необходимое им общение в режиме самоизоляции. Следует подчеркнуть, что за счет ежедневного использования онлайн-коммуникаций повысилась интернет-грамотность населения старшего возраста. Безусловно, проекты, посвященные активному долголетию, будут только расширяться, что подтверждается планом мероприятий на 2021–2025 гг. по реализации второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 23.06.2021 № 1692-р.

Таким образом, эпидемиологическая угроза, карантин, ограничение людей в привычном образе жизни, вызванная пандемией COVID-19, открыла новое лицо одиночества. Эксперты предупреждают, что одиночество в сочетании с асоциализацией, пережитое в период карантина, может иметь серьезные психологические последствия в долгосрочной перспективе и даже сделать человека более уязвимым перед болезнями. «Одиночество нельзя вылечить с помощью технологий и других подручных средств», – уверен преподаватель Гарвардской медицинской школы Д. Нобель[20].

В связи с этим нам представляется наиболее актуальным еще раз подчеркнуть роль близкого общения. Человеку нужна невербальная коммуникация – улыбаться, подмигивать, пожимать руку, хлопать по плечу. Видеосвязь и социальные сети это заменяют, но только частично[21]. От общения с людьми мы получаем гораздо больше, чем нам способен дать любой робот. Именно поэтому после снятия ограничений первой волны пандемии даже простая встреча с друзьями, поход в театр или бар стали приобретать совершенно иную ценность. Многие люди отмечали, что эти привычные, казалось бы, события стали источником абсолютно новых эмоций и важным ресурсом. Несомненно, социальная дистанция – жизненно важная мера во время пандемии, но также очевидно, что продолжительный опыт социального дистанцирования увеличивает чувство одиночества. И, с другой стороны, нужно не забывать, что под соблюдением социальной дистанции подразумевается только соблюдение физической дистанции, которая необходима для предотвращения передачи вируса от человека к человеку.

Исследователи предлагают два способа борьбы с одиночеством в период пандемии: усилить уже существующие связи или создать новые. Личное сообщение старому другу или знакомому способно помочь человеку, который оказался замкнутым в четырех стенах без взаимодействия с другими. Также рекомендуют использовать видеочаты как можно чаще. Если есть возможность связаться через сообщения, телефон или видеочат, лучше выбрать видеочат, считают в Scientific American. Такое общение дает максимальное ощущение присутствия и играет важную роль в поддержании психического здоровья.

В итоге можно сделать вывод о том, что в межстрановом разрезе одиночество становится наиболее ключевой общечеловеческой проблемой в период пандемийного кризиса. И точное понимание данного феномена, его трансформации в пандемийный период возможно только при наличии широкого междисциплинарного подхода.

Примечания

1 См.: *Покровский Н. Е., Иванченко Г. В.* Универсум одиночества : социологические и психологические очерки. М. : Логос, 2008. С. 12.

2 См.: *Пузанова Ж. В.* Социологическое исследование одиночества : проблема построения концептуальной модели // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2009. Т. 9, № 2. С. 42–46.

3 См.: *Süleymanlı E., Çaylak M., Atlı C., Akdağ Z. S., Değirmenci Z.* Göçmen Yalnızlığının Sosyo-Psikolojik Açıdan Değerlendirilmesi // Sosyologca Dergisi,

Sayı: 18–19, Aralık 2019 – Haziran 2020. S. 269–291 ; *Süleymanlı E.* A Sociological Overview of Post-Pandemic Period. URL: https://covid19.tabipacademy.com/2020/05/11/a-sociological-overview-of-post-pandemic-period/ (дата обращения: 18.10.2021).

[4] См.: *Akdoğan A.* High School Students' Readiness for Distance Learning // International Online Journal of Education and Teaching (IOJET). 2021. Vol. 8, № 2. P. 622–637. URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1294373.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

[5] См.: *Волков А.* Почему одиночество и сопереживание стали ценностями постпандемийного мира // Стиль. URL: https://style.rbc.ru/life/6065b5299a79477971a39902 (дата обращения: 18.10.2021).

[6] Цит. по: *Пономаренко Н.* Как бороться с одиночеством в коронавирусном карантине. URL: https://plus-one.ru/news/2020/03/15/kak-borotsya-s-odinochestvom-v-koronavirusnom-karantine (дата обращения: 18.10.2021).

[7] См.: *Okruszek Ł., Aniszewska-Stańczuk A., Piejka A., Wiśniewska M., Żurek K.* Safe but lonely? Loneliness, mental health symptoms and COVID-19 [Preprint] // Psyarchiv. 2020. 10 April. https://doi.org/10.31234/osf.io/9njps

[8] *Ростовская Т. К., Толмачев Д. П.* Социальные коммуникации населения старшего возраста в г. Москва в условиях COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 3 (COVID-19 и мобильность). С. 176. https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-16

[9] См.: Стресс и одиночество : молодежь в эпоху пандемии // Euro-topics. 2021. URL: https://www.eurotopics.net/ru/254952 (дата обращения: 18.10.2021).

[10] См.: В Берлине появился киоск, в котором ничего не продают. URL: https://www.dw.com/ru/kiosk-w-berline-pomogaet-odinokim/a-56964584 (дата обращения: 18.10.2021).

[11] См.: *Волкова Д.* В собственном соку : В борьбе с пандемией мир проглядел эпидемию одиночества. Какова цена изоляции? // Lenta.ru. 09.12.2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/01/09/loneliness/ (дата обращения: 18.10.2021).

[12] См.: *Пономаренко Н.* Указ соч.

[13] См.: В Финляндии исследовали одиночество во время пандемии коронавируса // ИА Красная Весна, 10 ноября 2020. URL: https://rossaprimavera.ru/news/96081f21 (дата обращения: 18.10.2021).

[14] См.: *Волкова Д.* Указ. соч.

[15] См.: Gençler en çok arkadaşlarıyla zaman geçirmeyi özledi // Hurriyet. 2021. URL: https://www.hurriyet.com.tr/egitim/gencler-en-cok-arkadaslariyla-zaman-gecirmeyi-ozledi-4172382 (дата обращения: 18.10.2021).

[16] *Ростовская Т. К., Толмачев Д. П.* Указ. соч. С. 174.

[17] См.: *Волкова Д.* Указ. соч.

[18] См.: В Берлине появился киоск, в котором ничего не продают.

[19] См.: *Волкова Д.* Указ. соч.

[20] Цит. по: *Бунина В.* Роботы, YouTube, чат-боты : что помогает справиться с одиночеством // Газета.ru. 08.11.2020. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/11/06/13349737/lonoly-tech.shtml (дата обращения: 18.10.2021).

[21] См.: *Ünal-Tutgun A.* Sosyal Medya Etkileri – Bağımlılığı – Ölçülmesi. İstanbul : Der Yayınları, 2020.

Поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 19.10.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 23–30
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss.14, pp. 23–30
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30

Научная статья
УДК 314.174 Влияние демографических факторов на социально-экономическое развитие

Демографический потенциал стран Юго-Восточной Азии в контексте образовательной политики России

С. В. Рязанцев, Н. Г. Кузнецов ✉

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Рязанцев Сергей Васильевич, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор, riazan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5306-8875

Кузнецов Никита Григорьевич, стажер-исследователь, nick_smith@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0186-0208

Аннотация. В соответствии с национальной политикой Российской Федерации в области образования, государство предпринимает усилия по привлечению иностранных учащихся в вузы страны. Юго-Восточная Азия с ее значительным демографическим потенциалом и перспективами экономического роста является одним из многообещающих направлений расширения экспорта российского образования. В статье проанализированы демографические показатели региона, выявлены тенденции преобладания молодого населения, сделан прогноз изменения ряда демографических показателей в средне- и долгосрочной перспективе. Также рассмотрены возможности национальных систем образования региона в разрезе социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии. Сделаны выводы о недостаточном уровне распространения высшего образования, особенно в беднейших государствах региона. Приведены соображения относительно национальной образовательной политики России, опирающейся на систему предоставления квот молодежи из разных стран мира. На основе полученных результатов определена потребность молодежи из стран Юго-Восточной Азии в качественном и доступном высшем образовании, в том числе за рубежом, и сделаны выводы о перспективах образовательной миграции в Россию из рассматриваемого региона, даны краткие рекомендации по совершенствованию политики продвижения российского образования в странах с богатым демографическим потенциалом.

Ключевые слова: высшее образование, образовательная миграция, Юго-Восточная Азия, российские вузы, молодежь

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Вьетнамской академии общественных наук (проект № 20-511-92002 «Стратегия России на образовательных рынках стран Юго-Восточной Азии: оценка социально-демографического потенциала и направления государственной политики»).

Для цитирования: *Рязанцев С. В., Кузнецов Н. Г.* Демографический потенциал стран Юго-Восточной Азии в контексте образовательной политики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 23–30. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Demographic potential of Southeast Asian countries in the context of Russia's educational policy

S. V. Ryazantsev, N. G. Kuznetsov ✉

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), 6 build. 1 Fotievoi St., Moscow 119333, Russia

Sergei V. Ryazantsev, riazan@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5306-8875

Nikita G. Kuznetsov, nick_smith@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0186-0208

Abstract. In accordance with the national policy of the Russian Federation in the field of education, the state is making efforts to attract foreign students to the country's universities. The Southeast Asia, with its significant demographic potential and prospects for economic growth is one of the promising areas for expanding the export of the Russian education. This article analyzes the demographic indicators of the region, identifies the trends in the predominance of the young population, and makes the forecast of changes in several demographic indicators in the medium and long term. The possibilities of the national education systems of the region in the context of the socio-economic development of the Southeast Asian countries are also considered. Conclusions are drawn about the insufficient level of dissemination of higher education, especially in the poorest states of the region. The considerations concerning the national educational policy of Russia based on the system of granting quotas to young people from different countries of the world are given. The obtained results showed the need of young people

© *Рязанцев С. В., Кузнецов Н. Г., 2022*

from Southeast Asian countries for high-quality and affordable higher education abroad, as well. The conclusions are drawn on the prospects of educational migration to Russia from the region under consideration and brief recommendations on improving the policy of promoting Russian education in countries with rich demographic potential are given.

Keywords: higher education, educational migration, Southeast Asia, Russian universities, youth

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Vietnam Academy of Social Sciences (project No. 20-511-92002 "Russia's strategy in the educational markets of Southeast Asia: Assessment of socio-demographic potential and directions of state policy").

For citation: Ryazantsev S. V., Kuznetsov N. G. Demographic potential of Southeast Asian countries in the context of Russia's educational policy. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 23–30 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-23-30

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На сегодняшний день Юго-Восточная Азия (ЮВА) является одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира, однако темпы экономического и социального развития региона не позволяют в полной мере использовать имеющийся демографический потенциал стран. Быстрый рост численности населения провоцирует недостаток мест в образовательных системах стран региона, определяет показатели молодежной безработицы и в итоге является мощным выталкивающим фактором для населения, в силу которого ЮВА становится потенциальным регионом-донором, источником мигрантов для более развитых стран, где существует потребность в рабочей силе.

В свою очередь, Россия, столкнувшись со второй волной депопуляции, заинтересована в притоке мигрантов, которые могут смягчить негативные демографические проявления, компенсировав естественную убыль населения. Однако, привлекая человеческие ресурсы из других стран, необходимо опираться на способность мигрантов успешно адаптироваться в России, интегрироваться не только на рынке труда, но и в общество в целом.

В настоящее время большинство авторов, изучающих миграционные процессы, сходятся во мнении, что образовательные мигранты наиболее легко адаптируются к жизни в другой стране. Таким образом, одним из приоритетов российской миграционной политики, зафиксированным в соответствующей Концепции, является привлечение иностранных студентов в отечественные вузы. В рамках данной политики Россия последовательно увеличивает число предоставляемых иностранным гражданам квот для бесплатного обучения в российских вузах: так, с 2008 по 2013 г. выделялось до 10 тыс. бюджетных мест, с 2013 г. – 15 тыс., в 2021 и 2022 гг. – 18 и 23 тыс. соответственно, а с 2023 г. – по 30 тыс. мест[1]. Дополнительно планируется предусмотреть грантовую и стипендиальную составляющие выплат, что позволит студентам в полной мере сосредоточиться на получении высшего образования в России[2].

Основными странами, из которых прибывают образовательные мигранты в Россию, традиционно являются постсоветские государства, однако их потенциал в качестве стран-доноров населения постепенно истощается. Особенно это касается молодого населения, которое хуже владеет русским языком и чаще ориентировано на переезд в западные страны. Таким образом, Юго-Восточная Азия с ее быстро растущей численностью молодого населения является перспективным рынком экспорта российского высшего образования.

В данной статье будет рассчитан демографический потенциал и разработан прогноз возможной численности образовательных мигрантов из стран Юго-Восточной Азии для системы высшего образования России.

К ЮВА относят 11 независимых государств: Вьетнам, Таиланд, Камбоджу, Мьянму, Малайзию, Индонезию, Филиппины, Лаос, Сингапур, Восточный Тимор и Бруней. В приведенной ниже таблице указана численность населения стран ЮВА и основные демографические показатели для этих государств.

Из представленных демографических показателей видно, что ЮВА является динамично растущим регионом (численность населения только за последний год выросла на 9 млн чел.), страны которого сохраняют высокий уровень естественного прироста населения. За счет этого, а также сравнительно невысокого уровня оттока населения в среднем по региону потенциал роста численности населения сохраняется и в долгосрочной перспективе (табл. 2).

Из стран региона только в Таиланде наблюдается существенное замедление темпов роста населения к 2035 г. и падение численности населения к 2050 г., в остальных странах будет либо продолжаться рост, либо сохраняться стабильный уровень численности населения. При этом в демографической структуре региона наблюдается высокая доля молодого населения – как детей (0–14 лет), так и молодежи (15–24 лет). То есть те возрастные когорты, которые в настоящее время принимают решение о получении высшего образования, и те, которые будут поступать в вузы в течение ближайших 20 лет, являются многочисленными, что гарантирует высокий спрос на образовательные услуги в регионе на долгосрочную перспективу (табл. 3).

Таблица 1

Основные демографические показатели стран ЮВА

Страна	Численность населения (млн чел., 2021 г.)	Общий коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Естественный прирост/убыль	Миграционный прирост/убыль	Суммарный коэффициент рождаемости
Бруней	0,5	13	4	9	0	1,8
Камбоджа	15,7	21	6	15	-2	2,4
Индонезия	275,1	16	7	9	-1	2,4
Лаос	7,5	23	7	16	-2	2,7
Малайзия	32,8	15	5	10	2	1,8
Мьянма	55,5	20	9	11	0	2,3
Филиппины	110,2	22	6	16	-1	2,5
Сингапур	5,7	9	5	4	-6	1,1
Таиланд	66,7	9	8	1	0	1,4
Восточный Тимор	1,3	26	8	18	-4	3,6
Вьетнам	100,2	16	6	10	-1	2,1
ЮВА	671, 2	17	7	10	-1	2,1

Источник: Population Reference Bureau. 2021 World population data sheet. URL: https://interactives.prb.org/2021-wpds/wp-content/uploads/2021/08/letter-booklet-2021-world-population.pdf

Таблица 2

Текущая и прогнозируемая численность населения стран ЮВА

Страна	Численность населения (млн чел., 2021 г.)	Прогнозируемая численность населения, млн чел.	
		2035 г.	2050 г.
Бруней	0,5	0,5	0,5
Камбоджа	15,7	18,2	20,2
Индонезия	275,1	301,6	318,4
Лаос	7,5	8,7	9,6
Малайзия	32,8	37,1	40,4
Мьянма	55,5	60,8	63,1
Филиппины	110,2	129,0	143,4
Сингапур	5,7	6,1	6,2
Таиланд	66,7	67,3	64,1
Восточный Тимор	1,3	1,7	2,0
Вьетнам	100,2	111,6	118,0
ЮВА	671,2	742,6	785,9

Источник: Population Reference Bureau. 2021 World population data sheet. URL: https://interactives.prb.org/2021-wpds/wp-content/uploads/2021/08/letter-booklet-2021-world-population.pdf

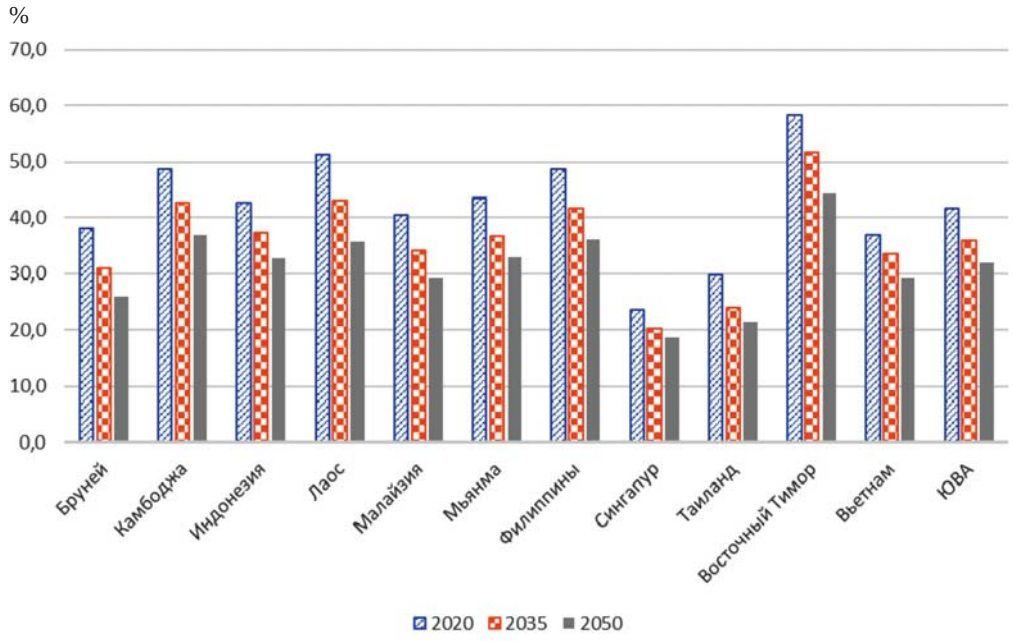
Доля детей и молодежи в ЮВА намного превышает показатели развитых стран мира (25,2 и 16,4% против 16,4 и 11,0% соответственно), при этом постепенный рост уровня жизни населения в странах региона приводит к тому, что все большая доля выпускников школ намерены продолжать свое образование. Только в Сингапуре и Таиланде доля детей и молодежи близка к показателям развитых стран, в остальных странах ЮВА суммарная доля детей и молодежи колеблется от 36,9 до 58,2%, составляя 41,6% в среднем по региону. Этот показатель, хотя и незначительно, но все же превышает среднемировой (40,9%) (рисунок).

Таблица 3

Доля в населении и численность детей и молодежи в странах ЮВА

Страна	Доля детей (0–14 лет) в населении, %	Численность населения в возрасте от 0 до 14 лет, млн чел.	Доля молодежи (15–24 лет) в населении, %	Численность населения в возрасте от 15 до 24 лет, млн чел.	Суммарная доля детей и молодежи (0–24 лет), %	Численность населения в возрасте от 0 до 24 лет, млн чел.
Бруней	22,3	0,1	15,8	0,1	38,1	0,2
Камбоджа	30,9	5,2	17,9	3,0	48,8	8,2
Индонезия	25,9	70,8	16,8	46,0	42,7	116,8
Лаос	31,9	2,3	19,3	1,4	51,2	3,7
Малайзия	23,4	7,6	17,1	5,5	40,5	13,1
Мьянма	25,5	13,9	18,1	9,8	43,6	23,7
Филиппины	30,0	32,9	18,8	20,6	48,8	53,5
Сингапур	12,3	0,7	11,3	0,7	23,6	1,4
Таиланд	16,6	11,6	13,2	9,2	29,8	20,8
Восточный Тимор	36,8	0,5	21,4	0,3	58,2	0,8
Вьетнам	23,2	22,6	13,7	13,3	36,9	35,9
ЮВА	25,2	168,2	16,4	109,9	41,6	278,1

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019. URL: https://population.un.org/wpp/DataQuery/



Динамика доли детей и молодежи (0–24 лет) в численности населения стран ЮВА в 2020–2050 гг. (Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Population Prospects 2019. URL: https://population.un.org/wpp/DataQuery/)

Несмотря на прогнозируемое постепенное старение население ЮВА, до 2050 г. в регионе сохранится высокая доля детей и молодежи в численности населения – 31,9%, что все еще будет существенно превышать показатели развитых стран, традиционно являющихся основными экспортерами образовательных услуг, – 25,3%. Таким образом, в настоящее время и в долгосрочной перспективе регион будет располагать значительным потенциалом для эмиграции молодежи, в том числе в качестве образовательных мигрантов.

Для оценки этого потенциала необходимо рассмотреть возможности образовательных систем стран ЮВА удовлетворять потребности растущего населения в высшем образовании.

Среди стран Юго-Восточной Азии наиболее развитой системой высшего образования располагает Сингапур, где с 1992 г. запущена национальная программа «Intelligent Island», частью которой являются масштабные инвестиции в вузы страны. В результате более 85% выпускников средних школ продолжают свое обучение, поступая в университеты, что является высоким показателем даже по международным меркам[3]. Однако доминировавшая в начале нулевых годов XXI в. идея о создании в Сингапуре образовательного хаба, привлекающего ведущие вузы-партнеры и студентов со всего мира, постепенно потерпела неудачу. В 2008 г. число иностранных студентов в городе-государстве составляло около 97 тыс. чел., а к 2018 г. упало практически до показателей начала века и составило менее 52 тыс. чел.[4]. Одной из причин стала высокая стоимость обучения, которая не позволяла эффективно привлекать учащихся из соседних, зачастую достаточно бедных стран ЮВА и Азии в целом.

Еще одной страной региона, которая стремится активно развивать свою систему высшего образования, в том числе в качестве центра притяжения учебных мигрантов, является Малайзия. Куала-Лумпур рассматривается руководством страны как перспективный университетский «хаб», причем, в отличие от Сингапура, малазийское высшее образование гораздо доступнее для жителей стран ЮВА. Для продвижения своих услуг страна реализует программы гармонизации высшего образования с Индонезией и Таиландом, а также проводит рекрутинг студентов в менее развитых странах региона: Камбодже, Лаосе, Мьянме и Вьетнаме. Важным элементом своей образовательной политики Малайзия считает предоставление образования студентам из мусульманских стран, для чего, в частности, разработаны программы подготовки специалистов в сфере исламских финансов. Однако религиозный аспект может оказывать и сдерживающее влияние при экспорте образовательных услуг из Малайзии.

Быстрое развитие образовательных систем других стран ЮВА – Индонезии, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Филиппин и Вьетнама, с одной стороны, существенно повысило долю граждан, продолжающих учебу после школы, но с другой – остро подняло вопрос качества высшего образования, его соответствия международным стандартам и востребованности выпускников как за рубежом, так и внутри стран региона. Несмотря на стремление к интернационализации высшего образования, появление двуязычных или только англоязычных учебных программ, сотрудничество с иностранными, в том числе с ведущими западными вузами, в этих странах сохраняются проблемы как с качеством образования, так и с возможностью поступления в университеты для всех желающих. Так, во Вьетнаме в 2013 г. около 70% выпускников школ заявляли о желании продолжить учебу в вузе, однако сделать это удалось лишь 25% получивших среднее образование, в Мьянме возможность продолжить обучение после школы есть примерно у 10% населения, и только в Сингапуре этот показатель достигает 87%[5].

В результате, несмотря на масштабные инвестиции и реформы национальных систем высшего образования в странах ЮВА, вузы региона не могут полностью закрыть потребность выпускников средних учебных заведений ни по числу мест в университетах, ни по качеству образования.

Национальные органы статистического учета и профильные министерства стран ЮВА, как правило, не ведут регулярного учета таких показателей, как доля выпускников школ, имеющих намерение поступить в вузы, поэтому для анализа доступны только обрывочные данные социологических опросов.

На низкое качество образовательной статистики в регионе указывает также отсутствие для большинства стран региона полноценной статистики по доле граждан, завершающих высшее образование (табл. 4).

Таблица 4

Валовый коэффициент завершения высшего образования в странах ЮВА

Страна	Валовый коэффициент завершения высшего образования, %
Бруней	26,3 (2019 г.)
Камбоджа	Нет данных (н/д)
Индонезия	21,2 (2018 г.)
Лаос	8.8 (2019 г.)
Малайзия	н/д
Мьянма	н/д
Филиппины	н/д
Сингапур	53,8 (2018 г.)
Таиланд	25,3 (2015 г.)
Восточный Тимор	н/д
Вьетнам	22,2 (2019 г.)

Источник: UNESCO Institute for Statistics. URL: http://data.uis.unesco.org/

Однако даже эти неполные данные могут указывать на два важных обстоятельства. Во-первых, доля граждан в странах ЮВА (кроме Сингапура), завершивших высшее образова-

ние, намного ниже аналогичных показателей развитых стран. В странах-лидерах по экспорту высшего образования данный коэффициент колеблется в пределах 40–60%, а в некоторых случаях существенно превышает и эти показатели (например, Австралия, Россия). Во-вторых, несмотря на быстрый рост доли выпускников школ, поступающих в вузы (например, в Лаосе за период с 1999 по 2012 г. доля выпускников школ, поступающих в вузы, выросла с 2,3 до 16,7%), охватить высшим образованием всех желающих на данный момент все еще невозможно. По классификации М. Троу, всеобщего доступа к высшему образованию (более 50% выпускников школ поступают в вузы) в ЮВА достигли только Сингапур и Таиланд. Следует также отметить, что отчасти проблему массификации высшего образования большинство стран ЮВА решало, в первую очередь, за счет развития частных вузов. В результате эксперты отрасли и региональные чиновники констатируют, что наиболее важным аспектом при выборе университета для студентов из региона становится не качество образования, а его финансовая доступность.

Политика создания так называемых образовательных хабов, т.е. университетов, объединенных горизонтальными связями с другими образовательными учреждениями региона, лишь отчасти решила стоящие перед странами ЮВА задачи. Сингапур и Малайзия рассматривают экспорт образовательных услуг в том числе в качестве элемента «мягкой силы», демонстрации регионального лидерства и создания устойчивых связей в регионе, но такая политика направлена, в первую очередь, на привлечение студентов из семей политической или экономической элиты, в лучшем случае – наиболее выдающихся и перспективных выпускников.

Следует отметить, что географический аспект (близость таких хабов к странам происхождения образовательных мигрантов) не всегда играет определяющую роль, поскольку при выборе образования за рубежом выпускники школ ориентируются на этот аспект реже, чем, например, трудовые мигранты. Это означает, что Россия могла бы использовать свое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе как преимущество, а также подключать свои ведущие вузы из европейской части страны для конкуренции на образовательном рынке стран ЮВА.

Анализ систем высшего образования стран региона указывает на то, что учеба в университетах отчасти остается привилегией обеспеченных слоев населения. Это обусловливает высокий спрос на зарубежные программы стипендиальной и иной поддержки (включая учебу по квотам, предоставляемым Российской Федерацией) со стороны местных выпускников школ. Наряду с низким качеством образования внутри стран, высокой миграционной мобильностью, связанной с особенностями рынков труда и уровнем жизни в странах ЮВА, это приводит к высоким показателям готовности местных выпускников получать образование за рубежом.

Методология различных опросов выпускников школ и студентов вузов не позволяет напрямую сравнивать их результаты из-за формулировок вопросов, способов отбора респондентов и т. д., однако практически все они указывают на высокую склонность молодежи из стран ЮВА к образовательной эмиграции. При наличии соответствующей возможности учиться за рубежом готовы от половины до трех четвертей выпускников школ. Например, 59% вьетнамской молодежи хотели бы учиться за рубежом[6], в Малайзии 72% опрошенных студентов заявляли о желании продолжить образование в другой стране[7], похожие результаты показывают опросы студентов и школьников в Индонезии, Таиланде и других странах региона.

На фоне высокого спроса на обучение за рубежом и интеграционных процессов внутри региона наблюдается постепенное сокращение темпов роста числа студентов из ЮВА в США, Великобритании и Австралии (которые все еще называют в числе наиболее желаемых направлений для образовательной эмиграции) и «азиатизация»[8] миграции в регионе. Все большее число выпускников школ из стран ЮВА поступают в вузы Китая, Японии, Южной Кореи, Малайзии и Сингапура. Это связано с развитием двусторонних и многосторонних торгово-экономических отношений в азиатском регионе в целом, поскольку такое развитие создает спрос на специалистов, хорошо знающих соседние страны, адаптированные к работе в них или к выстраиванию рабочих контактов с партнерами по АСЕАН, АТЭС и других интеграционных группировок.

Россия на сегодняшний день проигрывает конкуренцию за молодые таланты из такого перспективного региона, как ЮВА. Политика привлечения иностранных студентов, хотя и декларируется Россией как одна из приоритетных задач, реализуется достаточно консервативными методами, без необходимой масштабной экспансии в странах, которые могли бы стать крупными донорами образовательных мигрантов.

Из стран ЮВА только Вьетнам сохраняет историческое наследие тесного сотрудничества с СССР, которое обусловливает наличие центров изучения русского языка в стране, включая школы и университеты. Впрочем, даже во Вьетнаме их количество невелико (в отличие от англоязычных школ и программ высшего образования), а сосредоточенность в крупнейших городах (Ханой и Хошимин) не позволяет развивать интерес к русскому языку и образованию в РФ в регионах страны. Тем не менее, Вьетнам остается

крупнейшим получателем квот на высшее образование за счет российского бюджета: из 18 тыс. стипендий в 2021 г. на Вьетнам было выделено 1 тыс. (в 2020 г. – 965 стипендий)[9]. Этот показатель выделяется на фоне как других стран ЮВА, так и в целом в мире: всего стипендии распределяются между 175 странами, из которых большая часть (от трети до половины) приходится на страны ближнего зарубежья. Среди стран ЮВА второе место по числу российских стипендий занимает Индонезия – в 2022 г. студентам из этой страны выделят 161 стипендию.

Подводя итог, можно зафиксировать, что страны ЮВА, обладающие значительным демографическим потенциалом, который будет сохраняться, по прогнозам, на протяжении 20–30 лет, являются потенциально привлекательными для продвижения российского высшего образования за рубежом. Доля молодежи здесь даже к 2050 г. будет превышать показатели развитых стран, обусловливая высокий спрос на образовательные услуги. Текущий уровень национальных вузов не может удовлетворить этот спрос ни с точки зрения количества мест (только Таиланд и Сингапур достигли уровня всеобщего доступа к высшему образованию), ни с точки зрения качества предоставляемых услуг, а ресурсов для качественного «скачка» у большинства стран ЮВА недостаточно. Исходя из этого, регион будет оставаться донором образовательных мигрантов в течение длительного времени, что может быть использовано Россией при продвижении своего высшего образования за рубежом.

В контексте этого расширение государственной программы по привлечению иностранных студентов в Россию, как и ее корректировка в пользу более полного обеспечения потребностей образовательных мигрантов, о чем упоминалось в начале данной статьи, безусловно, является необходимым элементом российской миграционной политики. Вместе с тем эффективность прямых методов, таких как финансирование обучения иностранцев, носит ограниченный характер. Как уже было показано выше, демографические ресурсы ЮВА, молодое население региона, не может быть полностью обеспечено подобными стипендиальными программами в силу его многочисленности. Наиболее эффективными методами привлечения студентов из региона, как показывает практика таких экспортеров образовательных услуг, как Япония и Южная Корея, могут стать экономическая интеграция, развитие торгового и инвестиционного сотрудничества, создание ориентированного на Россию бизнеса, который будет предъявлять спрос на выпускников российских вузов и носителей русского языка.

Оценивая потенциал возможной численности образовательных мигрантов из стран Юго-Восточной Азии в Россию, можно использовать пример Вьетнама в качестве отправной точки: несмотря на продолжительный опыт российско-вьетнамского образовательного сотрудничества, в настоящее время уровень отношений в этой сфере не является труднодостижимым. Около 3,5% студентов из Вьетнама, выбирающих образование за рубежом, учатся в России. При этом речь идет о показателе, который стагнировал в течение последних 10 лет и является результатом довольно консервативной и пассивной политики. Таким образом, число студентов из стран ЮВА в России может составить около 35 тыс. чел. по инерционному сценарию (в качестве инерционного был рассмотрен сценарий, в соответствии с которым запланированное увеличение числа квот затронет все страны ЮВА, доведя их количество на душу населения в странах региона до текущего уровня, характерного для Вьетнама).

При этом, как было показано выше, с точки зрения рынка экспорта образовательных услуг ЮВА располагает огромным потенциалом: изменения демографической структуры населения до 2050 г. лишь незначительно понизят долю молодежи, а в абсолютных цифрах будет наблюдаться прирост населения; охват высшим образованием остается на низком уровне, при том что спрос на него постоянно растет; от 50 до 75% молодежи рассматривают высшее образование за рубежом как возможную и желаемую опцию; высокий уровень цен на учебу в ведущих странах-экспортерах образовательных услуг (США, Великобритания, Австралия, а из стран ЮВА – Сингапур) привел к повышению спроса на образование в других странах. В этой связи верхнее ограничение возможной численности образовательных мигрантов из стран ЮВА для системы высшего образования России заведомо превышает целевые показатели по привлечению иностранных студентов, заложенные в Национальном проекте «Образование».

Исходя из оценок Россотрудничества, каждое бюджетное место для иностранного гражданина создает за счет синергетического эффекта спрос на 3–4 места на договорной основе[10]. Сам факт предоставления стипендий является мощным информационным средством продвижения российского образования, а согласно исследованию «QS», для 61% студентов отзывы друзей и знакомых являлись ключевым фактором при выборе места учебы[11], т.е. каждый иностранный выпускник российского вуза может положительно влиять на число будущих учащихся из своей страны. Таким образом, в рамках оптимистичного сценария можно рассматривать потенциальную численность студентов из стран ЮВА в России в 100–140 тыс. чел. в долгосрочной перспективе при задействовании практик продвижения образования, используемых лидерами рынка, и планомерной работе по экономической интеграции с регионом.

Примечания

1 См.: Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : постановление Правительства РФ № 2150 от 18.12.2020. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2 См.: Квоты, гранты и стипендии : что получат иностранные студенты в России // Sputnik, Ташкент. 17.11.2020. URL: https://uz.sputniknews.ru/20201117/Kvoty-granty-i-stipendii-chto-poluchat-inostrannye-studenty-v-Rossii-15424374.html (дата обращения: 05.10.2021).

3 См.: *Пряжникова О. Н.* Тенденции развития высшего образования в странах Восточной и Юго-Восточной Азии // Экономические и социальные проблемы России. 2018. № 2 (38). С. 133–155. https://doi.org/10.31249/espr/2018.02.06

4 См.: Институт статистики ЮНЕСКО. Электронная база данных. URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?queryid=172 (дата обращения; 22.09.2021).

5 См.: *Альтбах Ф. Дж.* Многообразие форм послешкольного образования в Юго-Восточной Азии // Международное высшее образование. 2017. № 88. С. 23–26.

6 См.: *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е.* Миграционные планы вьетнамской молодежи в контексте российской политики привлечения образовательных мигрантов // Вьетнамские исследования. Вып. 7. Опыт обновления во Вьетнаме : современность и история. М. : ИДВ РАН, 2017. С. 204–211.

7 См.: Malaysia, Petaling Jaya. 70% of M'sian students want to study overseas, says poll // The Sun Daily. URL: https://www.thesundaily.my/archive/1590541-LSARCH334596 (дата обращения: 22.09.2021).

8 См.: *Kell P., Vogl G.* International Students in the Asia Pacific: Mobility, Risks and Global Optimism. Springer Science & Business Media, 2012.

9 См.: Правительство РФ выделяет вьетнамским гражданам на 2021 год 1 тыс. государственных стипендий // VietNews.ru – Все о Вьетнаме. URL: https://vietnews.ru/russia-and-vietnam/pravitelstvo-rf-vydelyaet-vetnamskim-grazhdanam-na-2021-god-1-tys gosudarstvennyh-stipendij (дата обращения: 22.09.2021).

10 См.: Примаков : среди иностранных студентов в России наиболее востребованы искусство и медицина // Рамблер, 02.09.2021. URL: https://news.rambler.ru/education/47131465-primakov-sredi-inostrannyh-studentov-v-rossii-naibolee-vostrebovany-iskusstvo-i-meditsina/ (дата обращения: 22.09.2021).

11 См.: Asian students increasingly likely to study within Asia – QS report // The PIE News, 27.02.2020. URL: https://thepienews.com/news/qs-report-asian-students-increasingly-likely-to-study-in-asia/ (дата обращения: 22.09.2021).

Поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022 Т. 22, вып. 1. С. 31–38
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss.1, pp. 31–38
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38

Научная статья
УДК 316.42+329.7

Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования образа будущего России

Н. М. Великая ✉, **А. В. Дорошина**

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, заместитель директора, natalivelikaya@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5532-844X

Дорошина Анна Витальевна, аспирант Центра стратегических социальных и политических исследований, anna.doroshina.94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1755-7732

Аннотация. На основе исследования «Политическая идентификация молодежи Московского региона», проведенного в мае–июне 2021 г. на базе Центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН, в статье описываются особенности политико-идеологической идентификации молодежи Москвы и Московской области, которые рассматриваются как важнейший фактор политического поведения и гражданской активности. Авторы выделили группы молодежи исходя из их самоидентификации, где в основу был положен цивилизационный подход. Выявление позиций разных групп молодых людей относительно настоящего и будущего России показывает высокий уровень социального оптимизма среди тех, кто демонстрирует приверженность общероссийской идентичности и русской культурной традиции. В группах, где преобладают ориентации на западную культуру, зафиксирован пессимистичный взгляд как на свое будущее, так и на перспективы развития страны.

Ключевые слова: молодежь, самоидентификация, идентичность, образ будущего, гражданская активность

Для цитирования: *Великая Н. М., Дорошина А. В.* Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования образа будущего России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 31–38. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Self-identification of youth in the Moscow region as a factor of constructing the image of the Russia's future

N. M. Velikaya ✉, **A. V. Doroshina**

Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), 6 build. 1 Fotievoi St., Moscow 119333, Russia

Natalia M. Velikaya, natalivelikaya@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-5532-844X

Anna V. Doroshina, anna.doroshina.94@mail.ru; https://orcid.org/0000-0002-1755-7732

Abstract. The article is based on the study "Political identification of youth in the Moscow region" conducted in May-June 2021 on the basis of the Center for Political Science of the ISPR FCTAS RAS. It describes the features of the political and ideological identification of youth in Moscow and the Moscow region, which are considered as the most important factor in political behavior and civil activity. The authors identified the groups of young people according to their self-identification, based on a civilizational approach. Revealing the positions of different groups of young people regarding the present and future of Russia demonstrates a high level of social optimism among those who demonstrate adherence to the Russian cultural matrix. In turn, in the groups where orientations towards the Western culture prevail, there is a more pessimistic attitude towards both their future and the prospects for the country's development.

Keywords: youth, self-identification, identity, image of the future, civic engagement

For citation: Velikaya N. M., Doroshina A. V. Self-identification of youth in the Moscow region as a factor of constructing the image of the Russia's future. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 31–38 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© *Великая Н. М., Дорошина А. В., 2022*

В современных условиях глобализации всех сфер человеческой жизни вопрос об идентичности молодого поколения требует особого внимания со стороны представителей политических и социологических наук. Это связано, в первую очередь, с актуальнейшими вопросами устойчивого социально-экономического развития общества и с перспективами государств как национально-территориальных образований, с одной стороны, сохраняющих свой суверенитет, а с другой, выступающих субъектами международных отношений.

Молодежь в этом контексте – та социальная группа, которая рассматривается как потенциал развития нации и государства, от которой зависит будущее страны. Говоря словами К. Мангейма, это своеобразный скрытый ресурс, от мобилизации которого зависит жизнеспособность общества[1], что определяет особый интерес исследователей к проблемам ее самоидентификации и актуального политического поведения.

Возникающая в определенные времена тенденция к политизации молодежи становится все заметнее в последние годы, и особенно в крупных городах и столичном регионе, позволяет ряду авторов рассматривать молодежь мегаполисов[2], и Московского региона в частности, как социальную базу политических и общественных движений, в том числе протестного характера[3].

Это предопределило выбор в качестве объекта исследования молодежи Москвы и Московской области, которая на сегодняшний день составляет порядка 4,5 млн чел.: 2,7 млн в Москве и 1,8 млн в Московской области, или 13% от общего числа молодежи в России.

В июне 2021 г. на базе Центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН проводилось инициативное социологическое исследование, в ходе которого было опрошено 529 человек в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в Москве и Московской области.

Заметим, что особое внимание социологов и политологов к процессу идентификации обусловлено тем, что его результат – индивидуальная и социальная идентичность – выступает в качестве одного из основных факторов формирования социальных групп, социальных связей. Она может проявляться как в процессах социальной интеграции, так и в социальной дифференциации. Принятие той или иной идентичности предопределяет связь идентификации с сигнификацией, понимаемой как процесс реализации этой идентичности в повседневных практиках человека или группы[4].

Под социально-политической идентификацией в данной статье мы понимаем отождествление личности по схожим проблемам, жизненным интересам и ориентирам, поведенческим практикам с соответствующей социальной группой, что обусловлено потребностью в признании со стороны других в групповой защите, но также и в самореализации, ожидании позитивной оценки со стороны «своих» – референтных групп и общностей[5]. Особое внимание мы намерены уделить идентичностям цивилизационным, которые являются самыми общими из числа всех возможных коллективных «мы-идентичностей», создаваемых коллективным воображением на основе переинтерпретации людьми в русле определенной культурной картины мира различного рода цивилизационных представлений как дискурсивных конструктов[6]. В этом смысле цивилизационные идентичности могут быть результатом не только информационного воздействия, но и культурной актуализации.

Специфика глобализирующегося общества, особенности распространения информации, открытость границ в большей мере влияют на те поколения, которые воспринимают мир как «глобальную деревню», что позволяет говорить о высоком уровне космополитизма молодежи во всем мире[7]. В связи с высоким уровнем урбанизации Московского региона молодежь здесь по ряду своих социальных характеристик отличается высоким уровнем образования и цифровой грамотности, более высоким, чем в среднем по стране уровнем дохода, что приближает ее по ряду социальных показателей к европейской молодежи. В частности, по данным за 2020 г., в московских вузах учатся 722 489 студентов и 78 707 студентов в вузах Московской области[8]. На рынке труда региона на сегодняшний день наиболее востребованы следующие профессии: специалисты IT-сектора, финансисты, менеджеры по онлайн-продажам. При этом по своей или смежной специальности в Москве работают только 55% выпускников вузов, что отражает средний показатель по стране[9], а уровень безработицы среди молодежи в Москве и Московской области составляет 40,5 и 31,1% соответствкенно[10], что существенно выше, чем в среднем по России (16,9%)[11]. Это, безусловно, сказывается на социальном благополучии и самочувствии молодежи и формирует иные формы адаптации к проблемным ситуациям в экономической сфере.

Нам же важно понимать, каким молодежь видит ближайшее будущее страны и как оценивает свое место и свои перспективы в этом будущем. Здесь необходимо заметить, что российское общество с момента распада Советского Союза безуспешно продолжает искать условную «национальную идею», которая на разных исторических отрезках наполнялась разным содержанием. Однако попытки сформулировать внятный проект будущего России на основе универсальной консолидирующей идеологии ограничивались воспроизводством старых, хорошо известных идеологем в целях легитимировать

существующий политический режим. Здесь преобладают старые максимы, связанные с концепцией «особого пути»: новое евразийство Дугина, новый социализм КПРФ и «Справедливой России» и «консервативная модернизация» «Единой России», идеи Суркова о суверенной демократии и эпохе путинизма[12].

Как результат, в общественном сознании всех возрастных групп исследователи фиксируют несколько линий раскола. Первая связана с ориентациями на социализм или на капитализм. Треть респондентов ответили, что предпочли бы капиталистическое общество, а 17% молодых россиян выбрали для жизни социализм (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов российской молодежи на вопрос: «Исходя из своего жизненного опыта и представлений о социализме и капитализме, в каком обществе Вы хотели бы жить?»

Варианты ответов	%
В капиталистическом	29
В социалистическом	17
В каком-то другом	6
Затруднились ответить	48

При этом почти половина опрошенных молодых людей (48%) не смогли ответить на вопрос, в каком обществе они бы хотели жить. Это является показателем низкой вовлеченности в политико-идеологический дискурс, свидетельствует о слабой степени гражданско-политической социализации, которая протекала в условиях известной неопределенности. Интересно, что сопутствующие капитализму явления включают в себя и позитивные, и негативные коннотации, а сопутствующие социализму – в основном позитивные, что демонстрирует высокий уровень преемственности политической культуры, где ценности, традиционно приписываемые социализму, воспроизводятся от поколения к поколению[13]. При этом определившиеся сторонники социализма более критичны в своих оценках возможных изменений в различных сферах жизни российского общества и не ждут позитивных сдвигов ни в экономической, ни в политической сферах, в отличие от их «идейных противников».

Такие эклектичные представления об идеальном образе будущего, об оптимальном политическом и социальном устройстве не способствуют интеграционным процессам в обществе, это позволяет российским публицистам говорить, что главной приметой конца нулевых, приметой замалчиваемой, но оттого еще более мучительной, стало трезвое всеобщее осознание: будущего не будет. По крайней мере здесь[14]. Не разделяя полностью подобных утверждений, мы, тем не менее, фиксируем низкий уровень удовлетворенности жизнью в стране.

На этом фоне другие линии расколов лежат в плоскости культурно-цивилизационного и идеологического поля, когда исключительно с русской культурой себя ассоциируют 26,3% опрошенных. А довольно большая часть молодежи (порядка 45,0%) называли себя либо человеком западной культуры, либо человеком мира, демонстрируя европейскую, западную идентичность или идентичность «космополитизма» (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов молодежи Москвы и Московской области на вопрос: «Кем вы себя ощущаете?»

Самоидентификация молодежи	%
Человек мира	25,7
Человек западной культуры	19,8
Человек восточной культуры	4,9
Человек русской культуры	26,3
Россиянин	43,5
Советский человек	5,7
Кто-то другой	2,5
Затрудняюсь ответить	4,3

Наименьшие результаты были получены по индикаторам «советский человек» (5,7%) и «человек восточной культуры» (4,9%).

Однако несомненное большинство (43,5%) демонстрируют наличие общероссийской, гражданской идентичности, считая себя «россиянами», что говорит об известном успехе усилий государства в плане конструирования новой «общероссийской» гражданской идентичности, которая рассматривается современными учеными как основание для укрепления Российского государства[15]. Гражданская идентичность как составляющая социальной идентичности является результатом процесса самоотождествления личности с «нацией – государством» и становится основой для развития гражданского самосознания и проявления социальной активности[16].

В дальнейшем мы будем рассматривать массовые группы молодежи, которые, исходя из их самоидентификации, условно назовем «космополитами, людьми мира», «западниками», «россиянами», демонстрирующими общероссийскую гражданскую идентичностиь и «русскими», ориентированными преимущественно на русскую культуру.

Мы рассматриваем жизненные стратегии как важнейшее основание политического и гражданского поведения. При этом жизненные стратегии и планы молодых неизбежно будут определяться уверенностью или неуверенностью в завтрашнем дне, предположениями о возможном развитии страны с учетом существующих проблем, представлениями об идеальном обществе и государстве.

Особенности актуального социально-экономического развития Российской Федерации не позволяют говорить о наличии действительно благоприятной среды для раскрытия потенциала молодежи. Коммерциализация сферы образования и высокая стоимость образовательных услуг, высокий уровень безработицы среди молодежи, составляющий 16%, неэффективная жилищная политика, отсутствие инфраструктуры ухода за детьми не способствуют социальному оптимизму.

Половина опрошенной нами молодежи не чувствует уверенности в завтрашнем дне, что, несомненно, влияет на построение своего будущего, на горизонт планирования, а также на реализацию жизненных стратегий.

Отсутствие уверенности в завтрашнем дне негативным образом влияет на социальный оптимизм молодого поколения, а значит, не побуждает к долгосрочному планированию и активной гражданской позиции. Эти данные вполне соответствуют общероссийским опросам. В частности, по данным Фонда общественного мнения, уверенность в завтрашнем дне не чувствуют 49% участников общероссийского опроса, а 68% считают нынешнюю ситуацию в нашей стране неблагоприятной для того, чтобы строить планы на будущее. И хотя молодые люди чаще других ориентированы на будущее и считают полезным строить долгосрочные планы, значительно чаще остальных считают ситуацию в стране не слишком благоприятной для планирования будущего[17].

Обратим внимание, что уверенность в жизни зависит от самоидентификации респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов молодежи Москвы и Московской области на вопрос: «Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?», %, в зависимости от самоидентификации

Варианты ответов	Все	Человек мира	Человек западной культуры	Русский	Россиянин
Да и скорее да	38,5	44,9	35,5	36,7	42,6
Нет и скорее нет	49,5	41,1	52,2	50,4	49,6
Затрудняюсь ответить	11,9	14,0	12,2	12,8	7,9

Так, высокую степень уверенности в завтрашнем дне демонстрируют молодые люди, имеющие «расширенную» идентичность, называющие себя «человеком мира», что предполагает и владение языками, и знакомство с другими культурами, и успешно освоенные разнообразные социальные практики.

Социально-экономическая ситуация, которая сложилась в России, характеризуется замедленным ростом ВВП, проблемами в реальном секторе экономики, сокращением рынка труда, увеличением количества граждан, живущих на доходы ниже прожиточного минимума. Если в конце 2012 г. за чертой бедности находились 15,4 млн чел., в 2019 г. – 18,1 млн, что составляет около 12,0% населения[18], то в 2021 г. уровень бедности оценивается в 13,1% (19,1 млн чел.), по сообщению Росстата. Повышение уровня бедности не могло не коснуться молодежи. По данным опроса Фонда общественного мнения, проведенного в конце 2020 г., лишь 5% респондентов считают хорошей ситуацию в экономике страны; 43% характеризуют ее как удовлетворительную, 45% – как плохую. Негативную оценку чаще других дают молодые люди с высшим образованием и плохим материальным положением. Улучшение ситуации в экономике фиксируют 14% респондентов, отсутствие изменений – 17%. Большинство же – 59% россиян – уверены, что положение дел в этой сфере ухудшается[19].

Молодежь при этом остается социально уязвимой группой, учитывая ее слабые социальные связи, низкий уровень доходов и имеющиеся проблемы на рынке труда. Средняя зарплата молодежи в России – 22,1 тыс. руб., в Московском регионе у работников 25-летнего возраста она составляет порядка 40 тыс. руб., однако и стоимость жизни здесь существенно выше[20].

Согласно нашим данным, в наибольшей степени молодежь страдает от низких доходов (52,4%), следует здесь же назвать невозможность улучшить жилищные условия (35,2%), так как одно «вытекает» из другого. Удовлетворенность доходами сказывается на комфорте, психологическом самочувствии, что особенно важно в вопросе молодежи, поколения, которое существенно влияет на образ не только своего, но и государственного будущего. Далее отмечают: трудности в получении медицинской помощи и высокие цены на лекарства (40,3%), отсутствие перспектив и карьерного роста (29,1%), невозможность поехать в отпуск (26,1%), отсутствие нормальной работы и очень плохую экологию (по 25,0%).

Распределение ответов на этот вопрос внутри групп с разной идентичностью показывает большую ориентацию на материальные ценности в группе прозападной молодежи, среди которых 63% озабочены низкими доходами и нехваткой денег, невозможностью поехать в отпуск (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов молодежи Москвы и Московской области на вопрос: «Что особенно осложняет лично Вашу жизнь или жизнь Вашей семьи?», %, в зависимости от самоидентификации (допускалось не более 5 ответов)

Варианты ответов	Человек мира	Человек западной культуры	Русский	Россиянин
Низкие доходы, нехватка денег	46,3	63,3	48,6	55,1
Отсутствие нормальной работы	21,3	25,6	30,3	20,5
Трудности с получением медицинской помощи, дороговизна лекарственных средств	39,7	38,9	47,7	33,9
Невозможность улучшить жилищные условия	39,0	31,1	39,4	31,5
Невозможность получить хорошее образование	27,2	25,6	18,3	18,9
Невозможность уйти в отпуск, отдохнуть	25,0	30,0	23,9	25,2
Отсутствие перспектив в жизни, невозможность карьерного роста	27,2	36,7	33,0	25,2
Сложности с выплатой кредитов	19,1	30,0	25,7	18,9
Очень плохая экология в нашем городе (районе)	27,2	25,6	30,3	20,5
Другое	4,4	3,3	0,0	3,1
Затрудняюсь ответить	5,9	4,4	3,7	11,8

Для групп «космополитов» и «прозападников» в большей степени актуализированы сложности с получением хорошего образования, а для «русских» – более остро стоит вопрос с получением медицинской помощи.

Проблемы экономического характера определяют социально-психологическое самочувствие, когда 49% опрошенных не удовлетворены жизнью в стране. При этом максимальный уровень неудовлетворенности демонстрирует молодежь, отождествляющая себя с западной культурой, среди которых более половины (57%) не довольны (полностью или частично) жизнью в Российской Федерации. Среди тех, кто отождествляет себя с русской культурой, таковых 41% (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов молодежи Москвы и Московской области на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в Российской Федерации?», %, в зависимости от самоидентификации

Степень удовлетворенности	Все	Человек мира	Человек западной культуры	Русский	Россиянин
Полностью удовлетворен и скорее удовлетворен	46,8	50,0	43,3	52,3	48,8
Полностью не удовлетворен и скорее не удовлетворен	49,0	48,5	56,7	41,3	49,6
Затрудняюсь ответить	4,2	1,5	–	6,4	1,6

Оценивая уровень развития и место страны в разных сферах жизни (по 10-балльной шкале) в настоящее время и через 10–15 лет, респонденты в среднем по выборке выставляли средние баллы – от 3,6 в политической сфере до 4,77 в сфере внешнеполитических отношений.

Максимальный прирост оценок через 10–15 лет молодежь выставила показателю уровня развития социальной сферы. Высокая степень уверенности была высказана относительно возможного развития новых технологий в России (табл. 6).

Мнения по поводу развития отдельных сфер общества в группах с разной цивилизационной идентичностью варьируются в пределах статистической погрешности. А вот в ответах на вопрос о будущем страны различия уже существенны. Так, в целом по выборке 44,4% опрошенной молодежи Московского региона полагают, что страна будет существовать в прежних границах, а 19,7% считают, что Россия обречена на потерю целостности своих территорий в будущем. При этом максимальный пессимизм относительно будущего страны демонстрируют представители западной культуры, среди которых пятая часть (22,0%) предполагают дальнейших распад страны. Среди группы «россияне» таковых всего 12,6%, а 25,0% убеждены, что рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов (табл. 7).

Таблица 6

Представления молодежи Москвы и Московской области о своей стране сейчас и через 10–15 лет по 10-балльной шкале, средний балл

Варианты ответов	В настоящее время	Через 10–15 лет
Позиция России на мировой арене (в сфере международных отношений) (1 балл – отстающая, 10 баллов – лидирующая)	4,77	5,25
Уровень развития экономики в стране (1 балл – слабая/стагнирующая, 10 баллов – сильная, развивающаяся экономика)	4,02	4,78
Уровень развития социальной сферы в стране (обеспечение нор социального государства) (1 балл – низкий, 10 баллов – высокий)	4,31	5,10
Политическая обстановка в стране (1 балл – ситуация близка к диктатуре, авторитаризму, 10 баллов – демократия, конкуренция)	3,59	4,34
Уровень развития духовно-культурной сферы	5,12	5,63
Уровень развития правовых институтов в стране (равенство всех перед законом, справедливый суд)	3,65	4,45
Уровень развития новых технологий	5,20	6,32

Таблица 7

Распределение ответов молодежи Москвы и Московской области на вопрос: «Какое будущее ожидает Россию, по Вашему мнению?», %

Перспективы развития страны	Человек мира	Человек западной культуры	Русский	Россиянин
Россия обречена на дальнейший распад	21,3	22,2	18,3	12,6
Россия будет существовать в нынешних границах	43,4	54,4	49,5	44,1
Рано или поздно вокруг России начнется процесс объединения народов	16,9	14,4	17,4	24,4
Другое	4,4	1,1	2,8	0,0
Затрудняюсь ответить	14,0	7,8	11,9	18,9

Основные формы политического поведения молодежи, гражданская и политическая активность позволяют нам оценить степень зрелости гражданского общества и практики общественной жизни. Большая доля опрошенной молодежи отмечает свое участие в досуговых мероприятиях (54,0%) и волонтерских (35,3%), таких как озеленение города или субботники (табл. 8).

Наши данные позволяют констатировать высокий уровень абсентеизма среди молодежи Московского региона. В общенациональных, федеральных выборах принимали участие порядка 49% опрошенных, а в муниципальных – 46%. Не рассматривая выборы в качестве эффективного механизма решения проблем, треть молодежи региона (по нашей выборке) принимали участие в митингах и акциях протеста. По данным ГУ МВД, только 23 января 2021 г. на улицах Москвы собрались более 4 тыс. чел. в поддержку Алексея Навального[21]. Однако по неофициальным подсчетам агентства Reuters, на улицы столицы вышли более 40 тыс. чел., а штаб Навального сообщил о 50 тысячах[22].

При этом эффективность митингов и демонстраций также не признается нашими респондентами в качестве эффективной меры: больше половины опрошенных уверены, что митинги и акции протеста не приносят должного результата.

Обратим внимание, что в большей степени ориентированы на протестную активность молодые люди, разделяющие западные ценности: 31,1% подтвердили свою готовность участвовать в демонстрациях и митингах. В группе «россияне» таковых соответственно 13,4 и 17,0%. Наконец, в группе ориентированных на западную культуру и разделяющих культуру космополитизма в два раза больше тех, кто рассматривает для себя возможность эмиграции из страны: 14,5% против 8,0%.

В случае, когда встанет вопрос о защите личных интересов, 38,4% опрошенной молодежи Московского региона готовы выйти на митинги и акции протеста, 21,0% напишут обращение к власти и 19,1% обратятся к средствам массовой информации. Большинство же (33,6%) попробуют отстоять свои интересы через Интернет.

Что касается космополитично настроенной молодежи, то она в большей степени настроена добиваться защиты своих интересов с помощью СМИ и Интернета. Наблюдая за

Таблица 8

Распределение ответов молодежи Москвы и Московской области на вопрос: «В каких мероприятиях Вы принимали участие за последние 5 лет и какие мероприятия могут наиболее эффективно решить социальные и политические проблемы?», %

Мероприятия и/или акции	Участие	Оценка эффективности		
		эффективны и скорее эффективны	совсем не эффективны и скорее не эффективны	затруднились ответить
Муниципальные, местные выборы	45,9	41,4	48,8	9,8
Общенациональные выборы, референдумы	49,3	35,6	55,2	9,3
Сбор подписей/петиций в защиту организаций или прав граждан	35,5	41,9	48,6	9,5
Волонтерские мероприятия	35,3	67,8	22,7	9,5
Благотворительные мероприятия	35,9	70,9	21,3	7,8
Демонстрации, митинги	17,2	33,0	57,9	9,1
Акции протеста	12,9	31,2	59,9	8,9
Забастовки	5,9	32,7	56,1	11,2
Акции религиозных организаций	6,4	19,4	61,4	19,1
Общества защиты прав потребителей	11,5	46,5	37,6	15,9
Участие в благоустройстве и озеленении города/поселка	33,8	69,2	21,9	8,9
Городские, национальные праздники и фестивали	54,1	59,0	30,1	11,0
Ни в каких акциях не участвовал	18,5	23,0	40,1	36,9

западными тенденциями, «космополиты», по сравнению с «россиянами», демонстрируют, по крайней мере на вербальном уровне, готовность к активным действиям. На митинги и на акции протеста готовы выйти из них 31,0% против 15,6% в группе «россиян» (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов молодежи Москвы и Московской области на вопрос: «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?», %, в зависимости от самоидентификации (допускалось не более четырех ответов)

Варианты ответов	Человек мира	Человек западной культуры	Русский	Россиянин
Напишу обращение к властям	25,0	16,7	22,0	20,5
Обращусь к общественности через СМИ	19,1	26,7	18,3	16,5
Обращусь к общественности через Интернет	37,5	44,4	33,0	28,3
Выйду на митинг, демонстрацию	22,1	31,1	15,6	20,5
Буду участвовать в разрешенных забастовках и акциях протеста	21,3	8,9	10,1	13,4
Приму участие в акциях гражданского неповиновения	5,9	15,6	11,9	7,1
Ничего из перечисленного не буду делать	20,6	8,9	28,4	22,0
Что-то другое	14,0	0,0	1,8	1,6
Мои интересы защищены в достаточной степени	1,5	8,9	12,8	13,4
Затрудняюсь ответить	10,3	8,9	7,3	16,5

Подводя итоги, хочется отметить, что проблемы социально-экономического характера, низкоконкурентная политическая система и неэффективная молодежная политика являются дестабилизирующими факторами для развития молодой личности, а также для включения молодежи в социальную позитивную деятельность.

Расколотая, противоречивая система идентичностей приводит, в свою очередь, к появлению «расколотой» личности, в сознании которой совмещаются противоречивые, взаимоисключающие друг друга ценности и установки. Эклектичная идентичность, которая проявляется в том числе в невнятном образе будущего, ведет к снижению чувства уверенности в завтрашнем дне, ограничивает возможности выстраивания адекватных жизненных стратегий.

При этом молодежь Московского региона демонстрирует относительную лояльность к государству и готова предпринять активные меры по защите своих интересов. Наибольшую активность и протестный потенциал демонстрирует «западная» молодежь, ориентированная на европейские ценности и перенимающая европейские поведенческие практики.

Примечания

1 См.: *Мангейм К.* Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. М. : Юрист, 1994. (Лики культуры).

2 См.: *Руденкин Д. В.* Импульсы роста протестной активности российской молодежи : кейс Екатеринбурга // Конфликтология / nota bene. 2020. № 1. С. 1–14. https://doi.org/10.7256/2454-0617.2020.1.32326 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32326 (дата обращения: 16.10.2021).

3 См.: *Сазонова А. Л.* Протестный потенциал московской молодежи в контексте социальной политики Правительства Москвы // Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 12. С. 112–118.

4 См.: *Сокурянская Л. Г.* Социальные идентичности современной студенческой молодежи : особенности и векторы трансформации // Студенчество начала XXI века : ценностные ориентации и повседневные практики : сб. Екатеринбург : УрФУ, 2012 С. 39–46.

5 См.: *Бехмани Г.* Современное общество : общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. с нем. А. Ю. Антоновского [и др.]. М. : Логос, 2015.

6 См.: *Лубский А. В.* Цивилизационная идентичность : Методологический конструкт интердисциплинарных научных исследований // Вестник Российской академии естественных наук. 2013. № 3. С. 51.

7 См.: *Chiccheli V., Octobre S.* The Seven Pillars of Aesthetico-Cultural Cosmopolitanism // Aesthetic Cosmopolitanism and Global Culture. Series “Youth in Globalizing World”. 2019. Vol. 9. P. 46–65. https://doi.org/10.1163/9789004411487_004

8 См.: Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlya-yushchikh-obrazovateln (дата обращения: 14.10.2021).

9 См.: Можно в IT? Какие профессии наиболее востребованы в Москве и других регионах страны // Российская газета, 02.02.2021. URL: https://rg.ru/2021/02/02/reg-cfo/kakie-professii-naibolee-vostrebovany-v-moskve-i-drugih-regionah-strany.html (дата обращения: 15.10.2021).

10 См.: Официальные статистические публикации : Статистические сборники : Москва в цифрах в 2020 году // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области : [сайт]. URL: https://mosstat.gks.ru/folder/65047 (дата обращения: 15.10.2021).

11 См.: Глава Минтруда назвал процент безработных среди российской молодежи, ПМЭФ-2021 // ТАСС, 2021. URL: https://tass.ru/ekonomika/11571509 (дата обращения: 14.10.2021).

12 См.: *Сурков В.* Долгое государство Путина // Независимая газета, 11.12.2019. URL: https://yandex.ru/turbo/ng.ru/s/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 15.10.2021).

13 См.: *Великая Н. М., Шушпанова И. С.* Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29–40. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40

14 См.: *Быков Д.* Чеховский стыд // Профиль. 2010. 1 февр.

15 См.: *Тишков В.* Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 2. С. 42–62. https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62

16 См.: *Теняева О. В.* Социальная идентификация молодежи в современном российском обществе // Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения) : материалы Национальной науч.-практ. конф. с междунар. участием (Рязань, 21–22 ноября 2018 г.) / отв. ред. Р. Е. Маркин, А. В. Проноза. Рязань : Изд-во Ипполитова, 2018. С. 420–424.

17 См.: Планы на будущее // ФОМ, 30.10.2020. URL: https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483 (дата обращения: 01.10.2021).

18 См.: Уровень и структура денежных доходов населения, уровень денежных доходов населения в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723?print=1 (дата обращения: 16.10.2021).

19 См.: Экономическая ситуация в России : мониторинг // ФОМ, 20.11.2020. URL: https://fom.ru/Ekonomika/14499# (дата обращения: 30.09.2021).

20 См.: Зарплаты молодых специалистов // Сбербанк, 2018. URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/pdf/zarplaty_molodykh_spetsialistov.pdf (дата обращения: 17.10.2021).

21 См.: В МВД оценили число участников акции протеста в Москве // РБК, 23.01.2021. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/01/2021/600c0b8a9a79474b02f29059 (дата обращения: 17.10.2021).

22 См.: Акция за Навального в Москве : дубинки ОМОНа, снежки демонстрантов // DW, 23.01.2021. URL: https://p.dw.com/p/3oLDo (дата обращения: 17.10.2021).

Поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 09.12.2021
The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 09.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 39–45
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 39–45
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45

Научная статья
УДК 316.43

Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой?

И. С. Шаповалова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»), Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью, shapovalova@bsu.edu.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-2855-8968

Аннотация. В статье на материалах эмпирического социологического исследования отражены диспозиции, факторные модели выбора, жизненные стратегии в области политических траекторий современной российской молодежи. Приведена авторская типология политических диспозиций молодежи, показавших значимость политических устремлений в рангах жизненных ценностей. Определены проблемные вопросы в области реализации российской молодежной политики относительно поддержки политической активности и политической грамотности молодежи, развития ее электоральной заинтересованности и активности. Выявлено противоречие между актуальностью вопроса поддержки политической активности российской молодежи и фактическим отсутствием эффективных практик вовлечения молодежи в политические движения, созданием системы политического образования молодежи, формирования адекватной и активной политической позиции, обеспечения участия молодежи в политических трансформациях государства.

Ключевые слова: молодежь, политические стратегии, политическая активность, политические карьерные стратегии, жизненный выбор, молодежная политика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 21-011-31728 «Политическое мышление молодежи в российском пространстве политического выбора и самоидентификации»).

Для цитирования: *Шаповалова И. С.* Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 39–45. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Political strategies of youth: Will our politics be young?

I. S. Shapovalova

Belgorod National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

Inna S. Shapovalova, shapovalova@bsu.edu.ru, https://orcid.org/ 0000-0002-2855-8968

Abstract. The article reflects dispositions, factorial models of choice, life strategies in the field of political trajectories of modern Russian youth on the basis of the empirical sociological research. The author's typology of political dispositions of youth showing the importance of political aspirations in the ranks of life values, is given. The problematic issues in the implementation of the Russian youth policy regarding the support of political activity and political literacy of Russian youth, the development of their electoral interest and activity are identified. The contradiction between the relevance of the issue of supporting the political activity of Russian youth and the actual lack of effective practices for involving young people in political movements, the creation of a system of political education for young people, the formation of an adequate and active political position, and ensuring the participation of young people in the political transformations of the state was revealed.

Keywords: youth, political strategies, political activity, political career strategies, life choices, youth policy

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 21-011-31728 "Political thinking of young people in the Russian space of political choice and self-identification").

For citation: Shapovalova I. S. Political strategies of youth: Will our politics be young? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology,* 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 39–45 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© *Шаповалова И. С., 2022*

Неоспорим в современной социальной ситуации тот факт, что трансмиссия общественных отношений обеспечивается именно молодым поколением, молодежь является носителем социальных инноваций, двигателем общественной эволюции. Ядро такой активности часто заключается в политических диспозициях молодых людей, их включенности в политическую жизнь государства. Изучение политической активности молодежи особенно актуально в кризисный период, когда такая активность становится одним из условий поиска новых форм общественного устройства.

Политическую активность можно представить в виде повышенного, по сравнению с общепринятыми нормами в обществе, участия в деятельности политических партий, акциях, общественных движениях и организациях, включенности в различные молодежные сообщества, а также участия в социальной деятельности, направленной на благо общества. В нашей стране молодежь на протяжении достаточно длительного времени с начала политических реформ оставалась на обочине социально-политической жизни, включаясь в активный режим лишь в процессе избирательных кампаний политических партий, выборов «избранников народа», ограничиваясь, по сути, электоральной активностью. За последнее десятилетие обстановка на политическом поприще страны имела ряд изменений, молодежная проблематика в этой сфере выдвинулась на одно из главных мест[1]. Но, к сожалению, сегодняшнее понимание политической активности российской молодежи рассматривается, прежде всего, со стороны протестного настроения и социальной нестабильности, в то время как, по нашему мнению, не менее важно уделять внимание политическим амбициям, намерениям, стратегиям.

Отдельного внимания в рассмотрении данной темы заслуживает и институт государственной молодежной политики – один из ведущих агентов социализации в повышении политической культуры и активности молодежи. В силу трансформации образования такое понятие, как «политическая грамотность», перестало включаться в обязательный культурный капитал молодого человека, перешло в разряд «компетенций+», и развитие данной компетенции практически целиком легло на органы управления государственной молодежной политики и общественные организации, реализующие соответствующее направление ГМП в рамках своей деятельности. В силу спецификации таких НКО, их политической заинтересованности говорить о системности в политической образованности и грамотности молодежи не приходится. И здесь возникает своего рода «порочный круг» – молодежь, имеющая достаточно высокий потенциал, осознавая свою политическую безграмотность, не проявляет политической активности и заинтересованности, в то время как молодые люди, ограниченные в потенциале, имея фрагментарное представление о политике и политических смыслах, активно вступают в политическую деятельность, пополняя пул низкоквалифицированных политиков или представляя нежизнеспособные политические мнения. Соединение двух условий – политической грамотности и потенциала личности – встречается крайне редко и, как правило, реализуется в критическом осмыслении реальности, что неминуемо приводит к административным санкциям (в задачи статьи не входит их оценка).

На современном этапе исследований социально-политической активности молодежи с точки зрения отечественных социологических и политологических наук есть множество подходов, характеризующихся широким спектром дифференцированности как общих, так и частных проблем политической активности молодежи как отдельной социально-демографической группы. Так, политическое сознание молодежи как особой социально-демографической группы было исследовано и неоднократно презентовалось в работах В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок[2], Ю. А. Зубок и О. Б. Сорокина[3]. Электоральная активность молодежи, а также ее политическое участие в жизни страны представлено очень широко, и в качестве примера можно привести работы таких авторов, как Д. А. Ежов[4], Г. П. Зинченко[5], В. П. Логунова[6], Р. Р. Низамов[7].

В ракурсе темы интересна статья Р. В. Пырма, где исследуется влияние политических партий на молодежный ресурс в рамках феномена лидерства в молодежных движениях[8].

Стоит также отметить статьи Е. А. Беликовой[9], Б. В. Иджаевой[10], В. Л. Примакова[11], А. В. Щепёткина[12], в которых авторы дают анализ политической активности молодежи, рассматривая технологии привлечения молодых людей к участию в политических процессах на государственном уровне.

Продолжая научный дискурс, Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета в 2021 г. были проведены исследования политических диспозиций и стратегий российской молодежи на примере одного из типичных российских регионов (Белгородская область РФ). Использовался метод формализованного опроса. *Объектом* исследования выступила молодежь российской провинции (N = 2500, ошибка выборки 1.93%, доверительная вероятность 95%), распределенная по полу, возрасту и трем основным квотам: учащаяся, студенческая и работающая молодежь. *Целью* социологического исследования стало изучение политических стратегий молодежи и

возможности влияния на стратегии институтов социализации в условиях трансформирующейся социальной среды. Данное исследование представило очередной этап мониторинга, посвященного социальным стратегиям и траекториям социализации региональной молодежи, который проводился в течение 2018–2020 гг. С результатами исследований авторского коллектива можно познакомится в монографии «Общие тренды и уникальные социализационные траектории региональной молодежи»[13].

Политические диспозиции и стратегии молодежи важны для исследователей не только с точки зрения прогнозирования ее политического выбора, но, скорее, с позиции диагностики молодежной гражданской активности. В качестве операционального основания в предлагаемом исследовании была предпринята попытка получить типологию молодежи, основанную на ее политической активности. В этом смысле типы молодежи по политическому поведению распределились от отстраненной позиции (которой придерживаются 25,6% опрошенных) до активного вовлечения в политическую деятельность (это всего 1,3%). Четыре типа политического поведения молодежи могут быть условно обозначены как: индифферентный тип, вовлеченный тип, погруженный тип (10,7%) и пассивный (слабо интересующийся) тип (превалирующее большинство 62,5%). Условно политически пассивными (с включением в эту группу слабо интересующихся) могут считаться 88,1% молодежи, политически активная группа насчитывает порядка 12,0% (рис. 1).

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?»

Дополняет данную типологию распределение позиций молодых людей относительно электоральной активности: так, из молодежи, достигшей возраста голосования, 47,3% предпочитают ходить на выборы и делать осознанный выбор, 27,3% ходят периодически, из них 10,5% делают случайный выбор. Принципиальную позицию электорального игнорирования выбирают для себя 7,4%. Таким образом, в молодежной группе 24,2% практически не посещают мероприятия, связанные с политическим волеизъявлением, 10,5%, по сути, не влияют на выбор, увеличивая группу исключенных из принятия решения до 34,0% (1/3 молодежи, и даже несколько более в пересчете на молодежь, достигшую 18-летнего возраста) (рис. 2).

Для определения политических диспозиций в исследовании была предложена операционализация целей и принципов (содержания) основных политических течений, при этом сами течения не назывались, что позволило избежать центрированности молодежи на атрибутах данных наименований или ориентации на конкретных личностей или партии. Так, при выборе политических принципов (определяющих политические течения) большинство молодых людей склонились к либеральной позиции *(Основными ценностями являются человек, его права и свободы, а также наибольшая свобода людей от государства и полная свобода предпринимательской деятельности)* (50,7%), вторым выбором по значимости стали принципы социал-демократических партий *(Демократические принципы должны распространяться на все сферы, необходимо стремиться к свободе, справедливости, солидарности)* (13,8%). Коммунистические позиции поддерживают 6,5% респондентов, а вот националистическая позиция осталась в меньшинстве (5,0%) (рис. 3).

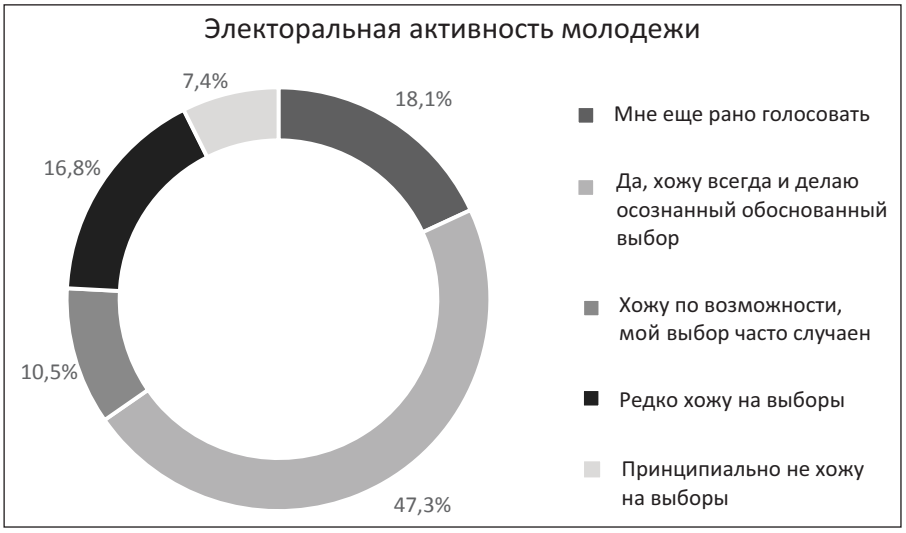


Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос: «Ходите ли Вы голосовать?»

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос: «Какой политической позиции Вы придерживаетесь?»

Мы видим, что ключевым словом выбора, в рамках предложенных принципов, становится слово «свобода». И, конечно, становится очевидным тот факт, что, так как партии, активно представляющие либеральную позицию, представлены в меньшинстве среди правящих партий России, и их либерализм и поддержка свобод в реальности весьма сомнительны (они просто не могут реализовать свои принципы в существующей российской реальности), это обусловливает общую неудовлетворенность молодежи политической ситуацией. По сути, принципиальную позицию молодежи не представляет ни одна из политических групп, не говоря уже о том, что ни одна из политических сил не отстаивает явно интересы молодежи.

Рассматривая жизненный выбор молодежи относительно будущих политических шагов, мы видим, что большинство индикаторов не являются значимыми – молодые люди могут спокойно обойтись без активной политической деятельности и политических партий – данные шаги оказались жизненно важны только для 16,8 и 11,2%. При этом аналогичные статистические группы получены по политическим траекториям, предполагающим депутатскую (парламентскую) и государственную административную деятельность (11,9 и 12,2%) – и если для политической активности такой процент важности – явно мал, то для «политической продвинутости» весьма высок. По данным нашего исследования, политические амбиции имеет каждый девятый молодой человек из десяти. Целеустремленность и высокая общественная активность делают эти политические перспективы весьма реальными, что накладывает дополнительные обязательства на институты социализации (прежде всего на институт

образования) по воспитанию соответствующего морального и компетентностного профиля будущих руководителей региональной политики (рис. 4). Но, как мы говорили выше, есть серьезный риск, что политический порыв демонстрируется молодежью с низким потенциалом и политической грамотностью, тем самым ускоряя процесс воспроизводства низко квалифицированных политиков, продуцируя угрозы необдуманных политических решений и ухудшения российской внутренней и внешней политической ситуации.

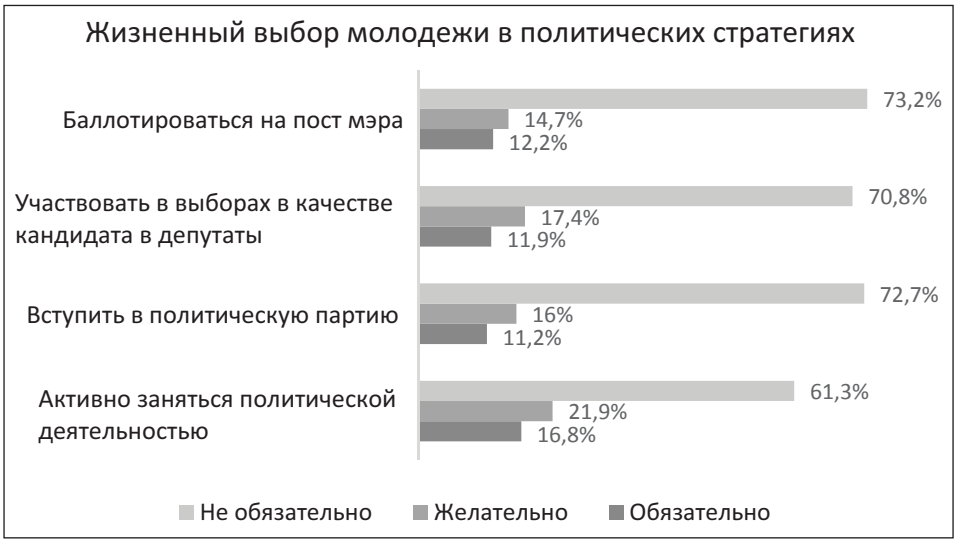


Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько важно для Вас в будущем предпринять следующие шаги?»

Оценивая направления реализации молодежной политики в России, молодые люди отмечают недостаточную удовлетворенность ситуацией по всем мероприятиям – как правило, показатель здесь не поднимается выше 55,0%. В зоне большей удовлетворенности оказывается деятельность органов власти по патриотическому воспитанию молодежи, ниже 50,0% опускаются значения удовлетворенности по политическому просвещению и вовлечению молодежи в политическую активность. Что же касается показателя неудовлетворительных значений, то в патриотическом воспитании таковых 16,4%, а вот две другие позиции не удовлетворяют, по сути, каждого пятого молодого человека. Высокий процент затруднившихся с ответом опять-таки указывает нам на проблемы информирования (трудно оценить то, о чем не знаешь) и, соответственно, также формирует вектор действий, отдельное направление по продвижению информации в рамках помощи в реализации политических социализационных траекторий (рис. 5).

Рис. 5. Ответы респондентов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы существующей ситуацией по реализации мероприятий молодежной политики?»

Говоря о проблемных зонах реализации молодежной политики в России в области политических стратегий, респонденты называют, прежде всего, проблемы, связанные с низкой электоральной активностью молодежи (так считают 81,1%), с политической грамотностью (80,9%) и созданием системы патриотического воспитания (80,3%). Более 70,0% молодежи указали на такие проблемы, как преобладание антипатриотических настроений среди молодежи, политическая пассивность, отсутствие поддержки для политических инициатив молодежи и адреса, по которому можно обратиться с целью повышения своей политической грамотности или разработки политической инициативы.

Низкая информированность подтверждается ответами молодых людей на соответствующий вопрос. Так, по мероприятиям политического просвещения и вовлечения она не превышает 52,0%, чуть лучше обстоят дела с патриотическим воспитанием – 61,3%. Исключенных из информационного поля, но желающих получать информацию по данным вопросам достаточно много – особенно это касается политического просвещения, группа заинтересованной молодежи составляет практически 1/5 опрошенного массива. В отношении патриотического воспитания группа не информированных респондентов, но желающих получить информацию, несколько меньше, но, объединив между собой тех, кто имеет информацию и заинтересован в ней, мы выйдем на фактически одинаковый уровень заинтересованности молодежи в данном вопросе – он составляет около 70,0%. Это практически подтверждает распределение молодежи по типам политического поведения, где группа политически индифферентных молодых людей составила 25,6%.

Общим итогом исследования политических диспозиций и жизненных выборов можно считать следующее.

Молодежь нового поколения отличается достаточно высокой политической пассивностью – активность в области получения политической информации и включения в политическую деятельность демонстрируют не более 12%. Четверть молодых людей в России сознательно исключают себя из возможности политического выбора (электоральных практик), совокупно с группой делающих случайный выбор формируется достаточно высокий процент «электоральной периферийности» молодых людей – более 1/3.

Политические жизненные траектории не близки современной молодежи – в меньшинстве остаются те, кто определяет их как обязательные шаги в выборе своей жизни. Одновременно с этим молодое поколение демонстрирует высокие политические амбиции (свыше 10%); мотивация на политическую карьеру и политическое признание у каждого девятого молодого человека – все это предопределяет необходимость регулирования политического мировоззрения и интересов.

Современной молодежи близки идеалы либеральных партий и социал-демократического движения, в меньшинстве остаются те, кто поддерживает коммунистические принципы. Свобода во всех ее выражениях – вот ключевая смысловая единица выбора современной российской молодежи.

Имея низкую информированность о мероприятиях поддержки политического развития и продвижения, молодежь демонстрирует невысокий уровень удовлетворенности реализацией направления молодежной политики, связанного с наращиванием политической активности и компетентности молодежи. Заинтересованность в получении политической информации и расширении поля политической социализации демонстрируют около 70% молодых людей. Такой интерес в совокупности с высоким уровнем неинформированности формирует востребованность мероприятий, связанную с реализацией политического просвещения и повышением политической грамотности и дискуссионных компетенций.

Общим выводом нашего исследования можно считать выявленное противоречие: несмотря на артикуляцию важности вопроса поддержки политической активности молодежи, на данный момент в России не представлены эффективные практики грамотного вовлечения молодежи в политические движения, не создана система политического образования, обеспечивающая формирование адекватной и активной политической позиции, выражающейся в участии молодежи в политических трансформациях государства. Следуя таким курсом, государство строит систему воспроизводства политической неграмотности и непрофессионализма, отторгая думающую молодежь от участия в политической жизни. Будет ли у российской политики молодое лицо – возможно, в пределах 10–12% от общего «политического истеблишмента», и понравится ли это лицо российскому народу – вопрос открытый и задача для дальнейших исследований.

Примечания

[1] См.: *Медведев Д. А.* Развивать демократию и уметь ее защитить : Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Парламентская газета. 2008. 5 нояб. С. 10.

[2] См.: *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А.* Отношение к социальной реальности в российском обществе. Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2012.

[3] См.: *Зубок Ю. А., Сорокин А. В.* Формирование политического сознания российского молодежи и обусловливающие его противоречия // Социология власти. 2010. № 4. С. 6–15.

[4] См.: *Ежов Д. А.* Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // Азимут научных исследований : экономика и управление. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 356–359.

[5] См.: *Зинченко Г. П.* От чего зависит электоральная активность молодежи? // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 3. С. 134–137.

[6] См.: *Логунова В. П.* Повышение политического участия молодежи как фактор снижения уровня абсентеизма посредством государственной политики // Вопросы управления. 2017. № 5. С. 17–22.

[7] См.: *Низамов Р. Р.* Электоральная активность молодежи : понятие и современное состояние // Молодой ученый. 2017. № 35. С. 62–64. URL: https://moluch.ru/archive/169/45517/ (дата обращения: 12.10.2021).

[8] См.: *Пырма Р. В.* Электоральное участие молодежи в выборах Президента России 2018 года // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 2. С. 50–57. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-2-50-57

[9] См.: *Беликова Е. А.* Политическое участие молодежи : анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 57–61.

[10] См.: *Иджаева Б. В.* Измерение политической активности городской молодежи (на материале анкетного опроса) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 163–167.

[11] См.: *Фатехов А. М., Примаков В. Л.,* Политическая активность московской студенческой молодежи : социологический анализ // Огарёв-Online. 2018. № 11. URL: http://journal.mrsu.ru/arts/politicheskaya-aktivnost-moskovskoj-studencheskoj-molodezhi-sociologicheskij-analiz (дата обращения: 12.10.2021).

[12] См.: *Щепеткин А. В.* Политическая активность молодежи : особенности и способы повышения // Омский научный вестник. 2011. № 2 (96). С. 66–69.

[13] См.: *Шаповалова И. С., Кисиленко А. В., Заводян И. С.* Общие тренды и уникальные социализационные траектории региональной молодежи. Белгород : ООО «ЭПИЦЕНТР», 2020.

Поступила в редакцию 02.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 02.11.2021; approved after reviewing 03.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 46–50
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 46–50
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-46-50

Научная статья
УДК 316.344.8

Специфика функционирования механизма формирования идентичности современной молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности

О. В. Мунина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мунина Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, munina-devinaov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5994-4127

Аннотация. В статье предлагается взглянуть на процесс формирования идентичности представителей поколения Z (Хоумлендеров) в современном прочтении с учетом такого вызова, как изменяющаяся социальная реальность. Стремительная информатизация социума привела к оцифровке социальной системы и датификации жизненного пространства, что в свою очередь сказалось на межличностных взаимодействиях и коммуникациях, значимых для процесса социализации. Наметившееся схлопывание социального пространства в его традиционном виде в контексте пандемии COVID-19 существенно усугубилось. Последнее обстоятельство отразилось на личностной и групповой идентичностях представителей социума. Автор в этой связи акцентирует внимание на особенностях протекания процесса становления идентичности молодых людей, находящихся в стадии первичной социализации; конкретизирует элементы механизма формирования идентичности; предлагает понятийный аппарат, позволяющий детальную концептуализацию наблюдаемых изменений. В основе теоретико-методологических изысканий автора – синергетическая междисциплинарная парадигма, феноменологический подход, теория поколений, публикации отечественных социологов, занимающихся исследованием молодежных проблем через призму концепции неопределенности, нелинейности и риска в молодежной среде (прежде всего, работы В. И. Чупрова, Ю. А. Зубок). Данная статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных рефлексии категорий «лиминальность», «лиминальная идентичность», «социальная сингулярность».
Ключевые слова: социология молодежи, изменяющаяся социальная реальность, поколения, идентичность, лиминальность, социальная сингулярность

Для цитирования: *Мунина О. В.* Специфика функционирования механизма формирования идентичности современной молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 46–50. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-46-50

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The specifics of the functioning of the modern youth identity formation mechanism in a changing social reality

O. V. Munina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Munina, munina-devinaov@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5994-4127

Abstract. This article offers a look at the process of identity formation of representatives of generations Z (Homelanders) in a modern reading, taking into account such a challenge as a changing social reality. The rapid informatization of society led to the digitization of the social system and the datification of the living space, which, in turn, affected interpersonal interactions and communications which are important for the socialization process. The emerging collapse of social space in its traditional form in the context of the COVID-19 pandemic significantly worsened the present situation. The latter circumstance affected the personal and group identities of the representatives of society. In this regard, the author focuses on the peculiarities of the process of identity formation of young people who are at the stage of primary socialization; specifies the elements of the mechanism of identity formation; offers a conceptual apparatus that allows detailed conceptualization of the observed changes. The author's theoretical and methodological research is based on a synergetic interdisciplinary paradigm, a phenomenological approach, the theory of generations, publications of Russian sociologists engaged in the study of youth problems through the prism of the concept of uncertainty, nonlinearity and risk in the youth environment (primarily, the works of V. I. Chuprov, Yu. A. Zubok). The article continues the author's cycle of the publications devoted to the reflection of the categories "liminality", "liminal identity", "social singularity".
Keywords: sociology of youth, changing social reality, generations, identity, liminality, social singularity

© *Мунина О. В., 2022*

For citation: Munina O. V. The specifics of the functioning of the modern youth identity formation mechanism in a changing social reality. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 46–50 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-46-50

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История социологии молодежи демонстрирует длительный, но в то же время, плодотворный период своего становления и развития. К настоящему времени данная дисциплина обрела статус самостоятельной отрасли социологического знания, изучающей молодежь как социально-демографическую группу, ее роль в общественном воспроизводстве, положение в социальной структуре, взаимодействие с другими общественными группами, особенности ее сознания и социального поведения[1]. Актуальность исследования молодежи в любую эпоху и на любом отрезке общественно-исторического развития, по мнению Ю. А. Зубок, объясняется созависимостью данной социальной группы и общества в целом и обусловливается особенностями изменяющейся социальной реальности[2].

С точки зрения У. Кымлика, канадского философа и социолога, большая часть стран мира в последние три десятилетия находится под серьезным гнетом целого ряда глубоких социально-политических, социально-экономических и социокультурных изменений, к которым, прежде всего, следует отнести технологический прогресс, глобализацию, миграционные и демографические тренды, старение населения, трансформацию существующих идеологий[3].

Характерной чертой изменяющейся социальной реальности выступает неопределенность, порождающая проявление разнонаправленных тенденций, возможностей и состояний. В этом смысле неопределенность становится фактором нелинейности. Подобный ракурс исследования был положен в основу теории общества риска, представляющего собой специфический способ организации социальных связей в условиях неопределенности, когда, наряду с процессом производства материальных и социальных благ, систематически воспроизводится риск. Рискологическая проблематика заложила базу современных теорий молодежи. Обоснованность рискологического подхода обусловливается переходностью свойств и состояний современной молодежи[4].

На наш взгляд, изменяющаяся социальная реальность становится значимым фактором трансформаций, происходящих в молодежной среде. Прежде всего, потому что она модифицирует механизмы социализации, активизирует отмирание социальных норм, считавшихся долгое время незыблемыми, и изменяет процесс социального развития молодежи. Так, например, идентификация как элемент социализации приобретает новые оттенки и еще большую пластичность. В результате идентификационные, индивидуализированные, поведенческие стратегии, реализуемые молодежью в многообразных социальных практиках, начинают демонстрировать качественно иные черты и характеристики.

Нужно также отметить и тот факт, что в подвижных условиях современного общества риска понятие «молодежь» теряет свою смысловую определенность: большая часть описанных выше характеристик (возраст, социальное положение, специфика социализации и т.д.) уже не позволяет однозначно охарактеризовать данную социальную группу. Раннее половое взросление, социальное расслоение и непрерывное образование превращают молодежь в неустойчивую, транзитивную группу, что в свою очередь усугубляет описанную выше проблему формирования идентичности, и поиск своей идентичности для современного молодого человека превращается из данности в задачу.

В предыдущих публикациях нами было высказано предложение пополнить тезаурус социологии молодежи двумя терминами, незаслуженно невостребованными в социологии – «лиминальность» и «социальная сингулярность»[5]. Благодаря данным смысловым дефинициям становится возможным анализ состояний, тенденций, характерных черт молодежи в качестве транзитивной группы. Эвристический потенциал терминов способен объяснить сами социальные изменения, понять специфику положения индивидов и групп в процессах социальной мобильности и социальной идентификации в условиях подвижной социальной среды. Понятие «лиминальность» описывает состояние изучаемого нами субъекта, т.е., молодежи, тогда как вторая категория – «социальная сингулярность» – характеризует средовое пространство.

Целью данной публикации выступает выявление особенностей функционирования механизма формирования идентичности современной молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности, в связи с чем остановимся на ключевых тезисах ранних работ, необходимых для реализации заявленной нами целевой установки.

«Лиминальность» (от англ. *liminality*, лат. *limen* – порог, пороговая величина) как понятие впервые появляется в работах А. ван Геннепа[6] и В. Тёрнера[7] и характеризует «переходные» или «неразличимые» пространства в промежутке между организованными системами и системами координат, будь они физические, географиче-

ские или когнитивные, социальные, и обозначает промежуточное состояние между двумя стадиями развития человека, группы, сообщества.

Мы будем интерпретировать понятие «лиминальность» как пороговое, промежуточное состояние индивида или группы в процессе социальной мобильности, отличающееся статусно-ролевой необычностью для привычной идентичности, значимостью (вовлечены социальные ценности и нормы) и рефлексивностью (обозначены границы, нормы и практики входа, пребывания и выхода из этого состояния). Данное, кризисное по своей природе, состояние служит развитию личности или группы. Оно заставляет переосмыслить свое место в социуме, собственные представления о происходящем, о самом/их себе, выявить имеющийся потенциал[8].

Термин «сингулярность» (от лат. *singularis* – единственный, особенный) в контексте глобального прогнозирования впервые использовал еще в середине XX в. Дж. фон Нейман, имея в виду точку, за которой экстраполяция начинает давать бессмысленные результаты. В 1958 г. он заметил в беседе со своим другом и коллегой С. Уламом: «Постоянно ускоряющийся прогресс в технологии и в жизни... наводит на мысль о приближающейся фундаментальной сингулярности в истории нашего вида, за которой знакомый нам человеческий мир не сможет продолжаться»[9].

В настоящее время актуализовалась проблема проецирования желаемого будущего на реальную практику жизни, поэтому сингулярность как совокупность процессов, сопровождающих неустойчивое развитие системы под влиянием рациональных и случайных факторов, представляет большой интерес. В 2008 г. при НАСА был открыт Университет Сингулярности. Категория сингулярности получила универсальное основание в соотношении с Мегаисторией и синергетикой (теорией сложности)[10]. Вместе с тем в научном сообществе неоднозначно относятся к социальной сингулярности – от критики до понимания необходимости и неотвратимости грядущих перемен[11].

В нашем понимании социальная сингулярность представляет собой особую точку на пути развития человеческого общества, после которой эволюция человеческого разума в результате помещения его в специально созданную социальную среду достаточно высокого уровня коммуникативности ускорится до такой степени, что дальнейшие изменения приведут к естественному возникновению «нового мышления» принципиально иного качества.

Социальная сингулярность как средовая характеристика активно заявила о себе изменениями социума, обусловленными пандемией вируса COVID-19. Новый вызов для человечества интегрировал реальное и цифровое пространство, породил новые стандарты социальной интеракции и испытал на прочность привычные механизмы индивидуальной и групповой идентичности. Состояние нестабильности и стремительный переход к цифровой жизнедеятельности, отражаясь в сознании молодых людей, повлияли на их потребности, интересы, ценностные ориентации в их поведенческих программах. Дистанционный формат организации общения и деятельности сказался на механизмах социализации, как первичной, так и вторичной. Последовательное прохождение трех фаз: адаптации, индивидуализации и интеграции, в условиях пандемии приобрело дополнительные характеристики, что в свою очередь отразилось на формировании идентичности индивида.

С учетом положений и дефиниций, обозначенных нами выше, попытаемся конкретизировать элементы механизма формирования идентичности современной молодежи и непосредственно специфику их функционирования. В этой связи отметим два важных момента.

Во-первых, идентичность как таковая является чрезвычайно пластичным атрибутом социального субъекта, имеющим определенное значение для его социальной деятельности и существования в целом. Формирование идентичности представляется перманентным процессом, зависящим от целого комплекса значимых факторов, которые условно можно дифференцировать на микро- и макросоциальные, экзо- и эндогенные.

Во-вторых, в описание механизма функционирования/протекания того или иного явления или процесса вовлекается вся совокупность связанных с ним событий и обстоятельств: стимулирующих и тормозящих; положительных и отрицательных; стабильных и неустойчивых; необходимых и случайных. Из них механизм действия социальных законов вычленяет те самые главные, решающие «пружины», которые запускают и поддерживают алгоритм функционирования изучаемого объекта. Подобный анализ дает наиболее полное представление о происходящих процессах, взаимосвязях и взаимодействиях во всех деталях.

Механизм формирования идентичности современной молодежи ввиду неоднородности явления (например, индивидуальная и групповая; этническая, территориальная, культурная и т.д.) сложен и чрезвычайно разнообразен. Вместе с тем любой вариант формирующейся идентичности, по нашему мнению, является результатом взаимодействия следующих трех элементов:

1) социальной среды, влияющей на специфику формирующейся идентичности и включающей в себя всю совокупность социальных отношений и деятельность социальных институтов, а также особенности конкретных ситуаций

(поскольку объективные условия существования человека формируют основные черты его жизненной позиции и его образ жизни);

2) системы ценностных ориентаций и социальных норм, являющихся ментальным базисом формируемой идентичности;

3) самого индивида, которому свойственны определенные личностные качества, реализующиеся на поведенческом уровне.

Следовательно, идентичность, сформировавшаяся в итоге, является результатом синтеза продолжительности конкретной жизненной ситуации с комплексом черт личности, степенью ее социализации и личностным мировоззрением в условиях функционирования определенных социальных норм и трансляции ценностных ориентаций. Мы полагаем, что подобный перечень составных элементов механизма формирования идентичности остается неизменным, что позволяет сохранять его и транслировать. Но мы должны также подчеркнуть присутствие внутренней динамики в содержании самих элементов, приводящей к трансформации ключевых характеристик каждого компонента. Кроме того, при равнозначности всех трех элементов на практике чаще всего наблюдается доминирующая позиция одного из них, что задает определенную специфику всему механизму формирования идентичности, благодаря чему мы можем говорить об особенностях протекания процесса формирования идентичности в разные исторические моменты.

Трактовка составных элементов механизма формирования идентичности, предлагаемая нами, отчасти перекликается с критериями отождествления себя с конкретным поколением, данными авторами теории поколений В. Штраусом и Н. Хоувом. По мнению исследователей, социальное поколение как совокупность всех людей, рожденных в один промежуток времени (составляющий примерно двадцать лет), идентифицируется по соответствию трем обязательным критериям:

– представители одного поколения разделяют одну историческую эпоху, сталкиваются с одинаковыми ключевыми проблемами и историческими событиями, находясь при этом на одинаковых жизненных фазах (детство, молодость, средний возраст или старость);

– им присущи общие модели поведения, ценности и убеждения;

– они испытывают чувство принадлежности своему поколению, осознают и разделяют опыт и убеждения своих сверстников[12].

Право на существование данной нами интерпретации механизма формирования идентичности косвенно подтверждается и феноменологической методологией, поскольку совокупность перечисленных элементов демонстрирует синтез объективно заданной, институционально определенной реальности с субъективной реальностью, «улавливаемой индивидуальным сознанием»[13].

В этой связи с позиций феноменологии вычленим особенности механизма формирования идентичности современной молодежи.

В ситуации переноса жизнедеятельности человека в цифровое пространство, обусловленного пандемией коронавируса, старшее поколение столкнулось с кризисом широких (этнических, территориальных, культурных, политических) идентичностей, в то время как представители молодежи продемонстрировали высокую адаптивность процесса идентификации социального субъекта в цифровом формате и формирование новых видов идентичностей. Залогом успеха последних стала Patchwork-идентичность, характеризующаяся многоуровневостью социокультурной реальности. Присутствие у молодежи лиминальной характеристики обеспечило ей адаптацию к самореализации в цифровом информационном пространстве. Пороговое, промежуточное состояние между двух миров – реальным и цифровым – способствовало развитию личности представителей молодого поколения за счет опыта реализации взаимодействий в реальном и цифровом мире. Благодаря собственной лиминальности представители молодого поколения расширили свое жизненное пространство, обрели способности гибкой мобильности, получили подвижную, пластичную идентичность. Через систему индивидуальных выборов в новых условиях молодежь воссоздала общество как собственную социальную реальность. В итоге современная молодежь практически полностью погрузилась в цифровую реальность, которая стала, по сути, основным способом вхождения индивида в социум и средством самопрезентации индивида.

В перспективе последующих авторских изысканий – исследование саморегуляционных процессов в молодежной среде, актуальных для рефлексии механизма формирования идентичности современной молодежи.

Примечания

1 См.: *Чупров В. И., Зубок Ю. А.* Социология молодежи : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.

2 См.: *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Современная социология молодежи : изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 14.

3 См.: *Banting K., Kymlicka W.* Multiculturalism and the Welfare State: Setting the Context // Multiculturalism and the Welfare State. Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies / ed. by K. Banting, W. Kymlicka. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 4–5.

4 См.: *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Указ. соч. С. 12–48.

[5] См.: *Мунина О. В.* Социальная сингулярность и лиминальность как факторы жизнедеятельности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 426–429. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-426-429

[6] См.: *Геннеп А. ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов : пер. с фр. М. : Восточная литература РАН, 1999 ; *Gennep A. Van*. The Rites of Passage. Chicago : University of Chicago, 1960.

[7] См.: *Тернер В.* Символ и Ритуал. М. : Наука, 1983 ; *Turner V.* Liminal to Liminoid in Play, Flow, and Ritual: An Essay in Comparative Symbology. Rice University Studies, 1974.

[8] См.: *Мунина О. В.* Лиминальная идентичность поколения COVID // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 23–28. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-1-23-28

[9] Цит. по: Singularity Hypotheses. A Scientific and Philosophical Assessment / ed. by A. H. Eden, J. H. Moor, J. H. Seraker, E. Steinhart. Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag, 2012. P. 4.

[10] См.: *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее : сингулярность XXI века как элемент Мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.

[11] См.: *Поздеева Е. Г.* Контуры социального будущего в сингулярной реальности : социологический взгляд на проблему // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 2. С. 12–14. https://doi.org/110.18721/JHSS.8201

[12] См.: *Ожиганова Е. М.* Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–95.

[13] *Шютц А.* Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение»», 2003. С. 96.

Поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 09.12.2021
The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 09.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 51–59
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 51–59
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59

Научная статья
УДК 316.473

Динамика социального самочувствия саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения

С. Г. Ивченков, Е. В. Сайганова, Н. В. Шахматова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета, ivchenkovsg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1939-214X

Сайганова Елена Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, SaiganovaEV@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3916-2800

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, директор Центра региональных социологических исследований, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8459-0938

Аннотация. В статье по результатам социологического мониторинга, проведенного методом анкетирования в Саратове в 2019 и 2020 гг. (объем вероятностной квотной выборки составил соответственно по 546 и 548 представителей молодого поколения), раскрываются основные параметры социального самочувствия молодежи, показана их динамика в условиях пандемии Covid-19. Выявлено, что в трудовой сфере в целом наблюдается относительная стабильность. Однако немного снизилась уверенность молодых людей в востребованности получаемой (полученной) ими специальности. Одновременно растут патерналистские ориентиры молодого поколения, стремящегося получить государственную поддержу в трудоустройстве. Лидирующей ценностью молодежи традиционно остается семейное счастье. При этом повысилась ценность здоровья. Семейные ценности молодежи достаточно стабильны и движутся в направлении от ситуативности к усилению значимости широкой трактовки социального благополучия. Почти в два раза меньше молодежь стала испытывать страх на улице, в три раза меньше – на массовых мероприятиях. Но вдвое выросло напряжение от нахождения на работе и в больницах. Страхи молодого поколения за здоровье близких, боязнь смерти в условиях пандемии являются самыми острыми и стабильными. Они также связаны с криминалом и внутренней ситуацией в стране, увеличением дистанции между молодежью и органами власти. Анализ показал, что уровень патриотизма среди молодых людей за год возрос. В его основе лежит любовь к Родине и гордость за великие достижения страны. Наряду с этим усилилось уважение к закону и гражданской культуре. Однако снизилась готовность к защите отечества с оружием в руках и вера в великое будущее страны, что свидетельствует о присутствии пессимистических настроений в молодежной среде. В целом, несмотря на серьезные изменения в общественной среде, связанные с коронавирусом, молодежь, хоть и испытывает беспокойство, становится активнее и с надеждой смотрит в будущее.

Ключевые слова: молодежь, социальное самочувствие, профессионально-трудовая жизнь, ценностные ориентации, страхи, патриотизм

Для цитирования: *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В.* Динамика социального самочувствия саратовской молодежи: трудоустройство, ценности и опасения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 51–59. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-51-59

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The dynamics of Saratov youth social well-being: Employment, values and fears

S. G. Ivchenkov, E. V. Saiganova, N. V. Shakhmatova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Sergey G. Ivchenkov, ivchenkovsg@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1939-214X

Elena V. Saiganova, SaiganovaEV@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3916-2800

Nadezhda V. Shakhmatova, nadezhdashakhmatova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8459-0938

Abstract. The article on the results of sociological monitoring conducted by questionnaire in Saratov in 2019 and 2020 (the volume of the probabilistic quota sample was 546 and 548 representatives of the younger generation, respectively), reveals the main parameters of the social well-being of young people and shows their dynamics in the context of the Covid-19 pandemic. It is revealed that the relative

© *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В., Шахматова Н. В., 2022*

stability is observed in the labor sphere as a whole. However, the confidence of young people in the demand for the obtained specialty decreased. At the same time, the paternalistic orientations of the younger generation are growing, seeking to obtain state support in employment. Family happiness traditionally remains the leading value of young people. At the same time, the value of health increased. The family values of young people are quite stable and are moving in the direction from situationality to strengthening the importance of a broad interpretation of social well-being. The young people began to experience fear on the street almost two times less and three times less at mass events. But the stress from being at work and in hospitals increased two times more. The fears of the younger generation for the health of the loved ones, the fear of death in the pandemic are the most acute and stable. They are also related to the crime and internal situation in the country increasing the distance between young people and the authorities. The analysis showed that the level of patriotism among young people increased over the year. It is based on the love for the Motherland and pride for the country's great achievements. At the same time, the respect for the law and civil culture strengthened. However, the readiness to defend the country with weapons in hand and faith in the great future of the country decreased indicating the presence of pessimistic moods among young people. In general, despite the serious changes in the social environment associated with the coronavirus, young people, although they are worried, are becoming more active and look towards the future with hope.

Keywords: youth, social well-being, professional-working life, value orientations, fears, patriotism

For citation: Ivchenkov S. G., Saiganova E. V., Shakhmatova N. V. The dynamics of Saratov youth social well-being: Employment, values and fears. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 51–59 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-51–59

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Молодежь во все времена считалась одной из самых динамичных групп населения, которая способна наиболее эффективно подстраиваться под изменяющуюся социальную среду. Именно в периоды бурных перемен ценности и стереотипы предшествующих поколений вступают в противоречие с реальностью, а носителем новых знаний и устремлений чаще всего становится молодое поколение. Молодежная интерпретация современной ситуации оказывает влияние на старшие поколения[1]. Более того, молодежное самочувствие само по себе изменяется очень быстро, отличается динамичностью и подвижностью. Поэтому важно постоянно проводить социологический мониторинг динамики социального самочувствия в молодежной среде.

В западной социологии Ф. Андревс, Р. Инглехард[2], С. Вивей[3], Е Динер[4], Б Хэди[5] и другие активно используют близкий по смыслу термин субъективного благополучия (subjective well-beinig) для характеристики настроения отдельных социальных страт и слоев общества. В отечественной социологии понятие «социальное самочувствие» в 1960-х гг. использовал Б. Парыгин[6], чья работа и сегодня имеет важное методологическое значение для анализа социального настроения населения. В 80-е гг. XX в. этот термин активно использовался И. Левыкиным[7] для конкретизации образа жизни социальных индивидов, их эмоций, чувств, настроений.

В 1990-е гг. понятие «социальное самочувствие» стало активно использоваться и разрабатываться с позиций комплексности, когнитивно-мотивационных, рефлексивных механизмов структуры жизнедеятельности социальных субъектов (Е. И. Головаха, Н. В. Панина[8], Е. В. Давыдова[9], Б. В. Дубин[10], О. Н. Дубченко, А. В. Мытиль[11], Л. Я. Рубина[12], Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко[13]). Сегодня исследователи чаще акцентируют внимание на социальном самочувствии россиян в контексте благополучия (В. Шилова[14]), трудовой, профессиональной деятельности (Е. Недосека, Н. Карбаинов[15], А. Кученкова[16]), реализации жизненных целей (П. Козырева, А. Смирнов[17]), рисков и угроз (А. Андреев[18]), пандемии (Н. Коленникова[19]). В этих работах данный термин чаще всего трактуется как объективно-субъективная характеристика, которая отражает уровень удовлетворения социальных потребностей, а также собственного положения в сравнении с другими индивидами и социальными группами (А. Стризое[20], Ю. Вишневский[21]). Однако выявлен дефицит анализа социального самочувствия молодежи

Применительно к молодежи социальное самочувствие – это оценочное отношение молодого поколения к окружающей социальной реальности и своему месту в ней. В основе его находятся оценка молодежью качества своей жизни в целом, материального благополучия своей семьи, стабильности или нестабильности социума, а также ценностные суждения и социальные настроения, основанные на рефлексии жизненного опыта и социально-аксиологическом знании (О. Суняйкина[22]). Временной анализ данных в сравнении с предыдущим годом помогает понять изменения в профессионально-трудовой жизни молодежи, ее ценностных ориентациях, настроениях, понять источники ее страхов, уточнить степень ее патриотизма.

В связи с этим был проведен сравнительный анализ показателей статистических данных по Саратовской области. Для этого были использованы данные за 2019 и 2020 гг., полученные в процессе ежегодного мониторинга молодежи методом анкетирования. Объем вероятностной квотной выборки составил соответственно 546 и 548 представителей молодого поколения, проживающих на территории Саратовской области. Со-

отношение полов в исследованиях соответствует гендерной структуре населения области: 47% юношей и 53% девушек Возраст опрашиваемых составляет от 14 до 30 лет.

Важным индикатором самочувствия молодежи является ее ориентиры в профессионально-трудовой сфере (табл. 1). Сравнение результатов двух опросов показало, что доля затрудняющихся с ответом на вопрос, касающийся востребованных специальностей, сократилась в 3 раза – с 23,2% (2019 г.) до 7,57% (2020 г.). Это свидетельство усиления ощущения определенности в молодежной среде. Что касается самих профессий, лидирующую позицию в рейтинге молодежи продолжает занимать медицина. За год показатель желающих получить специализацию в данной сфере увеличился с 10,6 до 14,7%. Возможно, это отчасти связано с пандемией. В этом случае можно говорить о растущей популярности социально значимых профессий. Возросла популярность экономических специальностей (с 3,6 до 12,7%), в то время как инженерные специальности сдали позиции (7,5 и 2,9% соответственно), это в какой-то мере может быть связано с застоем в экономике региона. Некоторые профессии, такие как переводчик, агроном, фрилансер и спортсмен, в 2020 г. не получили внимания со стороны респондентов. Однако в списке появились и новые специальности: психолог, менеджер, предприниматель, механик и водитель, что отражает практицизм молодежи и адекватный ответ на запросы местного рынка труда.

В вопросе о наиболее востребованных сферах деятельности можно наблюдать интересную тенденцию – все специальности за год повысили свой показатель, особенно торговля и здравоохранение (табл. 2). Это может свидетельствовать о том, что молодые люди стали шире смотреть на профессиональную сферу и видеть потенциал в большем числе профессий. Однако лидирующую позицию прочно занимают новейшие технологии (14,1% в 2019 г. и 35,7% в 2020 г.). Это отражает тягу молодежи к инновациям, ее стремление быть на острие перемен.

Таблица 1

Востребованные специальности по мнению молодежи, % к опрошенным

Профессия	2019 г.	2020 г.
Медицинский работник	10,6	14,71
Экономист	3,6	12,74
IT-специалист	9,3	10,13
Юрист	6,8	9,47
Педагог	9,8	8,16
Психолог	–	6,53
Менеджер	–	6,53
Предприниматель	–	3,26
Инженер (техническая специальность)	7,5	2,94
Военнослужащий	2,3	2,61
Администратор (управление)	2,1	2,28
Журналист	0,6	2,28
Повар	4,0	1,96
Социолог	0,4	1,96
Механик	–	1,63
Водитель	–	1,31
Актер	0,4	0,98
Дизайнер	3,4	0,33
Переводчик	1,8	–
Спортсмен	1,8	–
Агроном	0,6	–
Фрилансер	0,4	–
Другое	3,5	4,91
Затрудняюсь ответить	23,2	7,57
Итого	100,0	100,0

Таблица 2

Желаемые сферы деятельности для молодежи, % к опрошенным*

Сферы деятельности	2019 г.	2020 г.
Новейшие технологии	14,1	35,7
Финансовая сфера	12,2	–
Торговля	11,1	27,8
Промышленность	10,2	16,8
Образование	9,4	27,4
Здравоохранение	9,2	26
Государственное и муниципальное управление	8,7	20,7
Культура и искусство	7,7	18,3
Строительство	6,8	16,6
Сельское хозяйство	6,6	9,3
Обеспечение безопасности населения	5,5	16,4
Связь	4,9	18,1
Транспорт	4,7	12
Наука и научное обслуживание	4,5	17
Кредитование, финансы, страхование	4,5	18,7
Физкультура и спорт	3,8	19,7
Общественное питание	3,4	8,5
Транспорт	1,5	–
Атомная энергетика	0,2	–
Нет ответа	13,9	1,2
Затрудняюсь ответить	4,9	8,3
Итого	147,6	318,5

Примечание. * Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

За год возросла уверенность в правильном выборе своей специальности – показатель вырос с 32,5 до 47,4% (табл. 3). Это может говорить о более осознанном выборе специальности среди молодых людей, об их оптимистичном взгляде на завтрашний день, стабильности своего профессионально-трудового положения. Однако более осторожные варианты ответов поменялись местами. Если в 2019 г. вариант «скорее уверен» был популярнее, чем «скорее не уверен», то в 2020 г. ситуация сложилась наоборот, что указывает на противоположную тенденцию снижения уверенности в завтрашнем дне, в стабильности своей профессиональной ситуации. По общим показателям большая часть молодежи все же уверена в своей специальности (показатели вариантов «абсолютно уверен» и «скорее уверен» – 69,0% в 2019 г. и 58,2% в 2020 г. Снижение данного показателя объясняется пандемией COVID-19 и связанной с ней нестабильной ситуацией на саратовском рынке труда.

Таблица 3

Степень уверенности молодежи в удачности выбранной специальности, % к опрошенным

Степень уверенности в избранной специальности	2019 г.	2020 г.
Абсолютно уверен	32,5	47,4
Скорее уверен, чем не уверен	37,5	10,8
Скорее не уверен, чем уверен	10,4	31,4
Абсолютно не уверен	2,9	3,9
Затрудняюсь ответить	16,7	6,5
Итого	100,0	100,0

Молодежь сформировала свою точку зрения по вопросу участия государства в трудоустройстве в 2020 г. (табл. 4). Особенной стабильностью отличается мнение о том, что необходима поддержка государства в поисках молодыми людьми работы по желанию (около 42,0%). Гораздо популярнее стало мнение о том, что государство должно гарантировать первое рабочее место – показатель вырос за год на 14,5%. Это не только демонстрирует патерналистские ориентиры молодежи, но косвенным образом показывает возрастающую важность профессионально-трудовой сферы для ее социального самочувствия.

Таблица 4

Мнение молодежи о возможной поддержке государства в трудоустройстве молодых специалистов, % к опрошенным

Помощь государства	2019 г.	2020 г.
Поддержка в поисках работы по желанию	42,2	42,5
Гарантия первого рабочего места	34,8	49,3
Государство не должно вмешиваться	3,8	2,3
Затрудняюсь ответить	19,0	5,6
Другое	0,2	0,3
Итого	100,0	100,0

Важную роль в социальном самочувствии молодежи играют разделяемые ею ценности (табл. 5). Мнение большинства респондентов об иерархии наиболее важных жизненных ценностей осталось неизменным – это семейное счастье и здоровье (68,7 и 57,1% соответственно в 2019 г. и 76.5 и 68,4% в 2020 г.). Однако на третьем месте вместо материального обеспечения в 2019 г. в 2020-м оказалась интересная работа. Данный показатель вырос более чем в два раза. Это означает, что молодые люди при выборе работы начинают рассматривать ее не только как источник дохода, но и как самоценность, чем можно заниматься с удовольствием. На 23,5% больше стало респондентов, для которых важно найти настоящую любовь. В два с лишним раза увеличились показатели возможности реализовать свои способности и приносить пользу. Возросшие показатели показывают распространенность традиционных ценностей – верные друзья, спокойная жизнь, личная свобода; Это свидетельствует о стремлении молодежи реализовать свой субъектный потенциал, активно участвовать в социальной жизни общества, быть ему полезными.

Выделение молодежью семьи в качестве самой важной ценности вызвало необходимость

Таблица 5

Жизненные ценности респондентов, % к опрошенным*

Ценности	2019 г.	2020 г.
Семейное счастье	68,7	76,5
Здоровье	57,1	68,4
Верные друзья	34,1	49,7
Материальная обеспеченность	33,3	49,5
Карьера	26,7	39,4
Интересная работа	24,9	52,7
Личная свобода	24,3	44,0
Спокойная жизнь	23,0	40,6
Возможность реализовать таланты	16,0	35,1
Возможность приносить пользу	15,6	34,7
Настоящая любовь	13,4	36,9
Слава, всеобщее признание	6,2	8,9
Власть	3,6	6,7
Другое	0,2	0,8
Итого	333,4	399,0

Примечание. * Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

уточнения семейных ценностей (табл. 6). В этом вопросе рейтинговая структура ответов практически не претерпела изменений. Единственная ценность, у которой кардинально изменился показатель, поднявшись в рейтинге с 8-го место на 6-е, – материальное благополучие. Данный показатель вырос за год с 21,1 до 42,0%. В остальном семья в глазах молодых людей продолжает строиться в основном на духовных ценностях: любви, доверии, взаимопонимании, уважении, честности.

Таблица 6

Семейные ценности, важные для респондентов, % к опрошенным*

Ценности	2019 г.	2020 г.
Любовь	64,8	76,5
Доверие	52,0	70,2
Взаимопонимание	45,0	70,2
Уважение	36,5	55,8
Честность	25,2	44,2
Взаимоподдержка	23,0	35,7
Общие интересы	21,7	31,8
Материальное благополучие	21,1	42,0
Сексуальная гармония	16,2	20,5
Терпение	10,7	18,1
Наличие детей	10,4	–
Все названные	0,2	–
Итого	326,8	423,0

Примечание. * Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

Вопрос об оптимальном возрасте для брака не изменил своей рейтинговой структуры (табл. 7). Все также идеальным возрастом для юношей считается 25–30 лет, а для девушек – 20–24 года, что свидетельствует об относительной стабильности семейных предпочтений провинциальной молодежи.

Таблица 7

Оптимальный возраст юношей и девушек для брака, % к опрошенным

Возраст (юноши)	2019 г.	2020 г.		Возраст (девушки)	2019 г.	2020 г.
25–30 лет	73,3	51,5		20–24 года	48,2	55,8
20–24 года	19,5	24,9		25–30 лет	45,4	34,3
После 30 лет	4,7	5,3		До 20 лет	3,8	6,25
До 20 лет	0,9	4.26		После 30 лет	1,3	0,66
Нет ответа	1,5	1,9		Нет ответа	1,3	2,97
Итого	100,0	100,0		Итого	100,0	100,0

Во мнении молодежи о мотивах заключения брака наиболее важные позиции остались неизменными – любовь, желание создать семью, взаимопонимание, доверие (табл. 8). Однако по сравнению с 2019 г. в 2020-м более значимыми стали показатели: уважение (45,0%) и единые ценности (40,2%), заняв в рейтинге место выше общих интересов (37,7%); гармоничные отношения (37,3%) стали значимее беременности (13,8%). Практически никто из молодых людей не считает материальную выгоду действительно важной причиной для создания семьи, этот показатель остался внизу рейтинга. Таким образом семейные ценности молодежи достаточно стабильны и движутся в направлении от ситуативности к усилению значимости широкой трактовки благополучия.

Таблица 8

Мотивы заключения брака, важные для респондентов, % к опрошенным*

Мотивы	2019 г.	2020 г.
Любовь	51,8	80,1
Желание создать семью	27,5	58,4
Взаимопонимание	20,3	56,4
Доверие	17,1	50,7
Общие интересы	16,8	37,7
Единые ценности и взгляды на жизнь	13,8	40,2
Уважение	11,7	45,0
Беременность и дети	9,8	13,8
Гармоничные отношения	8,1	37,3
Гармоничные сексуальные отношения	6,0	17,0
Материальная выгода	5,7	6,9
Итого	183,3	443,5

Примечание. * Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

Сравнение данных о самочувствии молодежи за год показало, что среди молодых людей увеличилось ощущение беспокойства – показатель по данному варианту вырос на 10% и стал лидирующим настроением (табл. 9). С наибольшей долей вероятности это связано с распространением коронавируса – он вызвал серьезное беспокойство как за здоровье, так и за материальное благополучие. На 2-м месте в рейтинге остался оптимизм, на 3-е в 2020 г. сместилось спокойствие. Иными словами, молодежь беспокоится по поводу сложившейся в обществе ситуации, но сохраняет оптимизм и надеется, что все будет хорошо.

Таблица 9

Настроение молодежи, % к опрошенным

Настроение	2019 г.	2020 г.
Спокойствие	36,5	23,2
Оптимизм	26,4	29,7
Беспокойство	21,3	31
Уверенность в будущем	10,2	10,8
Страх	4,3	3,3
Несчастье	0,9	0,3
Затрудняюсь ответить	0,4	1,5
Итого	100,0	100,0

В вопросе об отношении к одиночеству тоже не видно значительных изменений (табл. 10). Лишь небольшое смещение места в рейтинге мнения респондентов, которые считают, что одиночество приводит к гармонии – показатель увеличился на 1,8% и стал более выбираемым, чем мнение о разрушительной силе одиночества (у данного варианта показатель снизился с 17,9 до 15,4%). Можно предположить, что вынужденная в условиях пандемии самоизоляция способствовала пересмотру отношения к одиночеству у значительной части молодежи, которая перестала его бояться и научилась использовать в качестве дополнительной возможности к самопознанию, саморазвитию.

Таблица 10

Отношение респондентов к одиночеству, % к опрошенным

Влияние одиночества	2019 г.	2020 г.
Доставляет дискомфорт, тормозит личностный рост	29,6	32,0
Не оказывает влияния	28,1	21,6
Разрушает меня	17,9	15,4
Приводит к гармонии	16,2	18,0
Способствует моему развитию	6,2	10,8
Нет ответа	1,9	1,8
Итого	100,0	100,0

О том, что испытывали страх за последнее время, говорят все больше молодых людей – за год показатель вырос с 63,8 до 70,3% (табл. 11). Это абсолютно нормально, так как страх является естественной человеческой реакцией. К тому же 2020 г. отличался довольно нестабильной обстановкой во всех сферах жизни, особенно в связи с появлением пандемии. В целом рейтинг показателей о том, как респондент воспринимают чувство страха, почти не изменился. Большая часть респондентов (43,7% в 2019 г. и 48,7% в 2020 г.) считают, что страх – это эмоциональное состояние, отражающее защитную реакцию человека при переживании им реальной или мнимой опасности.

Таблица 11

Определение страха, близкое молодежи, % к опрошенным

Определение страха	2019 г.	2020 г.
Эмоциональное состояние, защитная реакция	43,7	48,7
Эмоция большой силы	30,5	32
Следствие недоделанной работы над собой	9,4	7,5
Ненужное чувство	8,5	7,5
Следствие заниженной самооценки	6,4	3,6
Нет ответа	1,6	0,6
Итого	100,0	100,0

В целом, нельзя говорить о каких-то серьезных изменениях в видах страхов у опрошенных (табл. 12). Стоит отметить, что страх за здоровье близких, боязнь смерти в условиях пандемии являются самыми острыми и стабильными для молодежи.

Таблица 12

Виды страхов молодежи, % к опрошенным

Виды страхов	2019 г.	2020 г.
Страх за здоровье	46,8	47,4
Боязнь смерти	32,4	35,0
Страх похищения близких	7,1	4,6
Страх за финансовое благополучие	6,2	5,2
Развод родителей	3,2	1,0
Страх прекратить общение	2,8	3,6
Нет ответа	1,4	1,8
Итого	100,0	100,0

Исходя из данных, представленных в табл. 13, о причинах страхов респондентов, ясно, что молодежь по-прежнему более всего опасается предательства близких и друзей. Однако если в 2019 г. на втором месте было отсутствие уверенности в будущем, то в 2020-м гораздо сильнее молодые люди обеспокоились проблемами материального состояния. Возможно, это связано со снижением жизненного уровня семей в условиях пандемии, инфляции и постоянного роста цен. Также молодое поколение сильнее стали волновать преступность, невозможность получить образование, болезнь. А вот различные зависимости и трудоустройство стали гораздо меньше беспокоить молодежь.

Таблица 13

Причины страха у молодежи, % к опрошенным*

Причины страхов	2019 г.	2020 г.
Предательство близких и друзей	46,3	47,5
Отсутствие уверенности в будущем	34,0	40,6
Остаться без средств к существованию	27,0	43,6
Проблемы с трудоустройством	18,2	17,0
Зависимость (от табака/ алкоголя/наркотиков)	14,6	4,5
Трудности карьерного роста	14,1	11,2
Высокий уровень преступности	11,3	13,4
Не встретить любимого человека	5,6	12,2
Невозможность получить образование	4,7	12,2
Болезнь (своя или близких)	0,4	2,2
Предстоящие роды	0,2	–
Внешняя угроза	0,2	–
Нет ответа	0,8	2,0
Итого	177,4	206,4

Примечание. * Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

Примерно каждый пятый представитель молодежи, как в 2019 г., так и в 2020-м, не испытывают страхов (табл. 14). Однако стало в два раза больше тех, кто затруднился охарактеризовать ситуацию, вызывающую страх. Стоит отметить, что меньше молодежь стала испытывать страх на улице (7,5% против 13,6% в 2019 г.), на массовых мероприятиях (3,9% против 12,4%). Но в два раза выросло напряжение респондентов от нахождения на работе и в больницах.

Вопрос о том, от кого респонденты ожидают наибольшей опасности, показал, что страх перед бандитами остается лидирующим видом опасности для молодежи (табл. 15). На 2-м месте в рейтинге – страх перед террористами, который поднялся с третьего места на второе. Страх перед неконтролируемыми чрезвычайными ситуациями, наоборот, опустился со второго места на третье. Страх перед органами власти усилился и поднялся с пятого места на четвертое, опередив враждебные внешние силы, которые заняли пятое место. Ожидание опасности от знакомых и от родственников превысило ожидание проблем от преподавателей. Таким образом, страхи молодежи стабильны и в основном связаны с криминалом и внутренней ситуацией в стране. Одновременно, что не может не тревожить, данные показывают увеличение дистанции между молодежью и органами власти.

Таблица 14

Обстановка, вызывающая страх молодежи, % к опрошенным

Обстановка, вызывающая страх	2019 г.	2020 г.
Не испытываю страх	22,2	21,9
Улица	13,6	7,5
Больница	3,6	7,5
Работа	2,3	6,2
Государственные учреждения	4,3	4,2
Транспорт	4,1	4,6
Массовые мероприятия	12,4	3,9
Самолет	4,3	3,6
Учеба	1,1	2,9
Другие города России	2,1	2,9
Другие страны	3,6	2,3
Незнакомая природа	3,8	2,0
Дома	2,6	1,6
Незнакомое место	0,2	1,5
Магазин, рынок	2,1	1,0
Все перечисленные места	0,2	0,6
Нет ответа	1,0	–
Затрудняюсь ответить	13,6	25,8
Итого	100,0	100,0

Таблица 15

Опасности, вызывающие наибольшее беспокойство респондентов, % к опрошенным*

Опасность, вызывающая беспокойство	2019 г.	2020 г.
Бандиты	46,7	54,8
Чрезвычайная ситуация	38,6	28,2
Террористы	33,7	34,3
Враждебные внешние силы	13,9	16,0
Органы власти	11,5	21,7
Правоохранительные органы	11,3	13,8
Судебные органы	7,0	9,1
Армия	7,0	7,7
Потусторонние силы	7,0	9,3
Врачи	5,5	9,1
Начальство	3,0	6.3
Преподаватели	2,8	1,8
Знакомые	2,8	3,6
Родственники	2,6	3,0
Никого/ничего не опасаюсь	6,8	9,1
Затрудняюсь ответить	9,6	11,6
Нет ответа	0,6	1,4
Итого	210,4	240,8

Примечание. * Сумма не сводится к 100%, так как респонденты указывали несколько вариантов ответов.

Важным индикатором социального самочувствия молодежи выступает степень распространенности в ее среде патриотических настроений (табл. 16). В вопросе определения патриотизма, так же как в 2019-м, в 2020 г. лидирующими стали варианты «любовь к Родине» и «гордость за великие достижения страны» (несмотря на то, что последнее немного снизило свои позиции). Однако в 2020 г. значительно больше стало респондентов, говорящих о том, что в понятие «патриотизм» входит исполнение обязанностей гражданина и знание культуры страны – данные показатели стали третьим и четвертым, в отличие от 2019 г. (тогда на 3-м месте была защита страны с оружием, а исполнение обязанностей гражданина расположилось на 4-м). Можно говорить о том, что молодые люди стали более уважительно относиться к закону, своей гражданской культуре. Несколько усилились настроения активной борьбы с угрозами, которые разрушают страну изнутри, а также знание культуры страны и гордость за нее. Иными словами, молодежь больше стала ощущать свою гражданскую субъектность. Однако готовность к защите страны с оружием в руках снизилась почти в два раза. Уменьшилась также вера в великое будущее страны, что свидетельствует о наличии пессимистических настроений в молодежной среде.

Таблица 16

Что, по мнению респондентов, включает в себя понятие «патриот России», % к опрошенным

Составляющие понятия «патриот России»	2019 г.	2020 г.
Любовь к Родине	25,5	24,5
Гордость за великие достижения страны	20,2	19,7
В случае необходимости защита страны с оружием в руках	18,1	9,7
Исполнение обязанностей гражданина, соблюдение законов государства	12,3	16,1
Вера в великое будущее страны	11,7	9,6
Активная борьба с угрозами, которые разрушают страну изнутри	4,8	6,8
Знание культуры страны и гордость за нее	5,2	8,6
Ностальгия вдали от Родины	2,2	2,2
Затрудняюсь ответить	–	2,8
Итого	100,0	100,0

Данные опросов показывают, что количество респондентов, относящих или скорее относящих себя к патриотам, в год составило абсолютное большинство – 80,8 % против 73,8% в 2019 г. Патриотические настроения среди молодежи распространяются все сильнее (табл. 17).

Таблица 17

Считают ли себя респонденты патриотами России, % к опрошенным

Считают себя патриотами России	2019 г.	2020 г.
Да	30,7	41,0
Скорее да, чем нет	43,1	39,8
Скорее нет, чем да	14,1	7,5
Нет	5,1	5,1
Затрудняюсь ответить	6,9	6,5
Итого	100, 0	100,0

Проведя сравнительный анализ мониторингов состояния молодежи в 2019 и 2020 гг., можем сделать некоторые выводы об изменениях в настроениях в молодежной среде Саратовской области. В трудовой сфере в целом наблюдается относительная стабильность. Наибольшей популярностью у молодых людей пользуется сфера новейших технологий. В условиях пандемии растет популярность медицинских и экономических специальностей. Однако немного снизилась уверенность молодежи в востребованности получаемой (полученной) ими специальности. Данный спад можно также объяснить серьезными изменениями на рынке труда, произошедшими из-за пандемии Covid-19. При этом растут патерналистские ориентиры молодого поколения, стремящегося получить государственную поддержу в трудоустройстве.

Вопрос о наиболее важных ценностях показал их стабилизацию. Все больше распространяются традиционные ценностные ориентиры. При этом повысилась ценность здоровья. Лидирующей ценностью молодых людей остается семейное счастье. Наиболее важными характеристиками, которые учитываются респондентами при решении о создании семьи, являются любовь, доверие и взаимопонимание. Семейные ценности молодежи достаточно стабильны и движутся в направлении от ситуативности к усилению значимости широкой трактовки социального благополучия.

Что касается общих настроений молодых людей, то за 2020 г. повысилось количество людей, испытывающих беспокойство, что объяснимо, так как в 2020 г. обстановка была более нестабильной. Почти в два раза меньше молодежь стала испытывать страх на улице, в три раза – на массовых мероприятиях. Но вдвое выросло напряжение от нахождения на работе и в больницах. Страхи молодого поколения за здоровье близких, боязнь смерти в условиях пандемии являются самыми острыми и стабильными. Они также связаны с криминалом и внутренней ситуацией в стране, увеличением дистанции между молодежью и органами власти.

Анализ показателей по патриотическим настроениям дает возможность увидеть, что уровень патриотизма среди молодых людей за год возрос. В его основе лежат любовь к Родине и гордость за великие достижения страны. Наряду с этим усилилось уважение к закону и гражданской культуре. Однако снизились готовность к защите страны с оружием в руках и вера в великое будущее страны, что свидетельствует о наличии пессимистических настроений в молодежной среде. В целом, несмотря на серьезные изменения в обществе, связанные с коронавирусом, молодежь, хоть и испытывает беспокойство, становится активнее и с надеждой смотрит в завтрашний день.

Примечание

[1] См.: *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.* Патриотизм как компонент общественного сознания : поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019.Т. 10, № 1. С. 104–119. https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558

[2] См.: *Andrews F. M., Inglehart R. F.* The structure of subjective well-being in nine western societies // Social Indications Research. 1979. Vol. 6, № 1. P. 73–90.

[3] См.: *Andrews F. M., Withey S. B.* Social Indicators of Well-Being: America's Perception of Life Quality. New York : Plenum Press, 1976.

[4] См.: *Diener E.* Subjective Well-Being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95, № 3. P. 542–575.

[5] См.: *Headey B.* An economic model of subjective well-being: Integrating economic and psychological theories // Social Indicators Research. 1993. № 28. P. 97–116. https://doi.org/10.1007/BF01079653

[6] См.: *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М. : Мысль, 1966.

[7] См.: *Левыкин И. Т.* Проблема нового концептуального подхода к изучению образа жизни // Актуальные проблемы нового подхода к изучению социалистического образа жизни : сб. ст. Вып. 1. М. : ИСИ РАН СССР, 1988. С. 5–13.

[8] См.: *Головаха Е. И., Панина Н. В.* Интегральный индекс социального самочувствия (ИИСС) : Конструирование и применение социологического теста в массовых опросах. Киев : Ин-т социологии НАН Украины, 1997.

[9] См.: *Давыдова Е. В.* Измерение социального самочувствия молодежи. М. : Ин-т социологии РАН, 1992.

[10] См.: *Дубин Б. В.* Социальное самочувствие // Экономические и социальные перемены : мониторинг общественного мнения. 1993. № 5. С. 18–20.

[11] См.: *Дубченко О. Н., Мытиль А. В.* Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 110–119.

[12] См.: *Рубина Л. Я.* Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.

[13] См.: *Тощенко Ж. Т., Харченко С. В.* Социальное настроение. М. : Academia, 1996.

[14] См.: *Шилова В. А.* Субъективное благополучие в понимании россиян : оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе : результаты эмпирического исследования. С. 18–38. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089 (дата обращения: 09.10.2021).

[15] См.: *Недосека Е. В., Карбаинов Н. И.* Социальное самочувствие жителей постсоветского моногорода (на примере г. Сокола) // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). С. 16–29. https://doi.org/10.15838/sa.2019.5.22.2

[16] См.: *Кученкова А. В.* Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2021. Т. 21, № 1. С. 84–96. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96

[17] См.: *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Реализация жизненных целей : субъективные оценки // Россия реформирующаяся : ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2020. С. 179–201. https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.8

[18] См.: *Андреев А. Л.* Риски и угрозы в восприятии российского общества // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 111–122.

[19] См.: *Коленникова Н. Д.* Воздействие пандемии на социально-психологическое самочувствие и поведение россиян // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2021. № 2. Российское общество в условиях пандемии : год спустя (опыт социологической диагностики). С. 18–32. URL: https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9962 (дата обращения: 09.10.2021).

[20] См.: *Стризое А. Л.* Социальное самочувствие : между реформистским проектом и здравым смыслом // Социальное самочувствие населения в современной России : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 4–5 октября 2010 г.) / отв. ред Г. Д. Гриценко. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 69–85.

[21] См.: Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году : итоги социологического исследования / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016.

[22] См.: *Суняйкина О. Н.* Понятие «социальное самочувствие» в социологии // Вестник Мордовского университета. Серия : Социологические науки. 2011. № 3. С. 98–101.

Поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 03.12.2021
The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 03.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 60–65
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 60–65
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65

Научная статья
УДК 37.035.6

Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи

В. В. Маленков

Тюменский государственный университет, Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Маленков Вячеслав Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, vvmalenkov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2710-8022

Аннотация. В статье делается попытка определения структуры представлений о патриотизме и их влияния на гражданско-патриотические ориентации современной молодежи. Эмпирическую основу исследования составили данные анкетного опроса молодежи Тюмени в возрасте от 16 до 30 лет (N = 1364). При обработке данных использовались метод ранжирования, анализ таблиц сопряженности и кластерный анализ. В результате удалось выделить шесть однородных групп респондентов в зависимости от доминирующего в их сознании образа патриотизма. Четыре из них воплощают содержательный тип рассматриваемого феномена: традиционалистский патриотизм (25%); традиционно-государственный патриотизм (14%); государственно-гражданский патриотизм (14%); деятельный гражданский патриотизм (18%). Еще две группы демонстрируют крайние точки понимания этого явления: с одной стороны, его расширительное толкование (19%), с другой, полное отрицание как не соответствующего современным реалиям (10%). Констатируется наличие неоднородности в представлениях молодежи о патриотизме, значительных различиях его трактовки в отдельных группах. Это касается как содержательного наполнения образа, так и степени насыщенности ассоциативного ряда. В заключение делается вывод о необходимости учета данных различий при формировании политики в соответствующих направлениях.

Ключевые слова: патриотизм, гражданственность, гражданский патриотизм, молодёжь, гражданско-патриотические ориентации

Для цитирования: *Маленков В. В.* Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 60–65. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of patriotism and civil-patriotic orientations of youth

V. V. Malenkov

Tyumen State University, 6 Volodarskogo St., Tyumen 625003, Russia

Vyacheslav V. Malenkov, vvmalenkov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2710-8022

Abstract. The article makes an attempt to determine the structure of ideas about patriotism and their influence on the civil-patriotic orientations of modern youth. The empirical basis of the study was the data of the questionnaire survey of Tyumen youth of age from 16 to 30 years (N = 1364). When processing the data the ranking method, contingency table analysis and cluster analysis were used. As a result, six homogeneous groups of respondents were identified. They show different ideas about patriotism. Four of them are meaningful: traditionalist patriotism (25%); traditionally state patriotism (14%); state and civil patriotism (14%); active civic patriotism (18%). The rest demonstrate extreme positions: a broad definition of patriotism (19%) and a complete denial of the positive role of patriotism in modern society (10%). The conclusion is made about the heterogeneity of ideas about patriotism among young people and significant differences in various groups. This applies to both the content of the image and the degree of saturation of the associations. It is concluded that it is necessary to take into account these differences in the formation of an appropriate policy.

Keywords: patriotism, civics, civic patriotism, youth, civic-patriotic orientations

For citation: Malenkov V. V. The image of patriotism and civil-patriotic orientations of youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 60–65 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В последние двадцать лет уровень идентификации российских граждан как патриотов постоянно рос, достигая в 2014–2020 гг. своего пика. Об этом свидетельствуют данные опросов крупных исследовательских центров в масштабе всей страны и отдельных исследований локаль-

© *Маленков В. В., 2022*

ного уровня. Вместе с тем не только сам факт идентификации в качестве патриота, но и представления о патриотизме[1], его идейное наполнение[2], доминирование тех или иных патриотических установок в конечном счете определяют его социальные функции в различных обществах, направленность образовательной и воспитательной политики.

Организационная основа патриотического воспитания была заложена в 2000 г. в рамках национальной доктрины образования. С принятием в 2014 г. нормативно-правового акта, закрепляющего основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., активизировалась работа по патриотическому воспитанию. Последние изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» расширяют определение воспитания как деятельности, направленной на формирование у обучающихся чувства не только патриотизма, но и гражданственности. Представляется, что это является свидетельством осознания ограниченности ранее доминирующей парадигмы, необходимости смещения акцента с военно-патриотического на гражданско-патриотическое воспитание. Предложенные Президентом РФ поправки предполагают масштабную интеграцию задачи воспитания патриотизма и гражданственности в содержание основных образовательных программ.

В академическом дискурсе рассмотрение понятия «патриотизм» совместно с понятием «гражданственность» вполне традиционно. Однако их соотношение является предметом споров. Существует, по меньшей мере, три точки зрения. Согласно первой, в России данные понятия равнозначны, а иногда взаимозаменяемы. Достаточно часто патриотизм трактуется как часть гражданственности – ее важная составляющая[3], основной компонент[4].

Ряд авторов, напротив, рассматривают гражданственность как составляющую патриотизма. Так, А. В. Лубский полагает, что «державно-этатистскому патриотизму в России не хватает гражданственности, связывающей патриотизм со стремлением людей быть полезными обществу, их активным участием в делах государства, солидарной защитой социальных интересов, гражданских прав и свобод»[5]. Преодоление данного дефицита ученый связывает с целенаправленным формированием гражданско-патриотических установок, представлений о гражданском патриотизме как о социальной ценности.

Представляется, что в контексте актуальной политики по выстраиванию системы патриотического воспитания наиболее конструктивным является синтез патриотизма и гражданственности в форме гражданского патриотизма. Однако понятие «гражданский патриотизм» в России также имеет неоднозначный смысл, его часто противопоставляют патриотизму как традиционной ценности российской политической культуры. Именно традиционный тип патриотизма был актуализирован в общественном дискурсе и в сознании молодежи в последнее десятилетие[6]. Он акцентирован на истории в ее имперско-державном варианте, тогда как «гражданский патриотизм имеет опорой не только гордость за героическое прошлое, но и деятельно ориентирован на благоприятное общенациональное будущее»[7].

Традиционный российский патриотизм всегда был ориентирован на военно-героическую составляющую, именно этот подход реализован в программах патриотического воспитания[8], тогда как гражданский патриотизм сосредоточен на созидательной активности, прежде всего, в сферах культуры, искусства, спорта, политики и экономики. А. А. Вилков и К. Ю. Колесников различают патриотизм военный и гражданский на основании различий их базовых носителей. «В основе патриотизма военнослужащего должна лежать готовность пожертвовать жизнью за Отечество. В основе гражданского патриотизма – готовность отдать на благо Отечества силы и знания»[9].

Одним из ключевых моментов является противопоставление гражданского и традиционного патриотизма в контексте соотношения Родины (Отечества) и государства в сознании респондентов. М. Ю. Мартынов и А. И. Габеркорн предлагают в этой связи разделять любовь к Родине как неполитический элемент патриотизма и политический патриотизм, который возникает в процессе отношений между гражданами и государством как основным политическим институтом. Гражданский патриотизм данные авторы определяют как «общественное отношение в виде особой ценностной установки политического сознания и поведения на выполнение обязательств (гражданского долга) гражданина перед государством, действительно представляющим, по мнению гражданина, его интересы»[10].

Н. П. Нарбут и И. В. Троцук выявили в ходе мониторингового исследования различия в отношении московских студентов к стране и государству. «В сознании молодежи разведены страна/родина и государство… В ответах на вопросы анкеты постоянно возникают противоречия в том смысле, что теплые чувства респонденты испытывают к родине, а государство (представленное через набор сфер, за состояние которых оно отвечает) оказывается объектом критики»[11]. Это выступает ключевой характеристикой традиционалистского типа патриотического сознания. С одной стороны, наблюдается критическое отношение к результатам деятельности государства, с другой – тотальный патернализм.

В российском типе патриотизма преобладает государственная идентичность, тогда как гражданский патриотизм предполагает преиму-

щественную идентификацию с нацией (как согражданство). Л. М. Дробижева характеризует превалирующий тип российской идентичности как государственно-гражданский, поскольку идентификация с государством является первичной, а с обществом – вторичной[12].

Важным в различении гражданского патриотизма и традиционного является их деятельностно-субъектная составляющая. Пассивный патриотизм основан на аффективной привязанности к своей стране[13] и не предполагает активных действий. Активные патриоты добровольно участвуют в жизни страны, их любовь к ней и стремление к процветанию демонстрируются делами[14]. В. А. Касамара и А. А. Сорокина в этой связи констатируют: понятие «патриотизм» в студенческой среде преимущественно ассоциируется с деятельностью политической элиты страны и не имеет непосредственного отношения к ним самим. Вместе с тем, по мнению авторов, «нельзя воспитать активного и ответственного гражданина, если у человека нет понимания того, что от него тоже многое зависит»[15].

Гражданский патриотизм противопоставляется органическому, который отождествляется с донациональными формами социальной общности и традиционными формами солидарности («локальный патриотизм», «общинный патриотизм», «этнический патриотизм» и т.д.). Однако такой тип ориентации характерен и для зрелых государственных образований, переживающих «архаический идентификационный ренессанс, в основе которого лежит чувство фрустрации, вызванное утратой определенности национально-государственного статуса»[16]. В этом случае донациональная модель патриотической идентификации актуализируется в локальных, этнических и иных традиционалистских идентичностях.

И. А. Халий выделяет общегражданский патриотизм и местный. Первый предполагает идентификацию со страной, основой второго является преимущественное отождествление с жителями местного сообщества[17]. Ряд ученых исследовали соотношение гражданского и этнического в структуре ориентаций студентов, приходя к выводу о необходимости позитивного совмещения гражданской и этнической идентичности[18]. При этом, как отмечают М. К. Горшков и И. О. Тюрина, нельзя ограничиваться паритетом между идентичностью представителя российского народа и этнической принадлежностью, необходим синтез гражданского и этнонационального сознания[19].

С целью выявления ключевых параметров представлений о патриотизме современной молодежи был проведен анкетный опрос. Полевой этап исследования длился в течение ноября–декабря 2019 г. В анкетировании приняли участие 1364 респондента в возрасте от 16 до 30 лет. Структура выборки репрезентирует данную когорту по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 4%.

Как показал анкетный опрос, представления о патриотизме среди тюменской молодежи значительно отличаются в разных группах – не только по содержательному наполнению, но и по степени насыщенности ассоциативного ряда. При ответе на вопрос: «Что такое патриотизм, с Вашей точки зрения?», молодые люди могли выбрать любое количество вариантов из двенадцати предложенных, а также высказать свое мнение. Среди перечисленных в анкете вариантов первые одиннадцать характеризовали те или иные аспекты патриотизма (его ключевые ассоциации), последний предполагал отрицание патриотизма как не соответствующего современной жизни, устаревшего понятия.

Полученные ответы были ранжированы в соответствии с долей отметивших тот или иной вариант в целом по выборке (таблица).

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что такое патриотизм, с Вашей точки зрения?»

Варианты ответа	%	Ранг
Привязанность к родной земле, языку, традициям	56	1
Гордость за принадлежность к государству	44	2
Стремление к развитию своей страны, города	42	3
Чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей	41	4
Готовность к защите Отечества от внешних угроз	35	5
Ощущение причастности, интерес к прошлому, настоящему и будущему своей родины	34	6
Чувство ответственности за происходящее в стране	30	7
Привязанность к отчему дому (своей малой родине)	28	8
Готовность жертвовать личными интересами ради интересов Отечества	24	9
Гордость за спортивные достижения России	22	10
Хорошо выполнять свою работу, дело	17	11
Это устаревшее понятие и к современной жизни не имеет никакого отношения	10	12

На верхних строчках рейтинга оказались следующие позиции: привязанность к родной земле, языку, традициям; гордость за принадлежность к государству; стремление к развитию своей страны, города; чувство долга, осознание своих гражданских обязанностей. Каждый из этих вариантов отметили более 40% опрошенных. Чуть меньше (около трети) ассоциируют данное понятие с темпоральностью (общая история и будущее), готовностью защищать Отечество, ответственностью за страну и привязанностью к малой родине. Около четверти отметили «готовность жертвовать личными интересами ради интересов Отечества» и «гордость за спортивные достижения России», примерно каждый пятый связывает патриотизм с повседневным трудовым вкладом человека в жизнь общества. Каждый десятый представитель тюменской молодежи считает, что это устаревшее понятие и к современной жизни не имеет никакого отношения. Вариантом ответа «другое» воспользовались около 1% опрошенных.

Поскольку вопрос предполагал возможность сочетания нескольких вариантов ответа, важно, как именно комбинируются они между собой и какова степень насыщенности ассоциативного ряда у отдельных групп. Для этого был использован многомерный анализ (кластеризация К-средними), позволивший выделить шесть групп респондентов, демонстрирующих различающиеся представления о феномене патриотизма, как содержательно, так и по степени насыщенности ассоциаций: широкое понимание патриотизма как полисмыслового понятия (19%); отрицание патриотизма как не соответствующего современным реалиям (10%); традиционалистская трактовка патриотизма (25%); традиционно-государственный патриотизм (14%); государственно-гражданский патриотизм (14%); деятельный гражданский патриотизм (18%).

Отдельно нужно остановиться на характеристике двух групп, на которые в сумме приходится почти треть (29%) респондентов. Первую можно обозначить как «отрицающие патриотизм» (10%), поскольку в нее входят те, кто считает, что патриотизм является устаревшим понятием, не имеющим никакого отношения к современной жизни. Вторая группа (19%) отличается большим количеством ассоциаций – в среднем 8,46 ответов на одного опрошенного (в других группах от 2,48 до 4,51), что говорит об отсутствии акцента на каком-либо из аспектов, широком толковании рассматриваемого феномена. Содержательной особенностью второго кластера является также то, что важными составляющими патриотизма здесь выступили, во-первых, готовность к защите Отечества от внешних угроз – 94% (в других кластерах варьируется от 3 до 43%), во-вторых, гордость за спортивные достижения – 71% (в других кластерах не выше 17%).

Закономерно, что данные группы также отличаются между собой по всем параметрам гражданско-патриотической ориентации, образуя некие крайние точки в континууме рассматриваемых кластеров. Так, среди «отрицающих» патриотизм патриотами, тем не менее, считают себя 54% (15% определенно и 39% лишь отчасти), тогда как среди сторонников многогранной трактовки таковых 83% (40% определенно и 43% лишь отчасти). Высокую субъективную значимость гражданства признают 53 и 88% соответственно, чувство гражданского долга – 33 и 69%, важность внесения вклада в благополучие страны – 61 и 83% респондентов соответственно. Интерес к отечественной истории признали 62 и 82%, испытывают позитивные эмоции, когда звучит гимн России, 58 и 84% опрошенных.

Четыре других кластера имеют принципиальные содержательные отличия друг от друга, демонстрирующие разные образы патриотизма. В частности, четверть опрошенных (25%) определяют его через привязанность и любовь к родной земле, языку, традициям и к своей малой родине, отчему дому. Это соответствует традиционалистскому подходу в понимании данного концепта, ядром которого являются органические аналогии, трактовка его как данности, обусловленной самим фактом рождения на определенной территории, в социальном окружении.

Логично, что обозначенная категория респондентов демонстрирует высокий показатель патриотической самоидентификации: 82% считают себя патриотами – 26% однозначно ответили на этот вопрос, 56% могут назвать себя патриотами лишь отчасти. Среди них 79% считают важным для себя быть гражданином, 76% – вносить вклад в благополучие страны, 64% признают наличие чувства гражданского долга перед ней. Большинство (70%) интересуются историческим прошлым России, 78% респондентов испытывают положительные эмоции, когда слышат государственный гимн.

Доминирование гражданско-деятельностной составляющей в образе патриотизма (активный гражданский патриотизм) наблюдается среди 18% от общей численности опрошенных. В его основе – стремление к развитию своей страны, города; ощущение причастности, интерес к прошлому, настоящему и будущему своей Родины; чувство ответственности за происходящее в стране.

Характерно, что в этой группе более половины респондентов (54%) отметили в качестве ключевой характеристики патриотизма необходимость хорошо выполнять свою работу, дело, тогда как в других кластерах данный вариант

ответа выбирался гораздо реже (от 5 до 12%). Достаточно показательно и то, что среди них немногие выбрали варианты ответов «готовность к защите Отечества от внешних угроз» и «готовность жертвовать личными интересами ради интересов Отечества» – всего 13 и 10% соответственно; меньше только в группе, где превалирует мнение, что патриотизм является устаревшим понятием и к современной жизни не имеет никакого отношения (6 и 5% соответственно).

Гражданско-патриотическая идентичность входящих в данный кластер значительно отличается от прежде описанного. Так, патриотами себя считают 66% участников опроса (21% определенно и 45% только отчасти могут себя назвать таковыми). Быть гражданином считают важным для себя 74%, вносить вклад в благополучие России 76%, признают наличие чувства гражданского долга перед страной 48%, испытывают положительные эмоции от прослушивания государственного гимна 65% респондентов. Характерно, что интерес к историческому прошлому в этой группе выше, чем в других, – 74%.

В следующем кластере (14%) при акценте на государство в образе патриотизма присутствуют элементы гражданственности как ответственности – помимо гордости за принадлежность к государству ключевыми составляющими выступают чувство гражданского долга, осознание своих гражданских обязанностей, готовность к защите Отечества от внешних угроз, готовность жертвовать личными интересами ради интересов Родины.

Этот образ в целом характеризуется относительно низкой привлекательностью для молодежи, а данный кластер, соответственно, степенью патриотического сознания, идентичности. Доля относящих себя к патриотам составляет 68% – каждый пятый респондент (20%) уверенно говорит об этом, тогда как 48% считают себя таковыми лишь отчасти. Тем не менее более половины опрошенных (57%) отметили, что им присуще чувство гражданского долга в отношении нашей страны, 68% важно вносить вклад в ее благополучие, а для 73% значимо гражданство (быть гражданином). Наличие интереса к отечественной истории признали 69% входящих в этот кластер участников опроса, 72% испытывают позитивные эмоции, когда звучит гимн России.

Спецификой традиционно-государственного образа (14%) является сочетание традиционалистской доминанты и осознание устойчивой принадлежности к государству. Кроме того, в нем наблюдается значимое присутствие некоторых признаков вертикального гражданского патриотизма (гражданская ответственность, долг и обязанности). В этом кластере прослеживаются более высокий показатель патриотической и гражданской самоидентификации. Во-первых, 79% считают себя патриотами – 28% однозначно утвердительно ответили на вопрос, 51% могут назвать себя патриотами лишь отчасти. Во-вторых, 85% считают важным для себя быть гражданином, 78% вносить вклад в благополучие страны, 74% признают наличие чувства гражданского долга. Интересуются историческим прошлым России 72%, испытывают положительные эмоции от государственного гимна 84% опрошенных.

Таким образом, представления о патриотизме в молодежной среде достаточно разнообразны и коррелируют с их гражданско-патриотическими ориентациями, идентичностью. Наиболее распространенной является традиционалистская доминанта (39%) – четверть опрошенных понимают патриотизм как данность, присущую каждому по факту рождения в той или иной стране, а еще для 14% такая трактовка патриотизма дополняется гордостью за принадлежность государству. Причем обе группы отличаются более отчетливо выраженной гражданско-патриотической идентичностью.

Значительная доля молодежи трактует патриотизм очень широко (19%), тогда как другие (10%), напротив, склонны отрицать его актуальность для современного мира. Первые демонстрируют самую высокую приверженность гражданско-патриотическим ценностям среди всех шести кластеров, вторые – самую низкую.

Гражданские смыслы выступают доминантой образа патриотизма у 32% опрошенных. Образ вертикального гражданского патриотизма, который, наряду с государством, значительно связан с гражданской ответственностью, долгом, обязанностями, превалирует у 14%. Активную гражданственность воспринимают как основу патриотизма 18% респондентов. Характерно, что именно эти две группы демонстрируют минимальную, по сравнению с большинством других групп, гражданско-патриотическую идентичность.

Интересно, что, вопреки превалированию на уровне дискурса военно-защитной трактовки патриотизма, результаты анкетирования не подтверждают его доминирования в сознании молодежи. Напротив, гражданские смыслы патриотизма, пока еще достаточно слабо артикулированные в публичном дискурсе, отчетливо выражены на уровне сознания молодых людей. Представляется, что изменение воспитательной парадигмы от военно-патриотической к гражданской, особенно в ее активно-деятельностной проекции, будет способствовать повышению привлекательности идеи патриотизма в целом, а следовательно, развитию гражданственности и гражданского патриотизма среди молодежи.

Примечания

1 См.: *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.* Патриотизм как компонент общественного сознания : поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 1. С. 104–119. https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.558 ; *Ивченков С. Г., Сайганова Е. В.* Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 106–125. https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643

2 См.: *Воронцов С. А., Понеделков А. В., Вилков А. А.* Патриотизм как базовая ценность российского государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 70.

3 См.: *Gavriliuk V. V., Malenkov V. V.* Civic-mindedness, patriotism, and the upbringing of young people // Russian Education and Society. 2008. № 2. P. 31–44.

4 См.: *Рожкова Л. В., Васильева Н. Д.* Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 125.

5 *Лубский А. В.* Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 2. С. 48. https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3

6 См.: *Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В.* Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 97–106.

7 *Магарил С. А.* Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 145.

8 См.: *Санина А. Г.* Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 44–53.

9 *Вилков А. А., Колесников К. Ю.* Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2015. № 1. С. 5. URL: https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/629 (дата обращения: 22.08.2021). https://doi.org/10.18384/2224-0209-2015-1-629

10 *Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И.* Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13, № 4. С. 35. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-31-43

11 *Нарбут Н. П., Троцук И. В.* Патриотические настроения : дилемма «родина или государство» // ПОИСК : Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 1. С. 33.

12 См.: *Дробижева Л. М.* Государственно-гражданская идентичность и межэтническое согласие : теоретические и социально-практические проблемы // Власть. 2014. № 11. С. 12–16.

13 См.: *Schatz R. T., Staub E., Lavine H.* On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20, № 1. P. 152.

14 См.: *Kahne J.* Patriotism Good for Democracy? A Study of High School Seniors' Patriotic Commitments // Phi Delta Kappan. 2006. Vol. 87, № 8. P. 603.

15 *Касамара В. А., Сорокина А. А.* «С чего начинается Родина» : патриотизм в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 107.

16 *Евгеньева Т. В., Титов В. В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122.

17 См.: *Халий И. А.* Патриотизм в России : опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 68.

18 См.: *Семененко И. С.* Политика идентичности и идентичность в политике : этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8.

19 См.: *Горшков М. К., Тюрина И. О.* Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 53. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57

Поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 66–72
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 66–72
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-66-72

Научная статья
УДК 316.4.06

Социальное самочувствие российских студентов в период ковид-пандемии

Т. Э. Петрова[1] ✉, Т. В. Черкасова[2]

[1]Департамент культуры, спорта, туризма и национальной политики Правительства Российской Федерации, Россия, 103274, г. Москва, Краснопресненская наб., д. 2

[2]Уфимский государственный нефтяной технический университет, Россия, 450062, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1

Петрова Татьяна Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, главный советник, Peta-63@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3039-179X

Черкасова Татьяна Васильевна, доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, истории и востоковедения, TVCherkasova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5766-6637

Аннотация. Социальное самочувствие российского студенчества показало, насколько стойко эта категория молодежи пережила период ковид-пандемического пика и постковидный этап. Массовые социологические опросы выявили, что новая генерация освоила систему дистанционного обучения, она должным образом оценила перспективы виртуальной учебы. Вузы России адаптировали новую систему дистанционного обучения, несмотря на то, что возросла профессионально-обучающая интернет-зависимость студентов. Работающие студенты ориентировались на «удаленную работу», включались в госпрограмму по самозанятости. Преобладающее большинство продемонстрировали гражданскую самоорганизацию и ответственную позицию в условиях ковид-пандемии, они соблюдали меры безопасности, а самые активные оказывали неоценимо важную и масштабную волонтерскую помощь нуждающимся людям. Не секрет, что отмечались отрицательные последствия от ковид-самоизоляции. Они спровоцировали семейные конфликты респондентов. Конфликты удалось преодолеть совместными усилиями, за счет тактики сотрудничества «родителей и детей». Таким образом, институт российского высшего образования и институт традиционной российской семьи смогли выдержать все ковид-пандемические последствия 2019–2020 гг. Социальное самочувствие студентов сохранилось в границах нормы.
Ключевые слова: студенчество, молодежный социум, ковид-пандемия, социальное самочувствие

Для цитирования: *Петрова Т. Э., Черкасова Т. В.* Социальное самочувствие российских студентов в период ковид-пандемии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 66–72. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-66-72

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The students' social well-being during a pandemic

T. E. Petrova[1] ✉, T. V. Cherkasova[2]

[1]Departament of culture, sport, tourisme, national policy of Russian Federation Government, 2 Krasnopresnenskaya nab., Moscow 103274, Russia

[2]Ufa State Petroleum Technological University, 1 Kosmonavtov St., Ufa 450062, Russia

Tatyana E. Petrova, Peta-63@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3039-179X

Tatyana V. Cherkasova, TVCherkasova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5766-6637

Abstract. The social well-being of the Russian students showed how steadfastly this category of youth survived the period of the covid-pandemic peak and the post-covid stage. Mass opinion polls revealed that the new generation mastered the distance learning system, and it properly assessed the prospects for virtual learning. Russian universities adapted to the new distance learning system despite the fact that the professional and educational Internet addiction of students increased. Working students pursuing "remote work", were included in the state program of self-employment. The overwhelming majority demonstrated civic self-organization and a responsible position in the context of the covid pandemic, they observed safety measures, and the most active provided volunteer assistance to the people in need. It is not a secret that there existed negative consequences from covid self-isolation. They provoked family conflicts among the respondents. The conflicts were overcome by joint efforts due to the tactics of cooperation between "parents and children". Thus, the institute of Russian higher education and the institute of the traditional Russian family were able to withstand all the covid-pandemic consequences of 2019–2020. The social well-being of students remained within the limits of the norm.
Keywords: students, youth society, covid pandemic, social well-being

© *Петрова Т. Э., Черкасова Т. В., 2022*

For citation: Petrova T. E., Cherkasova T. V. The students' social well-being during a pandemic. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 66–72 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-66-72

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Пандемия коронавируса стала одним из самых серьезных испытаний человечества в XXI в., сравнимым со Второй мировой войной. В Докладе Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека отмечается, что произошедшая весной 2020 г. пандемия новой коронавирусной инфекции, проявления которой продолжаются и в настоящее время, стала серьезнейшим «тригерром» не только для экономических и политических систем, но и для механизмов реализации и защиты прав и свобод человека, активно формировавшихся в последние десятилетия. В числе стран, столкнувшихся с указанными рисками, оказалась и Россия. В масштабах правового статуса личности в нашей стране сформировалась новая, уникальная правовая ценность – ценность несвободы. Это связано со значимостью для всего общества и отдельных граждан реализации во время пандемии изоляционного механизма, локдаунов, нахождения по месту пребывания, обязательного ношения средств индивидуальной защиты, соблюдения социальной дистанции и запрета посещения общественных мест. Общепризнанно, что пандемия COVID-19 отразилась практически на всех сторонах общественной жизни. Многие отрасли экономики пришли в упадок – туризм, индустрия общественного питания, пассажироперевозки. Непосредственным эффектом пандемии с начала карантина стали психологическая травматизация населения, переживание стресса, тревожные состояния. Первоначальная мобилизация, характерная для первых недель карантина, сменилась дистрессом и симптомами депрессии (это характерно практически для всех стран, где был введен локдаун).

Важными задачами нашего исследования были определены, во-первых, изучение «массовой рефлексии» студенчества на пандемические угрозы, во-вторых, выявление общественного мнения молодых россиян по широкому спектру проблем: обучение в дистанционном формате, домашний образ жизни, волонтерская работа, работа в условиях «удаленки»; внутриличностные, семейные коллизии и технологии их преодоления. Цель исследования – проанализировать социальное самочувствие студентов в ковид-пандемию. Авторами ставились научные гипотезы: будет ли иметь место дифференциация в молодежном социуме на «оптимистов» и «пессимистов» в период самоизоляции; как молодежь самоопределится в дистанционном формате; какую предпочтет гражданскую позицию относительно самоизоляции и безопасности; как проявит себя в семейных конфликтах, детерминированных ковидными ограничениями. Научной проблемой исследования стали изменения в социальном самочувствии, в поведении, в общественном мнении студенчества, обусловленные последствиями пандемической ковид-реальности.

В статье приводятся результаты опросов 2019–2020 г., проведенных в Республике Башкортостан. Репрезентативная выборочная совокупность составила 563 человека. Опрос проводился среди студентов по группам в аудиториях и в общежитиях. Наши респонденты – это студенты опорного нефтяного вуза и его региональных филиалов, которые обучаются на очной и заочной форме, на коммерческой и бюджетной основе, осваивают социально-гуманитарные и технические направления подготовки; юноши и девушки в возрасте от 19 и до 30 лет разных национальностей, проживающие в городской и сельской местности. Эта молодежь находится на иждивении родителей или работает и материально самообеспечивает себя. Такой выбор респондентов позволил получить социальную картину о жизни студенческой молодежи с более объективного и многофакторного ракурса.

Методологической и теоретической основой исследования стали классические подходы. Диалектико-системное рассмотрение позволило проанализировать причины межпоколенных конфликтов и стратегии разрешения. Сравнительно-историческая и социокультурная методология способствовали определению социальных и гражданских установок регионального студенчества. Структурно-функциональный подход использовался для анализа студенческих моделей вузовской и вневузовской самоорганизации. Институционализационный подход позволил определить роль вуза и семьи и волонтерства для студентов в ковид-пандемический период.

Как показали результаты исследования, преобладающее большинство молодых россиян стойко переживают «волнообразные» этапы ковид-пандемии, демонстрируя выдержку и традиционное терпение в отношении карантинно-санитарных ограничений. Молодежь, проживающая в Башкортостане, не протестовала против карантийных мер безопасности, а сохраняла оптимизм и надежду на позитивный исход, в частности, на грядущую вакцинацию населения.

Степень изученности студенческого социума достаточно высока. Молодежный социум в лице студенчества как объект социсследования привлекает внимание и научный интерес авторов статьи не первый год[1]. Молодежная политика[2], конфликтные процессы[3], система образования[4], социальная безопасность и защищенность в тру-

де и других сферах[5] – все эти животрепещущие проблемы всесторонне проанализированы и изложены в трудах отечественных исследователей. Общественная жизнь россиян в ковид-пандемию существенно трансформировалась, обретя новые черты социально-бытовой закрытости, внутрисемейной конфликтогенности и интернет-коммуникационной зависимости. Эти новоявленные тенденции уже не шокируют общественность в 2021 г. и не вызывают возмущения у нашей молодежи, по сравнению с западной. Студенчество, оценивая пандемический этап, показывает «молодежный оптимизм», естественный для этой возрастной группы. Современная жизнь вполне устраивает семь человек из десяти опрошенных («молодые оптимисты»), поскольку респонденты заявили: «живут хорошо» – 44,1% и «живут отлично» – 20,3%. Треть опрошенных высказали диаметрально противоположную точку зрения. Все проблемы, с которыми они столкнулись в период пандемии, серьезным образом ухудшили условия их жизнедеятельности. Эта категория «молодых пессимистов» непосредственно сами на себе или опосредованно на опыте родительской семьи ощутили ковид-заболевание и его психофизиологические последствия, социальные и материальные издержки.

Если проанализировать 2020 г., то самым важным фактором перемен в студенческой жизни стал переход на дистанционную форму обучения. На вопрос анкеты: «Как вы относитесь к дистанционному обучению?», более половины опрошенных заявили о смешанных чувствах (50 на 50) – 55,4%; треть респондентов положительно приняли дистанционное обучение (32,2%), а каждый десятый крайне отрицательно отзывается о «дистанционке». Позиция этой категории, «скептиков-пессимистов», связана с техническими проблемами, например с недоступностью скоростного Интернета в сельской местности, отсутствием мощных компьютеров. Оперативное внедрение дистанционного обучения существенно ускорило процесс перехода к цифровизации региональной вузовской системы. Большинством студентов переход на дистанционную альтернативу обучения в условиях ковид-изоляции был воспринят с должным гражданским пониманием.

Пандемия стала естественным ускорителем не только внутривузовских изменений, она внесла принципиальные «поправки» в традиционный уклад всей студенческой жизнедеятельности и в ее социальное самочувствие. Ранжирование полученных результатов позволило выявить ряд особенностей «дистанционного реформирования» вузов. Одна из них – негативная, поскольку для каждого второго респондента «виртуальное общение с преподавателями затрудняет процесс понимания лекций, в которых есть сложнейшие технические расчеты, задачи, чертежи» – 53,1%. Респонденты искренне сожалеют о том, что студенческая жизнь превратилась в скучную рутинную учебу, наблюдаемую «по экрану гаджета» – 47,5%; возросло количество времени, проведенного в Интернете за поиском учебной и научной информации; все коммуникации со студенческой группой перешли в виртуальный формат – 35%. Другая тенденция – позитивная, включающая ряд иных аргументов: «имеется реальная экономия средств» на транспорт, столовую, покупку одежды для вузовского дресс-кода, на ремонт обуви – 53,1%. Респонденты высказывают юношеский восторг: «получаем профессиональные знания в комфортных домашних условиях» – 32,8%; «появилось свободное время для личного планирования» – 30,5%; «лучше формируется умение провести самопрезентацию, поддержать диалог и деловые переговоры в виртуальном формате» – 29,9%; «удовлетворяет автоматическая тестовая аттестация и виртуальный контроль за успеваемостью» – 27,7%; «самодисциплина и ответственность стали моей естественной нормой жизни» – 27,1%; «привлекает свободная форма обучения с помощью записанных альтернативных видео-лекций любых преподавателей российских вузов» – 26,6%; «начался процесс освоения новых компьютерных программ» – 25,4%.

Вузовская социализация – это процесс институционального формирования не только профессионального, но и гражданского самоопределения молодежи, например, в отношении к требованиям соблюдения мер безопасности. Около трети опрошенных выбрали ковид-диссидентство, наперекор здравому смыслу. Наоборот, семь из десяти опрошенных респондентов отстаивают высоконравственную гражданскую позицию, готовы соблюдать требования по безопасности (носить маски, перчатки, иметь санитайзеры, соблюдать персональную дистанцию для нормального самочувствия).

Вообще, студенческий социум в условиях пандемии столкнулся с рядом проблемных ситуаций, например смена форм «открытого» досуга и развлечений на домашний «закрытый» отдых – 41,8%. Для молодежи выявлена очень важная проблема, которая спровоцировала негативные последствия, – конфликтность в институте семьи и дружбы, а на внутриличностном уровне – психологическая напряженность, ухудшающая их социальное самочувствие. Четверо из десяти опрошенных (39,5%) поставили на второе место не менее важную проблему – «боязнь за свою жизнь и жизнь близких и фобии о грядущем будущем». По результатам исследования видно, что один из десяти опрошенных переболел ковид-инфекцией, а четверо из десяти испытывают психологический страх. Подобные фобии

дестабилизируют социальное самочувствие. Безусловно, массовая вакцинация российского населения и снижение количества заболеваний позволит постепенно преодолевать эти психоневротические настроения молодежи.

Пандемия обострила проблему трудовой занятости молодежи, повлияв на социальное самочувствие. Это показал анализ данных интернет-опроса Дирекции по экспертно-аналитической работе НИУ ВШЭ 18–19 мая 2020 г. на тему «Работа и трудоустройство в условиях эпидемии», в котором приняли участие свыше 5000 респондентов из различных регионов страны (выборка квотная, т. е. учитывались такие показатели, как регион проживания, пол, возраст, занятость, уровень образования и доходов респондентов). Репрезентативный опрос выявил серьезное изменение в заработках, а точнее, их падение. По сравнению с февралем–мартом 2020 г., в апреле–мае у 24% опрошенных оплата труда сократилась менее чем на четверть, у 14% – менее чем наполовину, но более чем на четверть и наконец у 19% – более чем наполовину. У 45% респондентов заработки продолжали удерживаться на прежнем уровне или даже росли. Сильнее всего заработная плата уменьшились в отраслях массового локдауна – строительстве, торговле и сфере обслуживания, где негативная динамика фиксировалась в 65–75% случаев.

Риск снижения оплаты был отрицательно связан с размерами бизнеса: среди самозанятых заработки уменьшились у 75%, тогда как среди работников средних и крупных предприятий – у 48%. Из-за локдауна изменился привычный график работы. Одни работники оказались вынуждены трудиться намного меньше, а другие – намного больше. Произошло перераспределение рабочего времени между разными группами работников, отклонения от стандартной продолжительности труда как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения были очень значительными. В условиях пандемии и социального дистанцирования повсеместное распространение получила новая форма подстройки на рынке труда – перевод на дистанционный режим работы. Рабочие места, на которых трудовые функции могут осуществляться онлайн, пострадали меньше всего. Здесь лидерство принадлежало сектору ИКТ, где на «удаленку» был переведен каждый второй работник, а также образованию, науке и культуре, где на нее был переведен каждый третий. В остальных отраслях этот новый режим работы охватил не более 10–15%. Малые, средние и крупные предприятия прибегали к нему примерно вдвое чаще, чем микропредприятия (с численностью персонала до 15 человек) и самозанятые – 25–30%, против 15%.

Региональные исследования по Башкортостану подтвердили наметившуюся тенденцию, снижающую уровень социального самочувствия. Около трети опрошенных отметили в ответах самые разные альтернативы, обусловленные длительным «закрытым» домашним существованием: некоторые, стали работать на «дистанционке» (37,9%); возросла потребность в ЗОЖ и в спортивном досуге из-за малоподвижного образа жизни и постоянных перекусов (32,2%); проявились психологическая напряженность и стрессы (29,9%); усилилась интернет-зависимость (28,2%). Четверть респондентов (24,3%) указали на снижение материальных доходов семьи. Каждый пятый (20,3%) начал поиск дополнительных доходов в формате самозанятости; росли расходы на мобильную связь и ремонт компьютерной техники – 16,4%; имели место увольнение и потеря заработков, поиск новой работы (15,3%). Пандемия серьезно снизила материальный уровень жизни россиян, о чем однозначно заявили молодые респонденты.

С начала эпидемии материальное положение ухудшилось у 76% семей, у 22% респондентов оно не изменилось и лишь у 2% улучшилось. Такое резкое изменение в уровне жизни не могло не вызвать негативную реакцию на действия власти. По пятибалльной шкале почти 75% опрошенных оценили государственные меры по поддержке людей и экономики на «единицу» или «двойку». Оценку «удовлетворительно» дали около 20%, а оценки «хорошо» или «отлично» – менее чем 10%. Отношение к действиям федеральных, региональных и местных властей практически не различалось и было одинаково резко отрицательным. Средняя оценка не дотянула и до двух баллов (по пятибалльной шкале): в случае федеральных властей она равнялась 1,92 балла, региональных – 1,88 балла и местных – 1,84 балла. Ученые Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН) провели первый в России полномасштабный опрос общественного мнения, который позволяет оценить самочувствие жителей России за прожитые ими десять месяцев. Опросы датированы первой половиной сентября 2020 г., как раз между двумя «волнами» коронавируса. Анализ ответов показал, что 38% опрошенных отметили, что у них сильно выросли расходы на продукты и лекарства, у 35% сократились доходы, 15% россиян за это время вынуждены были потратить большую часть своих сбережений «на черный день». Треть респондентов отказались от планов на отпуск, 27% – от привычных форм досуга, 18% – отменили запланированные мероприятия, 23% – пришлось отложить на потом решение других проблем со здоровьем.

Отметим также, что в региональном опросе жизнь в условиях пандемии приобрела несколько иную динамику с бытовой доминантой. Ковид-пандемические кризис отразился на россий-

ском институте семьи, усилив конфликтность. Четыре человека из десяти опрошенных (39,5%) указали на переживаемое состояние «психологической напряженности, возникающей от длительного общения друг с другом» в замкнутом пространстве своей квартиры или дома. Четверть респондентов (23,7%) отметили «снижение семейного бюджета». Каждый пятый среди причин назвал интернет–зависимость. Также участники опроса называли следующие варианты: «потеря работы и безработица» –15,3%; синдром ничегонеделания – 14,1%. В среднем, один из десяти опрошенных заявил о таких типичных семейно-бытовых причинах, как конфликт взаимоотношений «отцы и дети» – 11,9%; невыполнение срочных домашних дел и поручений – 0,7%; «алкогольный релакс» старших – 9,0%; вопросы воспитания младших членов семьи, забота о детях – 9,0%. Обнадеживает положительная тенденция. Так, четверо из десяти опрошенных (40,1%) однозначно заявили, что семейных конфликтов у них не было, их внутрисемейная атмосфера и самочувствие остались в границах нормы; шестеро из десяти подтвердили, что семейное «сотрудничество» как наилучшая тактика позволяет им преодолеть социально-бытовые и межличностные противоречия, обострившиеся в карантине, сохранить в гармонии свое внутрисемейное самочувствие.

Ответом гражданского общества на распространение новой коронавирусной инфекции стал взрывной рост добровольческой (волонтерской) активности, доказывающей наличие коллективной взаимопомощи и эмпатийности в обществе. Данная проблематика серьезно анализировалась авторами в доковидный период[6]. Весной 2020 г. была запущена общероссийская акция взаимопомощи #МыВместе, в рамках которой нуждающиеся в помощи могли попросить ее, а желающие – оказать. Акция была организована платформой DOBRO.RU, Общероссийским народным фронтом, Всероссийским общественным движением «Волонтеры-медики», Ассоциацией волонтерских центров при поддержке Общественной палаты Российской Федерации. В рамках акции работала круглосуточная «горячая линия» помощи пожилым и маломобильным гражданам, своевременное выполнение зарегистрированных заявок осуществляли волонтерские штабы во всех регионах Российской Федерации. Более 118 тыс. добровольцев (волонтеров) по всей стране оказывали безвозмездную помощь больным, одиноким, пожилым, маломобильным, инвалидам, детям-сиротам, многодетным семьям, ветеранам – доставляли лекарства, продукты, товары первой необходимости, помогали по дому. С начала акции к ней присоединились свыше 9 тыс. партнерских организаций. Были собраны пожертвования от бизнеса и частных лиц на общую сумму более 1,8 млрд руб., что позволило оказать благотворительную поддержку свыше 3,5 млн чел. по всей стране. В 160 медицинских учреждениях 7 тыс. волонтеров-медиков оказывали помощь врачам, выполняли обязанности среднего медперсонала, подвозили врачей на личном транспорте, доставляли продуктовые наборы и средства индивидуальной защиты.

В целях нематериального поощрения добровольцев (волонтеров) на федеральном уровне Ассоциацией волонтерских центров была разработана Программа мобильности волонтеров Российской Федерации на 2019–2024 годы, которая реализуется путем обеспечения граждан возможностями для участия в качестве волонтеров в крупных событиях, а также в обучающих стажировках в РФ и иностранных государствах. Организовано проведение ежегодного Всероссийского конкурса волонтерских инициатив «Доброволец России», целью которого выступает формирование культуры добровольчества и развитие основных направлений волонтерства. Минэкономразвития России, Росмолодежью совместно с Ассоциацией волонтерских центров был осуществлен мониторинг реализации мер поддержки добровольцев (волонтеров), активно участвующих в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции и в преодолении негативных социальных последствий ее распространения, в субъектах Федерации.

Результаты мониторинга свидетельствуют, что во всех субъектах Российской Федерации наиболее распространенными видами нематериального поощрения добровольцев (волонтеров) являются награждение отличившихся добровольческих (волонтерских) объединений, добровольцев (волонтеров) наградами органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций, общественных объединений, почетными грамотами, благодарностями и дипломами; публикация в СМИ информации об успехах добровольцев (волонтеров) и добровольческих (волонтерских) организаций, организация участия лучших добровольцев (волонтеров) в межрегиональных и всероссийских мероприятиях за счет средств субъекта Российской Федерации.

Также в ряде субъектов Федерации реализованы дополнительные меры поддержки добровольцев (волонтеров), активно участвующих в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции. Среди наиболее распространенных мер поддержки: приобретение за счет средств регионального бюджета индивидуальных средств защиты от вирусной инфекции (маски, костюмы, перчатки) и обеспечение ими волонтерских штабов во всех муниципальных районах и городских округах субъекта РФ для

добровольцев и общественных объединений, контролирующих соблюдение режима самоизоляции граждан; выделение площадей для работы волонтерских штабов и оборудование их необходимой техникой; техническое обеспечение (телефонная связь, доступ в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет); компенсации за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов расходов на оплату проезда в общественном транспорте, понесенных при осуществлении добровольческой (волонтерской) деятельности; выдача топливных карт, компенсирующих затраты волонтеров на проезд; использование транспортных средств, находящихся в собственности органов исполнительной власти и подведомственных им учреждений на региональном и муниципальном уровнях; оказание содействия в эксплуатации транспортных средств представителями бизнес–структур.

В качестве материальной поддержки предоставляются индивидуальные средства защиты от вирусной инфекции (маски, костюмы, перчатки), помещения для работы штабов, оборудованные необходимой техникой, компенсация расходов на питание, оплату сотовой связи и проезда. Так, в Тульской области единовременная денежная выплата для компенсации затрат добровольцев (волонтеров) составила от 5000 до 10 000 руб., в Ямало-Ненецком автономном округе – в размере 700 руб. в день. 29 июня 2020 г. губернатором Свердловской области вручено 20 памятных медалей «За бескорыстный вклад в организацию Общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе» (учреждена распоряжением Президента Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 153-рп) наиболее отличившимся гражданам и организациям. В Московской области лучшие добровольцы (волонтеры) награждены Почетными грамотами губернатора и благодарственными письмами вице-губернатора области, а также благодарностями министерств и ведомств Московской области. 27 августа 2020 г. более 200 руководителей региональных штабов Общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе, организаторов проекта, представителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, партнеров из сферы социально активного бизнеса, СМИ, некоммерческих организаций награждены памятной медалью «За бескорыстный вклад в организацию Общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе», а также благодарностями Президента Российской Федерации.

Минобрнауки России в 2020 г. были направлены методические рекомендации по осуществлению учета добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам высшего образования: засчитать производственную/учебную практику добровольцам, осуществляющим свою деятельность в фактическом объеме часов волонтерской помощи согласно учебным планам в соответствии с компетенциями практики; учитывать добровольческий опыт и факт участия в мероприятиях по борьбе с распространением коронавирусной инфекции в перечне индивидуальных достижений при поступлении в образовательные организации высшего образования. В период приемной кампании 2020 г. образовательные организации высшего образования, помимо указанных в методических рекомендациях баллов, были вправе начислять дополнительные баллы абитуриентам, участвующим в волонтерской деятельности, направленной на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции.

Учитывая вышесказанное, сделаем выводы. Во-первых, ковидная реальность однозначно вызвала ускоренный и необратимый переход к цифровизации всей российской вузовской системы в центре и на местах.

Во-вторых, большинство студентов, анализирующих свое социальное самочувствие и бытийное состояние в новых реалиях, заявили, что они смогли довольно быстро адаптироваться к дистанционному обучению; материально нуждающиеся студенты осваивали новый институт самозанятости и его виртуальное продвижение; материально независимые студенты приспособились к удаленной работе. Родительским семьям (отцы и их дети-студенты) с помощью взаимного сотрудничества удалось преодолеть временную ковид-пандемическую конфликтность в условиях самоизоляции и сохранить гармоничное внутрисемейное самочувствие.

В-третьих, сомнения и ковид-пандемические фобии в самочувствии некоторых слоев студенчества постепенно устраняются за счет информационного просвещения, вакцинации населения на фоне естественного снижения психологического напряжения гиперчувствительных молодых индивидов.

В-четвертых, для свободолюбивой молодой генерации «Z» переживаемый ковид-карантинный период войдет в их социальное самочувствие и в личную биографию, да и в историю страны и поколения, как своеобразная полоса мобилизационных испытаний, как внешний социальный эксперимент на гражданскую готовность к самодисциплине, к ответственной дистанционной учебе и волонтерской работе, к работе на «удаленке», к персональной ответственности за себя и своих близких.

В-пятых, студенческое волонтерство в российских регионах не осталось вне предпринимаемых коллективных мер антиковидной борьбы, оно практически усилило веру в традиционную

человеческую поддержку-альтруизм и нормализовало социальное самочувствие среди нуждающихся слоев.

Таким образом, социальное самочувствие большинства активного российского студенчества на современном этапе, в условиях перманентных «ковидных волн», рисков и неопределенности в межгосударственных взаимоотношениях, остается в границах ожидаемой гражданской нормы: гармонично и законопослушно жить в обществе, учиться в вузе и дополнительно трудиться, помогать семье и нуждающимся и строить карьерные планы на будущее.

Примечания

[1] См.: Общественные объединения и некоммерческие организации : деятельность и поддержка / под ред. Т. Э. Петровой. М. : ИНФРА-М, 2018. (Научная мысль) ; Основы работы с молодежью / под ред. Т. Э. Петровой. М. : Альфа-М, 2010 ; *Пинаев Д. Н.* Анализ динамики политической идентичности студенческой молодежи в постсоветской России : дис. … канд. полит. наук. СПб., 2012.

[2] См.: *Гендугова М. Н.* Формирование гражданственности молодежи в современной России : дис. … канд. социол. наук. М., 2011 ; *Миронова Т. А.* Основные направления политической коммуникации студенческой молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 12 (114). С. 104–111 ; *Нигматуллина Т. А.* Молодежная политика в условиях российского федерализма : региональный аспект : дис. … д-ра полит. наук. М., 2013 ; *Пинаев Д. Н.* Указ. соч. ; *Сергеев Д. С.* Органы управления государственной молодежной политикой в Российской Федерации // Двадцатые Петровские чтения : материалы Всерос. науч. конф с междунар. участием. СПб. : Северная Звезда, 2019. С. 149–154.

[3] См.: *Голев В. К., Петрова Н. П.* Конфликт в межличностных отношениях // Интеграция наук. 2018. № 4 (19). С. 396–397.

[4] См.: *Кондратенко Н. А., Шашкова С. Н.* Влияние социально-экономических процессов на развитие системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия : Экономика. 2019. № 2 (28). С. 114–121. https://doi.org/10.17122/2541-8904-2019-2-28-114-121

[5] См.: Международный и отечественный опыт поддержки благотворительности / под ред. Т. Э. Петровой. М. : Русайнс, 2020.

[6] См.: *Кондратенко Н. А., Шашкова С. Н.* Указ. соч. ; Добровольчество и волонтерство в России : традиции и тенденции / под ред. Т. Э. Петровой. М. : Русайнс, 2018 ; Защита прав граждан и организаций в России / под ред. Т. Э. Петровой. М. : Русайнс, 2019 ; *Новикова К. Н.* Управление системой социальной защиты населения в условиях формирования новой социально-экономической среды в России : дис. … д-ра социол. наук. М., 2011.

Поступила в редакцию 18.10.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 18.10.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 73–78
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 73–78
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-73–78

Научная статья
УДК 316.014:314

Формирование мещанства как прослойки среднего класса в российском сословном обществе

И. А. Юрасов, М. А. Танина, В. А. Юдина ✉, Е. В. Кузнецова

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, 440052, г. Пенза, ул. Калинина, д. 33Б

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, профессор кафедры государственного управления и социология региона, директор аналитического центра прикладных исследований, jurassow@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4884-6422

Танина Мария Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, margo10@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7311-6280

Юдина Вера Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, vayudina@fa.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-9835-9430

Кузнецова Елена Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, elena_myskina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6863-1066

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы изменения социальной структуры общества как результат развития Российской Федерации по западным капиталистическим образцам. Отмечается, что рыночный капитализм принес на российскую почву наряду с некоторыми модернизационными процессами и явлениями старые архаичные социальные практики, которые выразились в феодализации, сословной трансформации российского общества. Рассматривается формирование архаичной мещанской прослойки как формы существования среднего класса внутри некоторых современных российских сословий, таких как теневое самозанятое рабочее сословие, учительское сословие, научно-преподавательское, врачебно-медицинское и информационное (блогеры, тиктокеры). Показано, что данной социальной группой, несмотря на некоторые отличия, формируются общая сословная и профессиональная идентичность, особый специфический стиль жизни, стиль потребления, особое мещанское понимание социального престижа, особая сословная культура. В заключение формулируются выводы, что современное российское мещанство как специфический тип городского жителя, как форма существования среднего класса некоторых сословий является стабилизирующей стратой, укрепляющей стабильность российского общества, с одной стороны, и источником архаических социально-экономических практик, с другой.

Ключевые слова: мещанство, стратификация, сословия, архаизация, экономизация общественной жизни, сословная культура и идентификация

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-32-00050 «Многомерный анализ и моделирование источников и структуры финансирования инновационных предприятий по регионам России»).

Для цитирования: *Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В.* Формирование мещанства как прослойки среднего класса в российском сословном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 73–78. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-73-78

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The formation of philistinism as a stratum of the middle class in the Russian class society

I. A. Yurasov, M. A. Tanina, V. A. Yudina ✉, E. V. Kuznetsova

Penza branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, 33B Kalinina St., Penza 440052, Russia

Igor A. Yurasov, jurassow@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4884-6422

Maria A. Tanina, margo10@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0001-7311-6280

Vera A. Yudina, vayudina@fa.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-9835-9430

Elena V. Kuznetsova, elena_myskina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6863-1066

© *Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В., 2022*

Abstract: The article considers the problems of changes in the social structure of society as a result of the development of the Russian Federation according to the Western capitalist models. It is noted that market capitalism has brought to the Russian soil, along with some modernization processes and phenomena old archaic social practices, which were expressed in feudalization and class transformation of the Russian society. The formation of the archaic petty bourgeoisie as a form of middle class existence within some modern Russian estates, such as the shadow self-employed workers estate, teachers estate, scientific and teaching estate, medical doctors and information (bloggers, ticktockers) is considered. It is shown that this social group, despite some differences, forms a common class and professional identity, a special specific lifestyle, style of consumption, a special bourgeois understanding of social prestige, a special class culture. The conclusion is formulated that modern Russian petty bourgeoisie as a specific type of urban dweller, as a form of middle class existence of some estates is a stabilizing stratum, strengthening the stability of Russian society, on the one hand, and a source of archaic socio-economic practices, on the other.

Keywords: philistinism, stratification, estates, archaization, economization of social life, class culture and identification

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-32-00050 "Multivariate analysis and modelling of source sand structure of financing innovative enterprises by regions of Russia").

For citation: Yurasov I. A., Tanina M. A., Yudina V. A., Kuznetsova E. V. The formation of philistinism as a stratum of the middle class in the Russian class society. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 73–78 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-73-78

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рыночные реформы по западным лекалам, происходящие в Российской Федерации с начала 90-х гг. XX в., привели к серьезным изменениям социальной структуры российского общества. В результате социальных трансформаций в нашем обществе стали развиваться архаичные социальные практики, которые выразились в сословной стратификации, в возрождении старых социально-трудовых практик, социально-профессиональных отношений и форм организации трудовой жизни, таких как артель. Все это привело к возрождению архаичного социального сословия – мещанства. По поводу существования этой социальной страты было сломано много копий в социальной философии, этике. Мещанство как тип мировоззрения, как образ жизни подвергалось критике в трудах российских демократов, философов, литераторов, идеологов XIX–XX вв. (А. И. Герцен, Р. В. Иванов-Разумник, Г. В. Плеханов, А. М. Горький и др.) и советской публицистике, советской этике 20–80-х гг. XX в. (А. В. Луначарский, О. Гурова, Н. В. Жилина, Н. Т. Фролова и др.). Вся история вопроса европейского мещанства была сосредоточена на протяжении 250 лет исключительно на этических сторонах этого социального феномена. В отечественной и зарубежной социальной философии, социологии, социальной истории делались весьма слабые попытки выявить социальную онтологическую специфику этого городского сословия, сосредоточиваясь в большинстве своем на аксиологическом характере этого явления.

Современное мещанство представляет собой среднюю промежуточную страту между бедной и верхней стратой – элитой таких сословий, как учительское, научно-преподавательское, врачебно-медицинское, информационное и рабочее. Современное российское мещанство представляет собой форму социального существования среднего класса, который подвергается влияниям прекаризации, теневой, или платформенной занятости. Современное мещанство состоит из самозанятых работников (часто теневых самозанятых), которые отлично «вписались» в рыночные отношения, в капитализм, которым присущи отличная самоорганизация, артельный характер социально-трудовых отношений. Российское мещанство XXI в., в сравнении с мещанством XIX–XX вв., отличается беловоротничковым характером трудовой занятости, которое само может решать свои финансовые проблемы, слабо зависит от помощи государственных структур. Мещанство в Российской Федерации представляет собой специфический тип городского жителя, занимающий промежуточную форму между прекариатом и средним классом, который является важным стабилизирующим сословием в России, с одной стороны, и источником архаических социальных практик, с другой.

Обзор современных исследований

Термин «мещанство» возник от собирательного понятия «мѣщанинъ» – буквально житель *места*, т. е. житель *посада*. Мещанами уже в Московской Руси назывались иногда «черные градские люди», «черная сотня», или низший разряд городских жителей (мелочные торговцы, ремесленники, поденщики), более распространенным названием которых было «посадские». Согласно Манифесту 1775 г., мещанами были названы все городские обыватели, которые, не владея капиталом в 500 руб., не могли быть записаны в купечество. Словарь Ушакова определяет: «Мещанин – человек, принадлежащий к городскому ремесленно-торговому слою населения, а с 1785 г. – официальное название лиц, главным образом из городской мелкой буржуазии, составлявших в дореволюционной России особое сословие, ниже купеческого». До революции 1917 г. мещанами называли городское сословие ремесленников, кустарей[1].

Вторым значением слова мещанин тот же словарь указывает: «Человек с мелкими, огра-

ниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором». Здесь же это определение иллюстрируется словами М. Горького: «Театр, обнажая перед зрителем гнуснейшую сущность мещанина, должен возбуждать презрение и отвращение к нему»[2].

Именно оттуда пошла традиция оценочной, этической, а не социально-онтологической характеристики мещанства. В эпоху европейского, русского романтизма мещанами стали называть не представителей специфического городского ремесленного сословия, а социально-этические, часто негативные качества этих людей, такие как узость интересов, практический склад ума, рационализм, хозяйственная и ремесленная сметка, трезвый взгляд на жизнь, на образование. Они демонстрируют специфический «кулацкий» менталитет, сочетающий в себе трудолюбие, социальную гибкость, низкий горизонт стратегического планирования личной и трудовой жизни, авантюризм, мобильность, самоэксплуатацию, жадность, меркантилизм, социокультурную ограниченность. Мещанство не предполагает бытового аскетизма. Заработки, как правило теневые, современных российских мещан конвертируются в престижное потребление. Мещане – очень мобильные и социально гибкие. В силу своей социальной гибкости они могут мгновенно реагировать на запросы рынка труда, активно обслуживать запросы современной российской элиты: несмотря на кажущуюся разобщенность и социальную атономизацию, современные российские мещане показывают чудеса социальной мобильности и самоорганизации через закрытые сетевые телеграммы – каналы, через которые они обмениваются информацией о конкурентах, клиентах. Несмотря на то что многие из них сталкивались со случаями обмана, неплатежей, они сами готовы часто идти на обман, на работу ненадлежащего качества, серьезно завышая при этом оплату за свой труд.

Их среде характерен артельный уклад социально-трудовых, семейных, родственных отношений. Трудовые практики самозанятых мещан в системе как умственного, так и физического труда в современной России демонстрируют любопытный социально-экономический, социокультурный феномен, такой как «артельность», под которым понимается народная, патриархальная организация труда, форма взаимопомощи, самоорганизации общества. До революции артельная форма организации труда была широко распространена в России. И начинает возрождаться в мещанском сословии[3].

По мнению авторов настоящего исследования, артель – это добровольное товарищеское объединение с приоритетом личного трудового вклада участников, которое создается для совместной деятельности на принципах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности, характерных для низовой самоорганизации российского трудового мещанства.

Артельность представляет собой соединение в одном лице собственника, хозяина и работника, что-то вроде самостоятельных кооперативных предприятий. Современные историки, исторические социологи придерживаются мнения, что артель является нормальной формой организации труда при технологической отсталости и при развитии архаических социальных практик.

Артельное производство и в современной России имеет следующие качественные характеристики: самостоятельность работников, добровольность, согласованность действий, совместное распределение функций и работ, самоуправление, неформальный характер договора, распределение дохода пропорционально личному вкладу, жесткое пресечение попыток индивидуальной наживы, сложная система отбора, равноправие работников, коллективная организация труда, отсутствие начального капитала, взаимная ответственность, «круговая порука», подчинение частных интересов общим, добросовестный, честный труд, любовь к своему делу, или ремеслу. Круговая порука понимается здесь как форма превосходства внутреннего автономного суверенитета артели над внешними правовыми отношениями[4].

В традиционной и современной артели российского мещанства, занятого умственным и физическим трудом, сочетаются преимущества крупного производства, такие как разделение труда, механизация производства, с преимуществами мелкого кустарного производства (самостоятельность производителя).

Важное значение в артельной форме организации труда имели и продолжают иметь и неэкономические факторы и принципы, так развитые в неэкономических, непроизводственных артелях. Неэкономическая сущность института мещанской артели состоит в том, что целью его деятельности не является одна только прибыль. «Рыночные», экономико-центричные трактовки артели, подходы к ней как к форме организации, мотивированной на получение прибыли, не могут быть применимы в этом случае. В современной российской мещанской теневой артели качественный труд создает деньги, а деньги – предпринимательскую организацию.

Стратификационная трансформация российского общества, на которую влияют специфические социально-экономические процессы социальной и экономический архаизации, деградации старых экономических практик, выражающиеся в развитии капиталистических отношений в нетипичных сферах и формах социальных практик, приводящих к феодализации многих

форм социально-экономической жизни, формирует новые специфические модели общественного устройства. Российское общество стратифицируется по архаичных сословным моделям, трансформируя прежнюю классовую социальную структуру в сословную. Новым российским сословиям свойственна внутренняя неоднородность, которая выражается в квазисоциализации и квазиинституционализации. В структуре каждого современного российского сословия формируются группы теневых занятых, теневых предпринимателей, таких как «учителя-предприниматели», «преподаватели-предприниматели», занимающиеся репетиторством, написанием курсовых, выпускных квалификационных работ; «ученые-предприниматели», вынужденные работать по неформальной договоренности, выполняя за группы столичных ученых гранты, на которые ученые высокорейтинговых вузов и институтов смогли получить финансирование; «медики-предприниматели», занятые теневой врачебной практикой; а также многочисленная группа людей, занятых физическим трудом, – «рабочие-предприниматели» и другие социальные группы.

Для современного российского общества в состоянии покоя социальной стабильности свойственен сословный характер. Для характеристики социальных трансформаций и социальной стратификации российского социума необходимо охарактеризовать социальную структуру советского общества образца до 1990 г. Официально все советские граждане были объединены в два класса (рабочие и крестьянство) и одну прослойку (интеллигенция). Эта традиция берет свое начало с заявления И. В. Сталина в 1936 г.[5]. Но она имела мало общего с реальной стратификацией советского общества и отражала ее лишь в общих чертах, и чем дальше шло развитие социалистического общества, тем более явным было несоответствие формулы реалиям, что было отмечено ведущими социологами. Так, например, Ю. В. Арутюнян выделил четыре группы сельского населения:

1) лица, занятые неквалифицированным трудом;

2) индустриальные работники физического труда (квалифицированный труд);

3) служащие (конторские работники, не имеющие высокой квалификации: секретари, помощники);

4) интеллигенты (лица высококвалифицированного умственного труда: врачи, учителя, инженеры, высококвалифицированные агрономы и т.д.)[6].

По мнению О. А. Кармадонова, социальная стратификация в современной России обладает статусной консистентностью лишь на верхних этажах – внутри элит и субэлит, в то время как остальные слои общества (за исключением «люмпенов») представляют собой некую смесь из статусных позиций. Так, например, учителя, обладая высоким образовательным уровнем, не могут похвастаться соответствующим имущественным, а следовательно, и символическим положениями[7].

Основная методологическая ошибка в анализе проблем стратификации, социальных трансформаций, связанных с современным рынком труда в России и мире, заключается, по мнению авторов, в самом использовании терминов «класс», «страта», «социальный кластер», что не может точно отразить всю специфику общественных изменений в мире. Используя социологическую теорию В. Л. Маркова, С. Г. Кордонского, О. Э. Бессоновой и В. Т. Третьякова о сословном характере социальной структуры современного российского общества, попытаемся представить российское общество как совокупность социальных сословий[8].

Категория марксистского класса, на наш взгляд, не совсем подходит для анализа данной проблематики. В старой и новой России не сформировалось классовое общество, описываемое в терминах социальных иерархий в области потребления. Категория сословий описывает иерархии в отношении служения, или обслуживания, в отношении прав и привилегий. Российскому обществу и российской модели управления издавна были присущи ресурсные формы организации социальной жизни, которые характерны для сословного общества. В Российской Федерации нет социальных классов в традиционном марксистском понимании, в России формируются специфические социальные страты, связанные с сословной спецификой.

Основу теории сословности составляет точка зрения А. П. Прохорова о стабильных и нестабильных фазах экономического развития России. В своей позиции он опирается на «фазы Н. Д. Кондратьева». Замеченная А. П. Прохоровым смена стабильных и нестабильных фаз регулярно происходит в нашей стране. В стабильной фазе основу социальной системы России составляют сословия[9].

На современном этапе развития российской экономики, определенном как стабильном, развитие классовой структуры стало тормозиться и снова возник крен в сторону сословного общества. В. Т. Третьяков, известный российский политолог, журналист и общественный деятель, видит в российском обществе следующие сословия:

1) крестьянское (сельхозпроизводители);

2) рабочее (наемные работники сферы материального производства);

3) врачебно-медицинское;

4) учительско-преподавательское;

5) научное (наполовину гуманитарное, наполовину от естественных наук);

6) информационное (но не журналистское, у которого и так есть трибуна);
7) духовное (от традиционных религий);
8) военное;
9) управленческое (политическое);
10) частнособственническое (владетельное);
11) женское;
12) опекаемых и поднадзорных (дети-сироты, старики, инвалиды, бездомные, заключенные)[10].

Основные признаки современного сословного российского общества:

– труд как служение;

– вознаграждение за труд – это не заработная плата, а жалование, «получка», сословная рента;

– традиционное и неформальное неравенство сословий перед законом;

– распределительная экономика;

– богатство и бедность по сословному статусу. Стремление к богатству, не соответствующему сословному статусу, аморально, публичная демонстрация богатства аморальна;

– коррупция – форма сословной ренты;

– привилегированность сословия зависит от важности задач, решаемым сословием[11].

Современной российское мещанство является средней стратой, «прослойкой», «средним классом» учительского, научно-преподавательского, врачебно-медицинского, информационного и рабочего сословия.

Социальные тенденции

В ходе исследования были определены основные тенденции в формировании прекарного мещанства современных российских городских сословий. Оно формируется и развивается в результате прекаризации, утраты постоянных связей с официальным и легальным рынком труда. Современное городское сословие, имеющее в своем составе прекарное мещанство, представляет собой по структуре треугольник, в основании которого находятся сословный пролетариат, сословные бедные, имеющие прочные связи с официальным и легальным рынком труда, включенным во все отношения социальной защиты, но, тем не менее, вынужденные работать за нищенскую заработную плату. В эту страту входят молодые специалисты, люди без сословных связей, переселенцы из других регионов, люди, имеющие недостаточную квалификацию. На втором, среднем уровне находится так называемый средний класс, который имеет примерно одну треть от всего объема своих социально-трудовых отношений в сфере официального и легального рынка труда для того, чтобы получать социальные пособия, льготы, социальные страховки. Остальные две трети своих трудовых практик они переводят в тень, экономя тем самым на налогах, капитализируя свой труд, получая высокие теневые, скрытые доходы, практикуя легальные и криминальные/полукриминальные формы занятости. Высший уровень сословия представлен сословной элитой, сословными богатыми, которые являются работодателями прекарного мещанства (рисунок).

Социальные лифты в структуре современного российского городского сословия ограничены. Если между низшим и средним уровнями и существует какая-либо мобильность, как восходящая, так и нисходящая, то высший уровень представляет собой закрытую касту, власть, ресурсы внутри которой предаются часто просто по наследству, когда клиники, научные отделы, кафедры, отделения, предприятия передаются от родителей к детям.

Структура современного российского сословия, имеющего в своем составе прекарное мещанство

В настоящее время мещанство становится частью среднего класса. Современное мещанство формируется в результате прекаризации. Но сметливость, осторожность, практический склад ума не позволяют ему решиться полностью перейти в теневую занятость. Современное российское городское мещанство хочет сохранить все возможные социальные льготы, которые гарантированы легальным трудоустройством, и нелегальные доходы от легальных и полукриминальных форм занятости, используя платформенную занятость, фрилансерство.

Базовая ценность современного городского мещанства – «работать на себя», максимально увеличивая свои доходы, но сохраняя при этом все возможные льготы и пособия, которые гарантирует официальное трудоустройство на легальном рынке труда. Современный мещанин разумно разделяет свою трудовую деятельность на легальную и теневую.

Российским городским мещанам характерен особый стиль жизни, особое понимание социального престижа. Основная задача побочной теневой трудовой занятости – это приобретение собственности, движимого и недвижимого имущества, рационализация, экономизация и маркетизация всех сторон жизни. Городские мещане ведут замкнутый образ жизни, предпочитая общаться со своими друзьями, знакомыми в рамках своих мещанских артелей.

Основным регулятором сословного трудового поведения становится страх. Он выступает рычагом самоподавления и отчуждения от других сословий российского общества. В настоящее время начинает формироваться особая профессиональная и мещанская, сословная идентичность, когда ученый становится не просто ученым, а «ученым-предпринимателем», академическим капиталистом, когда преподаватель, учитель и врач трансформируются во «врачей-предпринимателей», «учителей-предпринимателей».

У этого сословия формируется особая идеология быта, специфическая доктрина повседневности, которая выражается в потребительском стиле поведения, в преумножении богатства, в скупости и стремлении к спокойствию и стабильности. Ключевым фактором формирования современного российского мещанства становится теневая самозанятость, которая превращает российских мещан в сословие, стабилизирующее и укрепляющее современное российского общество.

Таким образом, в начале XXI в. в результате капиталистических рыночных реформ и связанной с ними прекаризации в социальной структуре российского общества начала возрождаться архаичная сословная стратификация. Российское общество стало представлять собой набор сословий. Современное российское сословие представляет собой треугольник, в основании которого находится большая группа сословного пролетариата, имеющего четко оформленные, легальные связи с рынком труда. Средний класс, или средний уровень сословия, составляет прекарное мещанство, трудовая занятость которого включает в себя как официальную, так и теневую самозанятость. Верхний уровень современного российского сословия представляет собой закрытую касту, вход в которую возможет только через родственную и дружескую инкорпорацию.

Примечания

1 Цит. по: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001 ; *Зубцова Я.* Похвальное слово обывателю // Аргументы и факты, 1997. № 27. С. 2.

2 *Степанов Ю.* С. Константы : Словарь русской культуры: 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. С. 679, 683.

3 См.: *Юрасов И. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В.* Теневое академическое предпринимательство в России : анализ трудовых практик и жизненных стратегий // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10, № 5. С. 79–85. https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-5-79-85 ; *Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В.* Анализ трудовых и досуговых практик теневых самозанятых на рынке физического труда в России // Вестник университета. 2021. № 1. С. 172–180. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-1-172-180

4 См.: *Степанов Ю. С.* Указ соч. ; *Юрасов И. А., Танина М. А., Юдина В. А., Кузнецова Е. В.* Указ. соч.

5 См.: *Гурова О.* Идеология тела в советской культуре середины XX в. // Репрезентации телесности : сб. науч. ст. / под ред. Г. Зверевой. М. : Изд-во РГГУ, 2003. С. 181–193 ; *Жилина Н. В., Фролова Н. Т.* Проблемы потребления и воспитания личности. М. : Мысль, 1969.

6 См.: *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. М. : Мысль, 1971.

7 См.: *Кармадонов О. А.* Трансформация и адаптация : стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009.

8 См.: *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России. М. : РОССПЭН, 2007 ; *Кордонский С. Г., Дехант Д. К., Моляренко О. А.* Сословные компоненты социальной структуры России : гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. 2012. Т. 21, № 2. С. 62–102.

9 См.: *Прохоров А. А.* Русская модель управления. М. : ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. С. 118.

10 См.: *Третьяков В. Т.* Партийность или сословность // Известия. 2009. 26 нояб. С. 7.

11 См.: *Третьяков В. Т.* Указ. соч. ; *Кордонский С. Г.* Циклы деятельности и идеальные объекты. М. : Пантори, 2001.

Поступила в редакцию 01.08.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 01.08.2021; approved after reviewing 15.11.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 79–84
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 79–84
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-79-84

Научная статья
УДК 316.4.051

Обучение олимпийских волонтеров в период пандемии

М. П. Сухарькова

Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, 101990, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Сухарькова Марина Петровна, аналитик Научно-учебной лаборатории междисциплинарных исследований некоммерческого сектора, MSukharkova@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-5461-7925

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса подготовки волонтеров крупных спортивных мероприятий в период пандемии. Согласно новым требованиям к проведению массовых мероприятий, волонтеры были вынуждены проходить обучение только в онлайн-формате, также волонтеры должны обладать дополнительными знаниями и навыками для выполнения возложенных на них задач. Мы рассмотрим взгляд волонтеров на изменения в процессе обучения для участия в организации Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 г.

Ключевые слова: волонтерство, олимпийское волонтерство, волонтеры крупных спортивных мероприятий, обучение и подготовка волонтеров

Для цитирования: *Сухарькова М. П.* Обучение олимпийских волонтеров в период пандемии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 79–84. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-79-84

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The training of the olympic volunteers during the pandemic period

M. P. Sukharkova

Centre for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector of the Higher School of Economics – National Research University, 20 Myasnitskaya St, Moscow 101990, Russia

Marina P. Sukharkova, MSukharkova@hse.ru, https://orcid.org/0000-0002-5461-7925

Abstract. This article examines the process of preparing volunteers for major sporting events during a pandemic. According to the new requirements for holding public events, volunteers were forced to undergo training only in online format. Also, volunteers must have additional knowledge and skills to perform the tasks assigned to them. The volunteers' views on the changes on the learning process for participating in the organization of the Olympic and Paralympic Games 2022 are considered.

Key words: volunteering, olympic volunteering, volunteers of sport mega-event, education and training of volunteers

For citation: Sukharkova M. P. The training of the olympic volunteers during the pandemic period. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss.1, pp. 79–84 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-79-84

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4,0 International License (CC-BY 4.0)

Волонтеры признаны важным компонентом успеха спортивных мероприятий[1]. Волонтерство на спортивных мероприятиях – это добровольная работа, не предполагающая прямого денежного вознаграждения, по организации или проведению единоразовых или регулярных спортивных мероприятий, которые могут различаться по объему, масштабу и местоположению[2]. Совокупность исследований в области спортивного менеджмента включает исследования, посвященные различным темам, связанным с волонтерами, например, их мотивации, удовлетворения от работы[3], приверженности ценностям мероприятия и волонтерства[4], удержанию волонтеров, процессу набора волонтеров[5], а также последствиям участия в волонтерской работе[6]. Эти и другие исследования сформировали достаточную базу знаний о волонтерах спортивных мероприятий, однако пока недостаточно изучен процесс подготовки и обучения волонтеров спортивных мероприятий, а также процесс цифровизации обучения волонтеров спортивных мероприятий.

© *Сухарькова М. П., 2022*

Социальный капитал волонтеров

Мы будем рассматривать волонтеров спортивных мероприятий в рамках теории ресурсов, разработанной зарубежными исследователями[7]. Данная теория часто применяется исследователями. В рамках теории ресурсов, выделяются социальный, человеческий и культурный капиталы, которые могут формироваться и развиваться через участие людей в волонтерской деятельности. Человеческий капитал представляет собой отдельные ресурсы, которые способствуют повышению конкурентоспособности людей, например, образование дает возможность получить знания и навыки, которые затем можно конвертировать на рынке труда. Социальный капитал касается социальных связей. Социальные связи также предоставляют ресурсы, включая информацию, доверие, совместную работу. Культурный капитал включает моральные и нравственные убеждения. Так, можно ожидать, что религиозные люди будут работать в качестве волонтеров потому, что их религиозные убеждения соотносятся с идеями помощи и служения другим. Таким образом, теория ресурсов утверждает: несмотря на то, что работа волонтеров не предполагает прямого денежного вознаграждения, зато для них есть возможность получить некие ресурсы, которые затем волонтеры могут использовать для решения своих индивидуальных задач. В данной статье мы рассмотрим человеческий ресурс спортивного волонтерства в рамках крупного спортивного мероприятия, а также изменения, которые произошли в процессе подготовки и обучения олимпийских волонтеров в период пандемии.

Обучение волонтеров

Важнейшим элементом развития человеческих ресурсов является обучение. Зачастую оно связано с расширением или улучшением существующих, а также получением новых знаний и навыков[8]. Хотя обучение считается важным этапом для волонтеров мероприятий и обычно приветствуется самими волонтерами, организаторы мероприятий могут не уделять данному этапу должного внимания[9].

Управление процессом подготовки и проведения мероприятия включает в себя разработку его концепции, организацию и управление мероприятием[10]. Набор, обучение, управление и оценка эффективности персонала мероприятия, включая волонтеров, – это ключевая задача организаторов мероприятий[11], которые должны применять специальный подход к управлению человеческими ресурсами, поскольку организации, занимающиеся проведением мероприятий, структурно отличаются от других типов организаций[12]. Одним из этих отличий является именно привлечение большое количества волонтеров, от которых зависит успех проведения мероприятий[13]. Управление волонтерами реализуется для поддержки общей миссии мероприятия и организации[14]. Эффективное управление волонтерами мероприятия не только критично для поддержания их мотивации, энтузиазма и удержания, но также способствует повышению чувства удовлетворения их опытом и самим мероприятием[15]. Эксперты говорят о том, что человеческие ресурсы в процессе организации и проведения мероприятий, в том числе и волонтерские ресурсы, можно рассматривать как потенциальный источник конкурентного преимущества, для этого необходимо повышенное внимание уделять процессу обучения и управления данными ресурсами, включая волонтеров.

Волонтеры характеризуются как неоплачиваемая рабочая сила, вместе с этим время, знания и навыки они затрачивают на пользу другим людям, группе людей или организациям[16]. Управление волонтерами мероприятий представляет собой уникальные задачи, поскольку они, как правило, носят эпизодический характер, что отличает их от финансово оплачиваемых сотрудников и долгосрочных волонтеров[17]. Учитывая отсутствие прямого денежного вознаграждения[11], эксперты утверждают, что волонтеры взаимодействуют с работодателями на основе психологического контракта, который представляет собой неявные взаимные ожидания в отношении обязательств каждой стороны по отношению друг к другу, например, когда работодатель обеспечивает достаточную подготовку, чтобы волонтер мог эффективно выполнять свои задачи.

Кроме этого, в процессе подготовки к проведению мероприятий необходимо учитывать масштаб, временные рамки и число их участников[18]. Однако проблемы, связанные с управлением волонтерами на мероприятиях, могут быть компенсированы такими качествами волонтеров, которые они привносят в контекст мероприятия: энтузиазм, эмпатия, знание местности, доброжелательность. И, что наиболее очевидно, волонтеры способствуют экономии бюджета мероприятий. Чтобы извлечь максимальную выгоду из деятельности волонтеров в рамках мероприятия, необходимо внедрить качественное обучение. Хотя данный процесс может потребовать затрат некоторых ресурсов, образование является потенциально ценным вложением, поскольку оно может снизить текучесть волонтеров, что в свою очередь укрепит их лояльность[19].

Сфера развития человеческих ресурсов включает процессы эффективного обучения сотрудников для повышения их производительности и достижения стратегических целей.

Обучение, являющееся неотъемлемой частью управления человеческими ресурсами, сосредоточено на расширении навыков человека, чтобы способствовать росту и укреплению конкурентных преимуществ организации[20]. Однако современная конкурентная среда требует постоянного внимания к организационной эффективности, и обучение часто входит в число первых областей, за счет которых сокращается финансирование[21]. Очевидно, что прямая цель обучения – подготовить человека к более качественному (эффективному) выполнению конкретных задач. Однако польза от обучения может быть гораздо более масштабной, учитывая, что в его процессе у отдельных сотрудников повышаются уверенность и самоэффективность, уровень компетенций и навыков. К тому же условия работы, при которых организация вкладывает ресурсы в развитие сотрудников, способны формировать их мотивацию к совершенствованию собственных способностей, тем самым откроются дополнительные резервы повышения эффективности организации.

Эмпирическое исследование и его результаты

Для изучения процесса обучения волонтеров крупных спортивных мероприятий в период пандемии в марте–апреле 2021 г. нами было проведено эмпирическое исследование. Первым этапом исследования были интервью с волонтерами (всего 20), проходящими подготовку для участия в Олимпийских и Паралимпийских играх 2022 г. в Пекине. Кроме этого, важным условием отбора участников этого этапа исследования было наличие предшествующего олимпийского волонтерского опыта.

Также нами был проведен опрос потенциальных волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 г. Среди участников исследования 63% составили женщины, 37% – мужчины; 66% респондентов в возрасте от 18 до 30 лет; 21% – от 31 до 55 лет и 13% – старше 55 лет. Всего на вопросы анкеты ответили 150 человек.

Процесс обучения волонтеров таких крупных спортивных мероприятий, как Олимпийские и Паралимпийские игры, обычно состоит из следующих этапов: общая информация об истории и развитии олимпийского движения в мире; теоретическая подготовка по взаимодействию с разными категориями людей и выполнению задач, возложенных на волонтеров в рамках мероприятия, практические занятия для подготовки к работе.

Обучение волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 г. проводится в онлайн-формате (ранее – в гибридном формате с небольшой долей в офлайн-формате).

Отвечая на вопрос об отношении к онлайн-формату обучения (рис. 1), 49% потенциальных олимпийских волонтеров ответили, что онлайн обучение препятствует повышению уровня подготовки, 28% считают, что данный формат способствует повышению уровня подготовки волонтеров, 17% – сказали, что онлайн обучение равноценно офлайн обучению. Вместе в этим 55% женщин, которые приняли участие в опросе, считают, что онлайн обучение препятствует повышению уровня подготовки волонтеров, среди мужчин этот же вариант ответа выбрали 39% респондентов. При этом 33% мужчин ответили, что онлайн обучение способствует повышению уровня подготовки волонтеров.

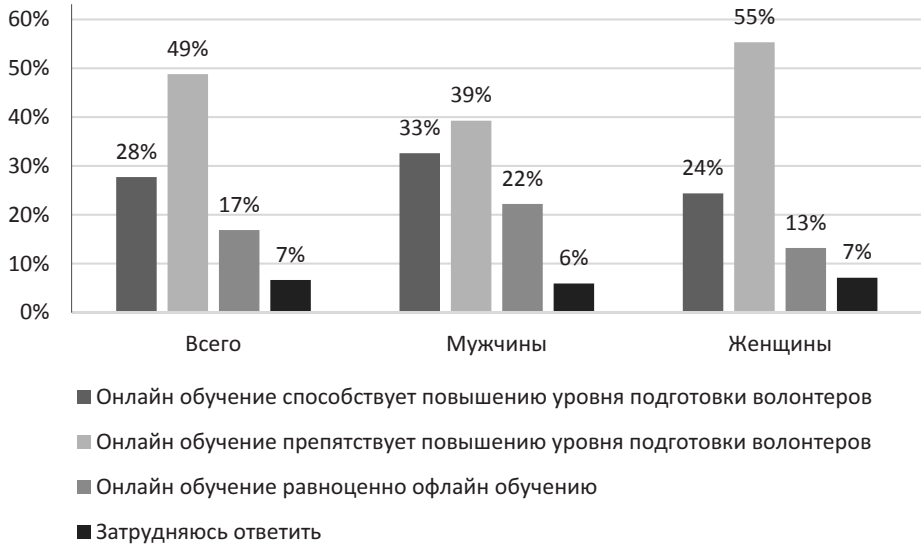


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Расскажите, пожалуйста, как Вы относитесь к онлайн-формату обучения волонтеров?»

В интервью потенциальные волонтеры обращали внимание на следующие сложности, связанные с прохождением онлайн обучения для получения аккредитации волонтера игр.

Наиболее часто участники исследования говорили о дополнительных возможностях, которые открылись в связи с онлайн-форматом обучения в процессе подготовки к участию в Олимпийских и Паралимпийских игр.

Несмотря на некоторые технические сбои, онлайн обучение помогает получать информацию из любого места, я не привязан четко к датам и времени. При возможности, подключаются с рабочего места или из дома, никуда ехать не надо. Выходит, значительная экономия времени и денег (мужчина, 42 года, г. Москва).

Часть участников интервью говорили о нехватке живого взаимодействия с преподавателями в процессе обучения в онлайн-формате.

Онлайн обучение – это конечно, совсем другое, живого общения нет, абстрактные люди, хотя все стараются оживить процесс, но надо привыкнуть, что общаешься с компьютером, и помнить, что за экраном сидят живые люди (женщина, 27 лет, г. Краснодар).

Также потенциальные волонтеры замечали свою обеспокоенность по поводу отсутствия подготовки непосредственно на местах работы во время проведения Олимпийских и Паралимпийских игр. Данный этап подготовки волонтеров в настоящее время не запланирован для иностранных волонтеров.

При этом участники исследования уделяли внимание комплексности предоставляемой им информации для изучения и экспертному уровню преподавателей.

Надо сказать о том, что все учебные материалы хорошо проработаны, все продумано. С методической точки зрения, отличная учебная программа, много нового для себя нашел (мужчина, 30 лет, г. Казань).

Я не пропускаю ни одной лекции, готовлюсь, потому что преподаватели настоящие профессионалы, с большим опытом работы, хорошо понимают возможные проблемы и важные вопросы (женщина, 32 года, г. Сочи).

В интервью волонтеры сравнивали свой предыдущий опыт прохождения обучения для работы во время организации и проведения Олимпийских и Паралимпийских игр и процесс обучения волонтеров Игр 2022 г.

Каждый олимпийский период для меня открытие. Я с удовольствием учусь, готовлюсь, потом работаю. И каждый раз что-то новое, интересное. Сам процесс обучения в этот раз содержательно не пострадал, но практически нет взаимодействий между волонтерами, мы не обмениваемся информацией, нет чувства единого организма, а это важно для волонтеров, общение – основа нашей работы (мужчина, 27 лет, г. Калининград).

Отвечая на вопрос: «Как Вы в целом оцениваете информационные и коммуникационные возможности и ресурсы сети Интернет и социальных сетей для развития волонтерства?» (рис. 2), 49% участников опроса ответили, что онлайн-взаимодействие и общение в социальных сетях активно используется волонтерами в своей работе, помогая им действовать эффективнее, при этом 39% считают, что интернет-общение затрудняет волонтерскую деятельность, и 12% – что развитие онлайн-сферы никак не влияет на развитие волонтерства. Мужчины более позитивно оценивают онлайн-взаимодействия, так, 55% мужчин считают полезным онлайн-взаимодействие и общение в социальных сетях в волонтерской работе, среди женщин это отметили 45% женщин.

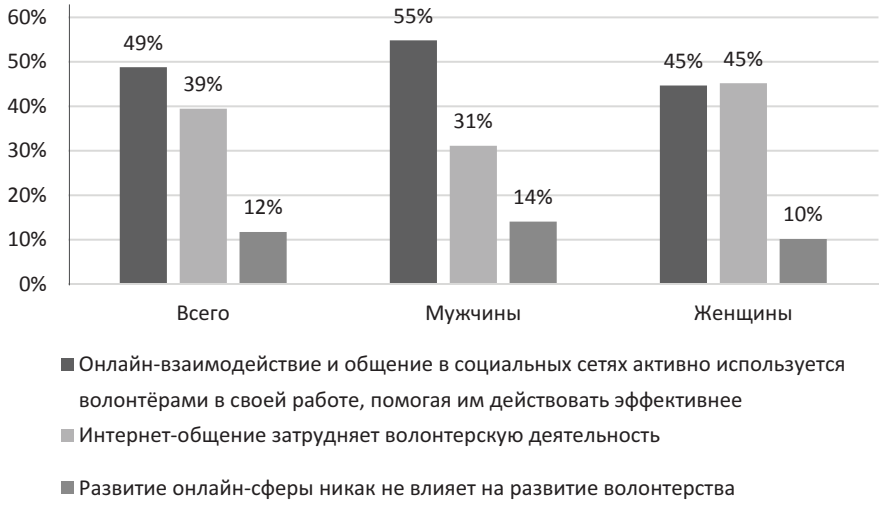


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы в целом оцениваете информационные и коммуникационные возможности и ресурсы сети Интернет и социальных сетей для развития волонтерства?»

На вопрос: «Повлияла ли пандемия на Ваше желание продолжить волонтерскую деятельность?», 48% потенциальных волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 г. ответили утвердительно, 52%, напротив, желают продолжать волонтерскую деятельность, невзирая на пандемию (рис. 3).

Итак, в данной статье мы рассмотрели процесс подготовки волонтеров Олимпийских и Паралимпийских игр 2022 г. в период пандемии. Начиная с 2020 г. обучающие программы были переведены в онлайн-формат. На основе опроса волонтеров и интервью с ними было определено, что онлайн-формат предоставил потенциальным волонтеров дополнительные возможности для получения необходимым знаний для последующей работы на олимпийских мероприятиях, но вместе с этим участники исследования отмечали обеспокоенность недостатком практических занятий непосредственно на местах работы. Важно, что несмотря на все ограничения, потенциальные волонтеры говорили о достаточно высоком уровне учебных материалов и методической проработке учебных курсов.

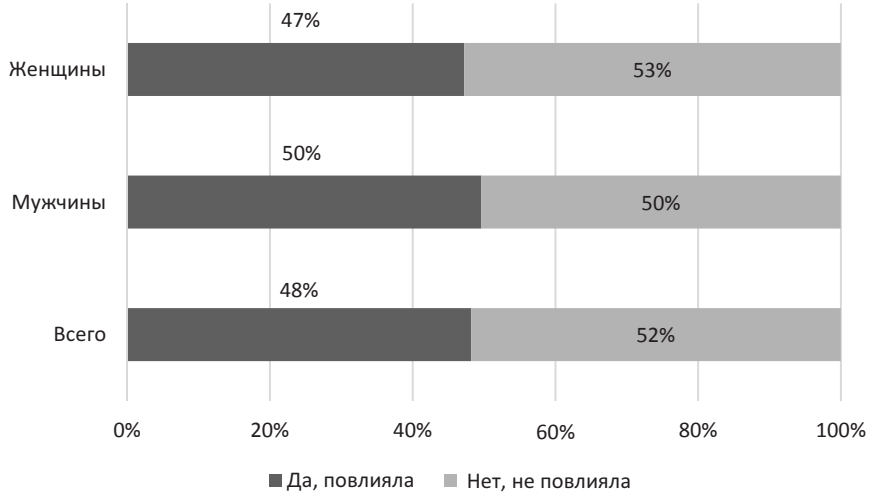


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Повлияла ли пандемия на Ваше желание продолжить волонтерскую деятельность?»

Сравнивая обучение в качестве олимпийских волонтеров в онлайн-формате и предыдущие подобные программы, участники нашего исследования отметили, что в сложившихся условиях онлайн-обучение предоставляет им необходимую подготовку, но сообщество волонтеров не имеет возможности для установки межличностного общения и крепких социальных связей.

Примечания

1 См.: *Bang H., Chelladurai P.* Development and validation of the volunteer motivations scale for international sporting events // International Journal of Sport Management and Marketing. 2009. Vol. 6, №. 4. P. 332–350. https://doi.org/10.1504/IJSMM.2009.030064

2 См.: *Cuskelly G., Hoye R., Auld C.* Working with volunteers in sport: Theory and practice. London : Routledge, 2006.

3 См.: *Elstad B.* Volunteer perception of learning and satisfaction in a mega-event: The case of the XVII Olympic Winter Games in Lillehammer // Festival Management and Event Tourism. 1996. Vol. 4, №. 3–4. P. 75–83. https://doi.org/10.3727/106527096792195290

4 См.: *Cuskelly G., Boag A.* Organisational commitment as a predictor of committee member turnover among volunteer sport administrators: Results of a time-lagged study // Sport Management Review. 2001. Vol. 4, №. 1. P. 65–86. https://doi.org/10.1016/S1441-3523(01)70070-8

5 См.: *Coyne B. S., Coyne E. J.* Getting, keeping and caring for unpaid volunteers for professional golf tournament events // Human Resource Development International. 2001. № 4. P. 199–216. https://doi.org/10.1080/13678860121999

6 См.: *Doherty A.* The volunteer legacy of a major sport event // Journal of Policy Research in Tourism, Leisure and Events. 2009. Vol. 1, № 3. P. 185–207. https://doi.org/10.1080/19407960903204356

7 См.: Wilson J., Musick M. Who cares? Toward an integrated theory of volunteer work // American Sociological Review. 1997. № 62. P. 694–713. https://doi.org/10.2307/2657355

8 См.: *Wilson J. P.* Human Resource Development: Learning and Training for Individuals and Organisations. 2nd ed. London : Kogan Page, 2005.

9 См.: *Heitmann S., Roberts C.* Successful staffing of events // Event management / ed. by P. Robinson, D. Wale, G. Dickson. Cambridge, MA : CABI, 2010. P. 113–136.

10 См.: *Allen J., O'Toole W., Harris R., McDonnell I.* Festival and Special Event Management. 5th ed. Milton, QLD : Wiley, 2011.

[11] См.: *Farrell J. M., Johnston M. E., Twynam G. D.* Volunteer motivation, satisfaction, and management at an elite sporting competition // Journal of Sport Management. 1998. Vol. 12, №. 4. P. 288–300. https://doi.org/10.1123/jsm.12.4.288

[12] См.: *Lockstone-Binney L., Holmes K., Smith K., Baum T.* Volunteers and volunteering in leisure: Social science perspectives // Leisure Studies. 2010. Vol. 29, № 4. P. 435–455. https://doi.org/10.1080/02614367.2010.527357

[13] См.: *Nichols G., Ojala E.* Understanding the management of sports events volunteers through psychological contract theory // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2009. Vol. 20, № 4. P. 369–387. https://doi.org/10.1007/s11266-009-9097-9

[14] См.: *Nassar N. O., Talaat N. M.* Motivations of young volunteers in special events // Tourismos: An International Multidisciplinary Journal of Tourism. 2009. Vol. 4, № 1. P. 135–152.

[15] См.: *Ralston R., Downward P., Lumsdon L.* The expectations of volunteers prior to the XVII Commonwealth Games, 2002: A qualitative study // Event Management. 2004. Vol. 9, № 1–2. P. 13–26. https://doi.org/10.3727/1525995042781084

[16] См.: *Lockstone L., Baum T.* The public face of event volunteering at the 2006 Commonwealth Games: The media perspective // Managing Leisure. 2009. Vol. 14, iss. 1. P. 38–56. https://doi.org/10.1080/13606710802551254

[17] См.: *Cuskelly G., Taylor T., Hoye R., Darcy S.* Volunteer management practices and volunteer retention: A human resource management approach // Sport Management Review. 2006. Vol. 9. №. 2. P. 141–163. https://doi.org/10.1016/S1441-3523(06)70023-7

[18] См.: *Van der Wagen L.* Human Resource Management for Events: Managing the Event Workforce. Oxford ; Burlington, MA : Butterworth-Heinemann, 2007.

[19] См.: *Chen Y. C., Chen Y. C., Chen J. M.* The influence from the dynamics of training and volunteers' characteristics on volunteers' retention in non-profit organisations // International Journal of Applied Educational Studies. 2010. Vol. 8, № 1. P. 33–43.

[20] См.: *Stone R. J.* Managing Human Resources. 3rd ed. Milton, QLD : John Wiley and Sons, 2010.

[21] См.: *Buckley R., Caple J.* The Theory and Practice of Training. 6th ed. London : Kogan Page, 2009.

Поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 85–89
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 85–89
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-85-89

Научная статья
УДК 316:316.354:351/354

Структура процесса подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности: социолого-управленческий аспект

Т. А. Терешонок

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

Терешонок Татьяна Андреевна, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований), tanyusha.tereshonok@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7820-8771

Аннотация. Статья посвящена разработке структуры процесса подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности в рамках социологии управления, где автор выделяет условия, субъект, объект, механизмы и результат. Приводится ряд нормативных правовых актов, регламентирующих образовательный процесс курсантов, а также отражается специфика обучения в военных учебных заведениях. Особое внимание уделено важности применения субъект-субъектного подхода при исследовании данной проблемы. Результатом подготовки курсантов автор предлагает считать готовность к военно-профессиональной деятельности, где следует выделять объективную (подготовленность) и субъективную (предрасположенность) стороны.

Ключевые слова: военно-профессиональная деятельность, военно-профессиональная подготовка, курсанты, военный вуз, военное образование, социология управления

Для цитирования: *Терешонок Т. А.* Структура процесса подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности: социолого-управленческий аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 85–89. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-85-89

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The structure of the cadets' training process for professional military activities: Socio-managerial aspect

T. A. Tereshonok

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russia

Tatiana A. Tereshonok, tanyusha.tereshonok@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-7820-8771

Abstract. The article is devoted to the development of the structure of the cadets' training process for military professional activity within the framework of the sociology of management, where the author identifies the conditions, subject, object, mechanisms and result. A number of normative legal acts regulating the educational process of cadets are given, and the specifics of training in military educational institutions are also reflected. Particular attention is paid to the importance of using the subject-subject approach in the study of this problem. It is proposed to consider the readiness for professional military activity as a result of cadets' training, reveling the cadets' objective readiness and subjective inclination.

Keywords: military professional activity, military professional training, cadets, military university, military education, sociology of management

For citation: Tereshonok T. A. The structure of the cadets' training process for professional military activities: Socio-managerial aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 85–89 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-85-89

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследование подготовки курсантов к военно-профессиональной деятельности невозможно без разработки выстроенной, многофункциональной и актуальной в соответствии с современностью структуры, которая, по нашему мнению, выражается в следующих компонентах: условия, субъект, объект, механизмы и результат подготовки к военно-профессиональной деятельности.

Первый элемент предложенной нами структуры – условия подготовки высококвалифицированных офицерских кадров, которые, как

© Терешонок Т. А., 2022

правило, выражаются в условиях высших военных учебных заведений, являющихся частью государственной системы высшего профессионального образования. Военно-образовательный процесс осуществляется в соответствии с перечнем военных специальностей, определенных Министерством обороны Российской Федерации[1], и по специальностям, которые установлены Государственным образовательным стандартом[2]. Общие требования к специальностям закреплены в основной образовательной программе профессионального образования[3], а также в квалификационных требованиях к профессиональным знаниям, умениям и навыкам военнослужащих[4]. Вместе с тем видами Вооруженных Сил и родами войск к выпускникам вузов соответствующего профиля предъявляются специальные требования, которые помимо формальных критериев предусматривают формирование определенных личностных качеств и характеристик.

Специфике обучения курсантов военных вузов, в отличие от студентов «гражданских» учебных заведений, посвящено достаточно много работ (В. Н. Лымарев[5], Н. И. Привалов[6] и др.), которые в совокупности отражают следующие положения:

– курсанты – это действующие военнослужащие, потому их поведение помимо вышеизложенного контролируется предписывающими образцами действий, функциональными границами поведения, а также юридически закрепленными нормами в рамках соответствующего социального института, несоблюдение которых влечет за собой ответственность от административной до уголовной;

– специфический характер обучения, выражающийся в переплетении учебной и служебной деятельности (несение нарядов, караулов, выполнение различных видов хозяйственных работ и пр.), что обусловливает более высокий уровень физического и морально-психологического напряжения образовательного процесса курсантов;

– ограничение взаимодействия курсанта с внешней средой, сопровождающееся строгим контролем, предписанием границ и алгоритмов поведения, что, безусловно, накладывает отпечаток на формирование личности курсанта;

– для того чтобы попасть в военный вуз, требуется определенный уровень здоровья и физической подготовки с целью поддержания постоянной боеготовности курсантского подразделения, потому с соматической точки зрения состав профессиональных групп военнослужащих вызван, прежде всего, отбором, который производит данная профессия.

Мы считаем целесообразным в исследовании подготовки к военно-профессиональной деятельности придерживаться субъект-субъектной исследовательской устойчивой модели мышления и в соответствии с ней выделить два полюса взаимодействия участников образовательного процесса. С одной стороны, субъектами выступают преподаватели и офицеры, транслирующие ценности и нормы института военной службы, обучающие и воспитывающие курсантов, с другой стороны, субъектами являются сами курсанты, «принимающие на себя» все то, что исходит от первых.

Не будем затрагивать в статье субъект-объектный подход, хоть он и находится в рамках социологии управления, поскольку, прежде всего, он не учитывает личностные факторы обучающегося – потребности, ценности, интересы, установки и ожидания. То есть, согласно его положениям, центральными фигурами выступают офицеры и преподаватели, осуществляющие различного рода воздействия на курсантов, тем самым формируя их личности под заданные требования. Курсанты же, в свою очередь, без учета всех нюансов восприятия этих распоряжений всегда должны выполнять требуемое. Но в действительности обучающиеся далеко не всегда поддаются внешнему воздействию, что в конечном итоге не приводит к безусловному успеху подготовки к военно-профессиональной деятельности. Из этого следует, что курсанты должны все воздействия согласовать со своими личностными факторами (потребностями, интересами и ценностями), тем самым принять непосредственное участие в достижении целей военной организации. Подтверждение нашего взгляда можно найти и у Т. Парсонса, противостоящего суждениям Э. Дюркгейма, который выступает за безусловность процесса социального принуждения. Напротив, Т. Парсонс говорит о том, выбор человеком модели поведения не диктуется абсолютным влиянием общественного принуждения, а базируется на основании внутренних процессов осмысления и принятия ценностей конкретного сообщества в ходе социализации[7].

Следование субъект-субъектному подходу обусловливает неясность вопроса: «Кто или что в этом случае становится объектом?». Мы согласимся с Т. В. Габай[8] в том, что предмет образовательной деятельности лежит не вне личности, а внутри нее. В соответствии с изложенным объектом подготовки к военно-профессиональной деятельности выступает то, что субъект имеет к ее началу, и то, что подлежит трансформации в течение военно-образовательного процесса, т. е. преобразование личности курсанта.

Методологически важная мысль, заслуживающая нашего внимания, прослеживается в трудах В. Л. Примакова, изучив которые, можно сделать вывод о принципиальном разделении понятий «курсант» и «личность курсанта» по аналогии сравнения: «человек» и «личность».

«Курсант» – понятие собирательное, характеризующее совокупность индивидов определенной социально-профессиональной группы (готовящихся к должности офицерского состава), в то время как «личность курсанта» есть целостность биологического, психического и социального. Последнее есть часть, социальная сторона «курсанта», вырабатываемая в процессе социализации и выражающаяся в совокупность социальных свойств «курсанта»[9]. Вместе с этим мы должны иметь в виду, что личность проявляет себя как социальный тип, а отнюдь не как индивидуальность (как в психологии), главное в ней не ее абстрактная физическая природа, а ее социальные качества.

Анализ теоретических определений личности и собственное видение контекста и специфики настоящего исследования привели нас к тому, что под личностью курсанта (соответственно, под субъектом военно-профессиональной деятельности) мы понимаем добровольно и сознательно действующий субъект социальных отношений и социального взаимодействия, устойчивую систему важных для исполнения функций офицера, знаний, умений, навыков, а также ценностей, личностных качеств и характеристик.

Необходимо обратить внимание на такое качество, как устойчивость, важность присутствия которого в личности военнослужащего отмечают многие исследователи (В. И. Веремчук, М. В. Барановский[10], Н. П. Поплевкин[11] и др.), в чем мы, безусловно, с ними согласимся. Под понятием «устойчивость» в основном понимается сопротивляемость, инертность личности в тяжелых условиях жизнедеятельности, сопровождающихся деструктивным внешним воздействием.

Результатом процесса подготовки к военно-профессиональной деятельности выступает готовность к ней, являющаяся сложным, многоуровневым, системным свойством личности курсанта. Анализ научных источников, затрагивающих данное свойство, привел нас к выводу, что чаще всего он применяется в психолого-педагогической литературе в связи с тем, что понятие «готовность» впервые стало употребляться в экспериментальной психологии, а затем было перенесено в сферу педагогических и социологических исследований. В Большом психологическом словаре готовность трактуется как «установка, направленная на выполнение того или иного действия»[12]. Многие исследователи выделяют в понятии «готовность» такие компоненты, как мотивационный, когнитивный, практико-деятельный, личностный, эмоциональный, волевой, эмоционально-волевой.

С точки зрения военного социолога В. И. Веремчука, понятие «готовность к профессиональной деятельности» представляет собой показатель процесса социализации курсанта и определяет его как «детерминированное процессом социализации устойчивое состояние качеств, характеристик личности, обусловленных ее предрасположенностью и подготовленностью к сознательному избранию военной службы офицера как приоритетного вида жизнедеятельности и выполнению социально и профессионально значимых функций в рамках соответствующей социальной роли офицера»[13]. Мы согласимся с мнением В. И. Веремчука и будем иметь в виду, что готовность к военно-профессиональной деятельности является частью профессиональной социализации (социализация шире, так как помимо готовности включает также и формирование идентичности). За основу составляющих компонентов готовности к военно-профессиональной деятельности примем взгляды В. И. Веремчука, который в ней выделяет объективную (подготовленность) и субъективную (предрасположенность) стороны.

Подготовленность к военно-профессиональной деятельности, по мнению вышеназванного военного социолога, включает в себя, во-первых, степень военно-профессиональных знаний, умений и навыков, относящихся к дальнейшему исполнению служебных обязанностей офицера (**военно-профессиональная подготовленность**); во-вторых, совокупность профессионально-значимых качеств курсанта, позволяющих успешно осуществлять процесс интеграции в военно-профессиональную среду и в последующем сформировать воинскую идентичность (**социальная подготовленность**). Также мы считаем целесообразным дополнить имеющуюся структуру подготовленности третьим важным, на наш взгляд, положением, а именно степенью готовности курсанта действовать самостоятельно, умения преодолевать трудности и межличностные конфликты в будущей военно-профессиональной деятельности (**действенно-практическая подготовленность**).

Социологической аспект настоящей статьи диктует необходимость подробнее остановиться на качествах, которыми необходимо обладать курсанту, успешно подготовленному к военно-профессиональной деятельности. Данный вопрос интересует многих ученых (М. Г. Лукинова, Е. А. Щербакова[14], Ю. П. Сосоновский, А. А. Чайковский, В. А. Ушаков[15], А. П. Ромахин[16] и др.). Так, важность обладания физической выносливостью, возвышенными духовными морально-волевыми качествами отмечает А. Ю. Нагорнова[17]. Ученый-психолог О. П. Кисляков значимое место в системе личности курсанта отводит психической устойчивости[18]. Необходимость комбинирования исполнительности и инициативности, а также ответственности за последствия как собственного профессионального поведении, так и поведения подчиненных подчеркивает А. Ю. Дмитриенко[19].

И. М. Жданько, А. А. Ворона, И. В. Запечникова, В. В. Булавин утверждают, что военнослужащему необходимо отличаться такими качествами, как уверенность, инициативность, изобретательность, находчивость, иметь способность стремительно и отчетливо оценивать сложившуюся обстановку, обладать военной дерзостью и агрессивным порывом, владеть способностью мгновенно адаптироваться к быстротечности меняющихся условий различного рода, в том числе и стихийных ситуаций[20].

Мы пришли к выводу, что требуемые институтом военной службы качества чаще всего в наиболее обобщенном смысле именуются учеными-исследователями как военно-профессиональные, однако В. Л. Примаков[21] помимо последних выделяет еще и индивидуально-личностные качества (социально-демографические характеристики, период обучения, ценностные ориентации, уровень информированности и др.). Ниже представлена обобщенная классификация качеств:

– *общесоциальные* – гуманизм, причастность к защите Отечества, патриотизм, стремление отстаивать интересы своего народа;

– *обшенравственные* – честность, доброжелательность, отзывчивость, вежливость, уступчивость, тактичность, заботливость, бескорыстность;

– *общие военные* – самообладание, дисциплинированность, организованность, смелость, решительность, исполнительность, мужество, гражданственность, законопослушность, понимание роли Вооруженных Сил, осознанность единоначалия и других принципов военного строительства, командирская воля, организаторские способности, трудолюбие, принципиальность и ответственность при решении военно-профессиональных задач;

– *военно-профессиональные* – владение воинским мастерством, уровень квалификации, компетентности и профессионализма;

– *интеллектуальные* – способность к восприятию, переработке и усвоению большого количества информации, развитие представления, оперативного мышления, памяти и внимания, умение выделить в информации существенное, способность анализировать и принимать рациональное решение, умение прогнозировать ситуацию;

– *психологические* – эмоциональная устойчивость, выдержка, целеустремленность, самообладание, психическая выносливость;

– *физические* – сила, выносливость, быстрота двигательной реакции, точный глазомер.

Все вышеназванные качества выступают не просто ожидаемыми и желательными компонентами в структуре личности военнослужащего, а являются должными, потому в той или мной форме находят свое отражение в Конституции Российской Федерации, законах, Военной присяге, уставах и других нормативных положениях. В самом общем смысле их можно свести к существу воинского долга, раскрываемого в ст. 26 Закона РФ «О статусе военнослужащих». Поэтому до, в процессе и после обучения в военном учебном заведении из этих личностных качеств необходимо сформировать цельный механизм, дающий курсанту возможность и способность стать полноценной личностью защитника Родины.

Готовность к военно-профессиональной деятельности характеризуется также субъективной стороной, отражающей отношение курсанта к данному виду деятельности и выступающей внутренней предрасположенностью к военно-профессиональной деятельности. Она подразделяется на несколько видов:

– *социальная предрасположенность* – совокупность притязаний и ожиданий личности курсанта от исполнения своих обязанностей в роли офицера, демонстрирующая мотивационно-ценностную ориентацию субъекта по отношению к военной службе (представления курсанта о значимости для себя военно-профессиональной детальности);

– *военно-профессиональная предрасположенность* – характеризуется планами и намерениями курсанта по отношению к его дальнейшей офицерской военной карьере и профессиональной мобильности (наличие или отсутствие у курсанта установки на овладение конкретной военной специальностью, желание совершенствовать военно-профессиональное мастерство, строить карьеру офицера и др.).

На наш взгляд, основой механизмов подготовки к военно-профессиональной деятельность вполне может послужить классификация социализации мотивационных механизмов Т. Парсонса, которому весьма успешно удалось последовательно связать их с механизмами личности[22]:

– **механизм обучения** – ряд процессов (ритуалов), посредством которых субъект получает новые элементы ориентации своего поведения, требуемого военным вузом;

– **механизм защиты** – процессы, посредством которых преодолеваются внутренние конфликты личности (противоречия между требованиями военного вуза и внутренней готовность их выполнять);

– **механизм адаптации** – процесс уравновешивания, благодаря которому субъект справляется с элементами напряженности и конфликтами, связанными с вышеназванными противоречиями;

– **механизм социального контроля** – процессы, целью которых является обеспече-

ние соблюдения норм и следование ценностям, присущим конкретному социальному институту, с помощью применения определенных санкций и процедур.

Таким образом, процесс подготовки к военно-профессиональной деятельности тесно связан с процессом профессиональной социализации, поэтому не ограничивается только лишь подготовкой к формальному осуществлению своих обязанностей в соответствии с полученными знаниями, умениями, навыками, а диктует необходимость рассматривать в нем также и субъективную сторону, выражающуюся в принятие военнослужащим ценностей, норм и мировоззрения, присущих институту военной службы, что в совокупности обеспечивает успешное выполнение служебных обязанностей, а также самореализацию личности военнослужащего.

Примечания

[1] См.: Система высшего образования Минобороны России // Министерство обороны Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vuz.mil.ru/Perechen-specialnostei (дата обращения: 07.11.2021).

[2] См.: Федеральные государственные образовательные стандарты. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). Ст. 12. Образовательные программы. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: О мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации постановления Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1198 : приказ Министра обороны РФ от 06.08.2012 № 2195 (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[5] См.: *Ламарев В. Н.* Теоретические аспекты формирования мотива военно-профессиональной деятельности у курсантов военных вузов. Пермь : Пермский ВИ ВНГ РФ, 2020.

[6] См.: *Привалов Н. И.* Формирование нравственных ценностей у курсантов военных вузов. Рязань : РВВДКУ, 2018.

[7] См.: *Парсонс Т.* Социальная система : пер. с англ. М. : Академический проспект, 2018.

[8] См.: *Габай Т. В.* Педагогическая психология. М. : Академия, 2005.

[9] См.: *Примаков В. Л.* Социализация офицера в условиях военной службы : На примере Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2000.

[10] См.: *Веремчук В. И., Барановский М. В.* Социальные характеристики и особенности процесса социализации личности офицера в условиях модернизации Вооруженных Сил Российской Федерации // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 104–110.

[11] См.: *Поплевкин Н. П.* Особенности институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих контрактной службы // Социология. 2018. № 3. С. 208–2011.

[12] Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/460 (дата обращения: 07.11.2021).

[13] *Веремчук В. И.* Социализация курсанта в процессе обучения в высшем военно-морском учебном заведении : дис. ... канд. социол. наук. М., 1999. С. 79.

[14] См.: *Лукинова М. Г., Щербакова Е. А.* Профессионально важные качества курсантов третьего года обучения : структура личностных качеств // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 1. С. 156. https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-152-164

[15] См.: *Сосновский Ю. П., Чайковский А. А., Ушаков В. А.* Особенности формирования психофизиологических профессионально важных качеств у курсантов авиационных вузов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №. 2–3 (53). С. 167–172. https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-3-167-172

[16] См.: *Ромахин А. П.* Ценностные ориентации курсантов военных вузов России в современных условиях : сущность, факторы влияния и формирование : дис. ... канд. филос. наук. М., 2020.

[17] См.: Стресс и эмоциональное выгорание : методы профилактики / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск : Зебра, 2019. С. 46.

[18] См.: *Кислякова О. П., Пелевина А. П.* Формирование профессионально важных качеств летчика на основе сбалансированной системы показателей // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. 2017. № 1 (12). С. 156.

[19] См.: *Дмитренко А. Ю.* Оценка уровня сформированности профессиональной ответственности у курсантов Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков // Мир педагогики и психологии. 2020. № 10 (51). С. 82. URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/otsenka-urovnya-sformirovannosti-professionalnoj-otvetstvennosti-u-kursantov-krasnodarskogo-vysshego-voennogo-aviatsionnogo-uchilishha-letchikov.html (дата обращения: 28.09.2021).

[20] См.: *Жданько И. М., Ворона А. А., Запечникова И. В., Булавин В. В.* Профессионально важные качества как средство повышения профессиональной деятельности летного состава // Военная мысль. 2017. № 9. С. 87–93.

[21] См.: *Примаков В. Л.* Указ. соч.

[22] См.: *Парсонс Т.* Указ. соч.

Поступила в редакцию 27.11.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 27.11.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 90–97
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 90–97
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-90-97

Научная статья
УДК 316

Теория и методология исследования культурной безопасности молодежи Юга России

К. В. Воденко

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Россия, Ростовская область, 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук, vodenkok@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5283-0466

Аннотация. Целью статьи является концептуализация понятия «культурная безопасность» в молодежной среде Юга России с учетом специфики поликультурного региона. Обосновывается многомерный конструкт исследования, в основе которого актуализированы принципы социоконструктивистского и социокультурного подходов, включающие положение неоинституционализма и социального интеракционизма. Важным результатом проведенного исследования являются обоснование культурной безопасности в молодежной среде Юга России как состояния «единства в разнообразии», выработка общего контура действия молодежи на основе интегративных культурных ценностей, включающих допустимые в контексте социальных и культурных рисков различия. Делается вывод о том, что приоритетом культурной безопасности является достижение синтеза культурной традиции и культурной инновации в молодежных субкультурах. Перспективу исследования составляет поиск оптимальных способов культурной безопасности в молодежной среде Юга России на основе актуализации модели культурной безопасности, представленной в исследовании и в качестве ее следствий (имплементаций) – выработка возможностей для сотрудничества общества, властных структур и молодежных организаций в направлении стабильности культурно-духовной сферы Юга России.
Ключевые слова: культурная безопасность, Юг России, поликультурный регион, молодежь, толерантность, традиция, инновация, субкультуры

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Для цитирования: *Воденко К. В.* Теория и методология исследования культурной безопасности молодежи Юга России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 90–97. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-90-97

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The theory and methodology of the safety cultural study of the young people in the South of Russia

K. V. Vodenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), 132 Prosveshcheniya St., Novocherkassk 346428, Rostov region, Russia

Konstantin V. Vodenko, vodenkok@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5283-0466

Abstract. The article aims at defining the concept of cultural security in the youth environment of the South of Russia and taking into account the specifics of the multicultural region. The methodology substantiates the multidimensional research construct, which is based on the actualized principles of socio-constructivist and socio-cultural approaches including the position of neo-institutionalism and social interactionism. The important result of the conducted research is the justification of cultural security in the youth environment of the South of Russia as the state of "unity in diversity", the development of a common contour of youth action based on integrative cultural values, including permissible differences in the context of social and cultural risks. It is concluded, that the priority of cultural security is to achieve the synthesis of cultural tradition and cultural innovation in youth subcultures. The perspective of the research is the search for optimal ways of cultural security in the youth environment of the South of Russia based on the actualization of the model of cultural security presented in the study and as its consequences (implementations), the development of opportunities for cooperation between society, government structures and youth organizations in the direction of the stability of the cultural and spiritual sphere of the South of Russia.
Keywords: cultural security, South of Russia, multicultural region, youth, tolerance, tradition, innovation, subcultures

© *Воденко К. В., 2022*

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of grant by the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – Doctors of Sciences (MD-1493.2020.6) on the topic "The Resource of Historical Memory in the System of Institutional Parameters of Social-Investment Development and Ensuring the Cultural Security of the Region".

For citation: Vodenko K. V. The theory and methodology of the safety cultural study of the young people in the South of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 90–97 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-90-97

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Культурная безопасность в российском обществе является инновационным понятием, так как объективно «безопасность» традиционно ассоциировалась с геополитическим, социально-политическим, социально-экономическим измерением. По поводу понятия «культурная безопасность» есть возражение, так как состояние безопасности является совместной сферой жизнедеятельности общества и государства, и в этом смысле термин «культурная безопасность» может вызвать отторжение у оппонентов, которые в своей интерпретации приписывают данному понятию легитимацию, вмешательство, контроль, регулирование со стороны государства духовно-культурной сферы общества[1].

С другой стороны, культурная безопасность может быть не принята по причине того, что в российском обществе сильна традиция понимания духовности и культуры как сфер высоких мыслей и идеалов, что имеет в качестве следствия сбережение духовности, а культурная безопасность понимается как сфера политики государства, условием которой является укрепление на уровне культуры общества традиции духовности[2].

Таким образом, для концептуального осмысления понятия «культурная безопасность» есть предопределенные сложности на уровне стереотипов научного мышления и хабитуализации, опривычивания понятий «культура», «духовность», «безопасность в обществе». К тому же зарубежные исследования по проблемам культурной безопасности в основном конъюнктурны, определяются декларированием рисков гибридной войны, информационного манипулирования и опасений по поводу того, что сфера культурной безопасности является аргументом авторитарности.

В рамках нашего исследования мы ориентируемся на понимание безопасности молодежи в региональном контексте, что является позицией регионализации культурной безопасности, осмысления того, что общероссийское региональное пространство содержит тенденцию культурной разнородности. Данное обстоятельство, собственно, маркирует региональные локальные сообщества в качестве совокупности исторически актуально сложившихся культурных смыслов, значений и ценностей, динамику культурно-локальных идентичностей, осмысления культурной безопасности как границ, в рамках которых культурные различия дифференцируют регионы, что выражается в формуле «единство многообразия»[3].

Актуальность проблемы исследования очевидна по причине того, что в нынешней ситуации требуется конструирование социокультурного портрета региона, чтобы культурная безопасность рассматривалась без отрыва от конкретных культурных реальностей. Здесь следует подчеркнуть, что культурная безопасность концептуализируется как интегративность универсального и особенного и, следовательно, основывается на логике объективного и субъективного смыслов[4]. Привычным является понимание объективизма и субъективизма как традиционного методологического раздела науки об обществе человека. Однако есть аргументация в пользу того, что культурная безопасность – феномен, требующий разностороннего объяснения, понимается и анализируется в рамках культурной безопасности как объективной реальности, как состояния общества в целом и региона в частности, отражающих параметры порядка, стабильности, взаимопонимания. Субъективное измерение культурной безопасности в региональном пространстве характеризуется выработкой политики в сфере культуры и ее сочетанием или парадоксальностью по отношению к образам и стереотипам культуры, массовым настроениям общества. Таким образом, в условиях современной России важно понять культурную безопасность как концепт, ориентированный на сбалансированность традиции и инновации в региональном пространстве, становление механизмов предотвращения культурной деградации и использование культуры в целях дестабилизации общерегионального пространства и стимулирования различных форм этносепаризма и регионального сепаратизма.

Такое емкое понятие, как «культурная безопасность молодежи», по существу, основывается на принятии схем структурно-функционального социально-конструктивистского социокультурного подхода. Это соответствует заявленной логике исследования, так как, описывая актуальность проблемы, мы должны руководствоваться тем, что разные интерпретации культурной безопасности определяются не только самостоятельностью исследовательских подходов, но и тем, что само понятие недостаточно концептуализировано. История утопий как

объекта интеллектуального творчества показывает, что есть определенная грань между научным понятием и иллюзорным конструктом, и, по существу, чтобы исключить риск псевдонаучности, мы придерживаемся многомерного междисциплинарного подхода, снижающего риск моносхемности в анализе культурной безопасности.

Выбор в качестве субъекта исследования молодежи определяется тем очевидным фактом, что культурная безопасность в российском обществе выражает, с одной стороны, тревоги и ожидания общества относительно позиции молодежи как группы социального воспроизводства и социального развития, ориентированной на определенные культурно-ценностные позиции и стратегии; с другой – осознание культурной неоднородности регионального пространства, в котором молодежь является носителем и общерегиональных традиций, и субкультур, особенно в условиях размытости регионального пространства. Заявляя в качестве параметра исследования Юг России, мы имеем в виду не предельно географическое понятие, а интерпретацию межрегионального пространства, которое интегрировано по политическим, геологическим и отчасти природно-климатическим параметрам, но разнородно по этнокультурным, культурно-сословным, культурно-локальным компонентам[5].

Есть вполне обоснованные опасения относительно абстрактности вносимого в контексте Юга России положения о культурной безопасности. Исследовательская ситуация также осложняется тем, что введение молодежи в качестве субъекта культурной безопасности противоречит схеме объективации, отнесения молодежи к объекту культурной безопасности, но, придерживаясь логике исследования, итеративности объективного и субъективного, мы определяем совокупность исследовательских категорий, в которых ключевым является понятие культурной безопасности как комплементарной, взаимодополнительной. Отсюда в рациональном остатке мы имеем дело с не с самим результатом деятельности в сфере культурной безопасности, а с процессом ее генерирования с тем, кто «производит» культурную безопасность, – субъектом. Центр тяжести, таким образом, ложится на интерсубъектные отношения, которые могут быть объяснены в рамках уже отмеченных подходов. Социальный конструктивизм является необходимым исследовательским звеном, так как отражает «игру исследовательского воображения», требования контекстуальности, всесторонности и презентативности.

Концептуально культурная безопасность в региональном пространстве – это структурированный мир социальных значений, выступающих в форме схем об объектах, и события жизни региона. Поэтому логично говорить о действии механизмов классификации культурного мира, явлений, которые нейтральны по отношению к состоянию культурной безопасности, рискогенны или транзитивны (промежуточны)[6]. В этом смысле культурная безопасность, исходя из принципа релевантности, соотносит реальные культурные события и факты с тем, что является объективированным состоянием культуры.

Актуальный опыт поисков может подтверждать или не подтверждать репрезентирующие феномены культурной жизни, которые обладают важными характеристиками для значимого переживания. Для молодежи часто свойственны ее «недоумения» относительно того, что безобидные или нейтральные культурные формы могут восприниматься на уровне культурной безопасности как содержащие угрозу морально-психологическому состоянию общества. Социально-когнитивной предпосылкой культурной безопасности в таком контексте становится рефлексия (размышления) о соотносимости культурной безопасности с возможностями междисциплинарного подхода, допустим, совмещения пространственных параметров культуры и ее социально-субъектных (в данном контексте) молодежных значений.

Отмеченные особенности выявляют универсальность понимания культурной безопасности по отношению к локальным объективным реальностям, т. е. культурный объект может вызывать отторжение или тревогу, но, по существу, может содержать деструктивное влияние на культурную безопасность. Эта закономерность проявляется на уровне молодежи, ориентированной на демонстративные субкультуры. В режиме диалога с региональным сообществом формируется социокультурная реальность, в которой выработка знания о молодежи в региональном пространстве основывается на наборе конкретных культурных ситуаций, избегая клиширования «другие», «чужие», «непонятные».

Таким образом, актуализируется правило «воображения», которое выражает наиболее существенные методологические аспекты классической и неклассической социологической мысли. Конкретизируя это положение, мы можем говорить о том, что культурная безопасность на Юге России характеризуется необходимостью концептуальных и инструментальных разработок. Имея в виду два типа рационального действия, мы можем говорить о том, что в данном контексте уместно и понятие, выделенное М. Вебером[7], – ценностной рациональности, поскольку культурная безопасность определяет состояние культурно-духовной жизни общества в рамках стабильности / нестабильности / кризиса развития / турбулентности / целенаправленности.

Сегодня Юг России не воспринимается как географическое или территориальное понятие, в рамках концептуального абстрагирования мы ставим целью рассматривать Юг России в качестве модели культурной безопасности, так как в данном региональном пространстве проявляются инвариантные параметры культурной безопасности для российского общерегионального пространства. Дело в том, что Юг России, в отличие от регионов «средней полосы», является традиционно поликультурным, несмотря на негативные социально-демографические изменения, связанные с сокращением численности русского и русскоязычного населения, с политикой этнизации и коренизации в отдельных этнорегиональных образованиях (самостоятельного изучения требует ситуация в Карачаево-Черкессии). Мы можем говорить о том, что Юг России остается российским пограничьем, рубежом не только политического свойства, но и определенных культурных параметров.

Несмотря на то что в массовом сознании населения не редким стало выраженное размежевание России и региональных образований, следует обратить внимание на то, что стереотипы «туристы из России, приезжие из России» часто отражают факт, связанный с указанием на русскоязычные области России, и в этом смысле «российский» находит выражение и в общественном дискурсе являясь тождественным смыслу «русский». Очевидно, что на современном этапе массовых настроений не наблюдается разделения российского и русского как гражданско-политического и этнокультурного маркеров. Российская национальная политика основана на ядерном статусе русской культуры и русского языка. Это не нуждается в особых правовых поправках, как этого требуют политики, разыгрывающие национальную карту. История Юга России очевидным образом показывает, что в региональном пространстве выработался опыт совместного проживания и осознания общей судьбы. Попытки разыграть этнонациональную или этноконфесиональную карту в большей степени объясняется стремлением зарубежных государств иметь инструменты влияния на внутреннюю политику в регионе. В частности, можно говорить о том, что при содействии Грузии постоянно будировался так называемый «адыгский вопрос» со стороны США и их союзников. Также отдельного внимания заслуживают попытки Турции целенаправленным воздействием на политику и культуру туркоязычных этнических групп в регионе создать зоны собственного влияния, внедрять на практике принципы «нового османизма», вызывающего неоднозначную реакцию со стороны общества в самой Турции. Здесь, по сравнению с адыгским вопросом, где очевиден провал, есть необходимость оценивать перспективы культурного отделения региона, превращения в зону турецкого влияния, как это видно на примере Азербайджана.

В связи с проблемой концептуализации культурной безопасности на Юге России как поликультурном образовании постоянно возникает вопрос о границах применения наработанных социальной мыслью и теорией культуры подходов, так как само понятие «культурная безопасность» испытывает «полиморфизм» понятий, объекты и явления, относящиеся к культурной безопасности Юга России, не могут ограничиться чувственным восприятием (эмоциями) или реализацией определенных представлений. Вероятно, здесь не уместна концепция «органических метафор», которая акцентирует внимание на фактах по аналогии «с геометрией». Вероятно, следует исходить из того факта, что Юг России, являясь поликультурным образованием, требует принятия разнообразных форм, в которых находит отражение социальная, культурная и духовная жизни региона. Здесь уместно определиться с тем, что относится к культурно-историческому наследию и культурным инновациям, поскольку данная проблема имеет непосредственное отношение к культурной безопасности, где актуальным является нахождение баланса между критикой и нейтрализацией деструктивной архаики и изменений, вносящих конфликтность в пространственно-социальное взаимодействие региона.

Разумеется, общие фразы о том, что правило социологического воображения учит толерантности и направлено против догматизма и эгоцентризма, в принципе, являясь верными с позиции отклонения методологических крайностей, обязывают понимать факты и события, относимые к культурной безопасности через преодоление «хаоса событий» и выхода на понимание внутренних и внешних вызовов, которые содержатся в культурных ситуациях внешне дистанцированных от социальных и политических реалий Юга России. Таким образом, следует отметить, что методология исследования включает классические и неклассические способы анализа и интерпретации культурной безопасности Юга России, основываясь на социологическом конструктивизме, который, по выражению П. Бергера и Т. Лукмана, открывает горизонты понимания связи между культурной безопасностью и объективированными значениями социальной жизни, где актуализируются рутинизация и тревиализация знаковых состояний культурной безопасности в форме принятого характера и ее институциональных значений[8].

Методологический выбор, ориентированный на исследование культурной безопасности

Юга России, обязывает нас включить социальный аппарат как необходимое условие оценки культурной безопасности. Это означает, что мы устанавливаем, согласно методологии социального конструктивизма, определенные смысловые полууниверсумы, т. е. отношения между событиями и фактами культурной безопасности как имеющей внутреннюю логику, но при этом сохраняющей разнообразие. Действительно, в культурном пространстве Юга России в ранний постсоветский период возникла принципиально новая ситуация с культурной безопасностью, когда, с одной стороны, было вполне объяснимо возращение к историческим истокам, освобождение от «наследия репрессий и депортаций», но с другой, формировалась зона культурных рисков, связанных с конфликтностью культурных форм, с опасностью диктата культурной стилистики, особенно в этноконфессиональной сфере, и реализацией принципа «толерантности без границ».

События того периода определялись вызовами этнического и регионального сепаратизма, утверждением этнократии и своенравия региональных элит. Однако не следует забывать, что идеологический импульс данных процессов был дан в сфере культуры местными интеллектуальными элитами, ориентированными на этнобизнес или региональное «прожектерство». При этом ситуация, связанная с центробежными процессами, не оставляла ресурсов и внимания в сфере культурной безопасности, так как властные институты и в центре, и в регионе оказались в одинаковой степени растерянными и надеялись на процессы политического и экономического урегулирования, но активная деятельность и интеллектуальных элит, ориентированных на политику «самобытности», показывала (и до сих пор показывает), что культурная безопасность на Юге России является системной проблемой.

Исследование культурной безопасности молодежи определяется трендами ее становления и развития в традиционных или новых формах, где наблюдается активация культурных реалий, легитимация их предопределенности по критериям наследия и опыта. Это связанно с тем, что реально культурная ситуация является продолжением «прошлого», когда субъекты культуры застают культурные традиции и культурные формы как сложившиеся, как условия актуальной культурной деятельности. Действительно, если обратиться к социальному анализу, культурные изменения на Юге России определялись реконструкцией традиций[9]. Как это мы видим на примере казачества, которое стало группой делегирования интересов, т. е. совокупностью действий индивидов, ориентированных на казачество как формулу «успеха», накопления социального и культурного капиталов. Обращенность к сфере культуры не является самостоятельной, так как направлена на легитимацию социальных и политических претензий и ожиданий, поэтому парадоксально, что казачество на Юге России не является инициатором и участником поддержки казачьей культуры, ограничивается наследованными от советского периода формами хорового и танцевального искусства, но слабо работает с казачьей молодежью, с инициативами, связанными с приданием казачьей культуре интеграции современными культурными формами, как «фолк», «рок», «рэп». Отсюда представители казачества часто воспринимаются как ревнители старины и духовного здоровья молодежи, в контексте деструктивных оценок – как люди, не разбирающиеся в тенденциях современной культуры, спекулирующих на традиции и, самое неприятное, требующие от властных структур вмешательства в культурную жизнь Юга России, ее регулирование на основе принимаемых официальным казачеством особенностей культуры[10]. Но здесь возникает конфликт двойственного назначения, который является вызовом культурной безопасности Юга России: формируется зона отчуждения актуальных культурных форм, и, таким образом, исчезают возможности консолидированного подхода к проблемам культурной безопасности, установлению договорных отношений в определении того, что является разнообразием в культуре, а что является «антикультурным».

Проблема выявляется в том, что в контексте поликультурности Юга России принятие и одобрение «терпимости», по выражению М. Уолцера, есть позитивное безразличие к разнообразию. Она не срабатывает по той причине, что в российском обществе в целом и на Юге России в частности сформировалось несколько иное понимание толерантности, связанное с тем, что специфика толерантности в России, как отмечал еще русский философ Вл. Соловьев, – толерантность не по либеральной версии – является коллективным стремлением народов к объединению в единый социокультурный организм[11]. Если же перевести данное положение на язык нашего исследования, то характерным являются три принципиальных момента. Во-первых, в современном российском обществе в определенной степени утеряна коллективистская религиозная установка на толерантность в контексте длительного периода атеизации и изменений, определяемых сокращением слоя «воцерковленных» россиян. Во-вторых, это является следствием того, что Юг России, если исходить из культурно-исторического контекста, характеризовался сочетанием периодов недоверия между народами, основываясь на опыте вхождения народов Кавказа в состав России, и в то же время выработкой культурно-

исторических компромиссов, ориентированных на сотрудничество «коренных» и «не коренных» в силу сложившихся объективных обстоятельств того, что соседей не выбирают и любые войны заканчиваются миром. В-третьих, в современных условиях, когда молодежь на Юге России находится под влиянием социальных рисков в сфере жизненных перспектив, есть повод говорить о том, что постлиберальная трактовка либеральности, которая пропагандируется в зарубежной (европейской) молодежной среде, не может проявляться на Юге России кроме как в качестве маргинального явления. Основная масса молодежи ориентируется на выработку формулы адаптации, и в этом смысле культура является подчинением жизненному укладу.

Другими словами, если определить сферу культурной безопасности в молодежной среде, то, как отмечалось выше, важный момент состоит в предотвращении радикализма и экстремизма в попытке под видом молодежных субкультур реализовать антисистемную политику и в не меньшей степени защищать состояние мира, свойственное сложившимся социальным и этническим отношениям. Молодежь не является особой группой, которая претендует на новую формулу культуры, и поскольку молодежная среда культурно неоднородна, обоснованно отметить, что для молодых жителей Юга России смысловой доминантой культуры является дистанцированность от «забюрократизированности» и «заорганизованности» и в качестве стратегической перспектив – внедрение ценностей интегративного общероссийского содержания[12].

На практике, однако, следует признать реальность аморфных образов культуры, которые являются таковыми потому, что для большинства молодых жителей Юга России культура не является основной доминантой формирования жизненной стратегией. В данном контексте, если говорить об интегративных ценностях, это иное состояние общества, основанное на признании социальных и культурных прав на коллективном, индивидуальном уровне и возможностей через культуру, ее средства и формы выражать свою социальную позицию, но в молодежной среде проявляется интерес к формальной оболочке культурных ценностей, если делать акцент на культурные традиции. Нынешняя волна интереса части молодежи к религиозным традициям на уровне дресс-кода, посещения церкви или мечети, по существу, является обоснованием культурного стиля, а так как, повторимся, постлиберальные ценности не работают среди основной части молодежи Юга России, то выбор в сфере культуры определяется уже сложившимися или имеющими актуальное социальное содержание формами.

Это нормальное явление, которое не выходит за допустимые пределы культурной безопасности, но здесь принципиально важно понять, что в принятых позициях есть риск их радикализации, использования имитационного эффекта культуры для перехода в состояние социальной агрессивности и культурной замкнутости[13]. Это может выражаться и на семейном, межличностном уровне и в сфере коллективных действий. В частности, для Юга России характерен конфликт между «новым христианством» (религиозное сектантство) и традиционным православием, когда молодежь ориентируется не на официальный религиозный дискурс, полагая, что православная церковь в основном выполняет задачу лояльности государству. Также проявляется ограниченность действия традиционного ислама, который сформировался еще в период атеизации и может восприниматься занятой поиском смысловых констант молодежи как истины, содержащей компромиссы и уступки, которые нарушают религиозно-кораническую традицию.

В этом контексте приоритеты культурной безопасности на Юге России могут изменяться, не отклоняясь от основной цели поддержания социального и межнационального мира, но изменения определяются актуализацией культуры в качестве символического капитала личности или групп, учитывая, что личностный капитал является, по традиции, индивидуальным выбором и закрепляет социальный статус личности. В молодежной среде доминирует установка на коллективизм, который является не воспроизведением советского опыта интеграции молодежи, а альтернативой воспроизведению массовых форм культуры. Очевидно, что здесь и кроется проблема соотнесения культурной безопасности и культурного самовыражения и творчества. В условиях переноса активности молодежи в интернет-пространство задача культурной безопасности осложняется не только тем, что мы называем профессиональным владением информационными технологиями, но и мониторингом языка коммуникации молодежи, пониманием того, что молодежь Юга России может быть условна разделена на тех, кто погружен в Интернет с целью получения культурного информационного ресурса, и тех, кто, не владея информационными технологиями, способен выработать собственные культурные стили, не ставящие ее в зависимость от старших поколений[14].

Подводя итоги и следуя логике исследования, теоретически обоснованным представляется актуальность разработки концепции культурной безопасности в молодежной среде Юга России, исходя, во-первых, из сложившихся социкультурных реалий сочетания традиции и инновации, коллективистских форм культуры и

субкультур. Во-вторых, Юг России имеет особенность в том, что культурные формы являются наиболее актуализируемыми в выражении социальных настроений, и, следовательно, культурное состояние молодежной среды содержит индикаторы социальной безопасности. Основываясь на том, что социальная безопасность есть состояние нейтрализации блокирования деструктивных социальных диспропорций, которые не только проецируются на молодежную культурную среду, но и могут стимулировать радикализацию молодежи через культуру (в частности, формирование деструктивных демонстративных идентичностей или мода на конфликт поколений или «неповиновение власти»), речь идет о том, что состояние культурной безопасности на Юге России является коррелирующим социальным порядком. Социальный «хаос» раннего постсоветского периода характеризовался распространением агрессивных форм культурного самовыражения определенной части молодежи. В нынешних условиях, когда социальное противоречие получает импульс в контексте не полного или паллиативного решения социальных вопросов. следует исходить из того, что на настроения молодежи могут не влиять приемы социального миротворения, ориентированные на старшие поколения. В контексте того, что молодежь Юга России привязана к старшим поколениям по социальным, экономическим и ментальным настроениям, если сравнивать с молодежью других регионов России, здесь формируется акцент на понимание рисков и следствий стремления молодежи повысить свой социальный статус через закрепление традиционных ценностей (особенно в конфессиональной сфере и на поведенческом уровне) или представить молодежные субкультуры, которые, как мы выявили, разнонаправлены в качестве инструмента повышения социального престижа молодежи.

Иными словами, культурная безопасность в молодежной среде Юга России принимает актуальные формы, так как именно в сфере культуры могут формироваться позитивные или деструктивные формы жизнедеятельности молодежи, поэтому методология исследования феномена культурной безопасности определяется характером ее концептуализации. Для нас обоснованным представляется понимание культурной безопасности в молодежной среде Юга России как состояния культурно-духовной сферы, обладающей потенциалом противодействия рисков радикализации экстремизма в молодежной среде и в этом смысле ориентированной на понимание глубинного и качественного содержания культурных сдвигов, соглашаясь с тем, что культура включает показатели сознания, поведения и среды.

Особо отметим, что культурная безопасность молодежи Юга России как поликультурного региона включает три уровня: предметное измерение, когда речь идет о сфере молодежной культуры; темпоральная связь с прошлым и будущим и как нахождение смыслов действия молодежи и социальная, связанная с деятельно-ценностной мотивацией молодежи в сфере социальной жизнедеятельности. Здесь важно основываться на том, что концепт культурной безопасности определяет перспективы пересечения культурных смыслов субъектов Юга России. Если принимать во внимание риски культурных конфликтов, которые могут проявляться латентно в качестве недоверия между поколениями или в самой моложеной среде, актуально придерживаться позиции, что если культура, а не национальность и гражданство, определяет смысл действия молодежи, то проявляется «двойственность» культурной безопасности: с одной стороны, предотвращение смысла утраты жизни, которая может быть заполнена диструктивизмом, и понимание качества и полноты культурных форм в молодежной среде для осознания ответственности не только власти, но и регионального сообщества за судьбы молодежи и поддержки активно-преобразующих стратегий, формируемых в молодежной среде Юга России.

Примечания

1 См.: Пути России. Альтернатива общественного развития, 2.0 : сб. ст. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой, А. Ф. Филиппова. Т. XX. М. : Новое литературное обозрение, 2015.

2 См.: *Великая Н. М., Шушпанова И. С.* Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29–40. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40

3 См.: *Ильинская С. Г.* Толерантность. М. : Праксис, 2007.

4 См.: Проблемы теоретической социологии / под ред. А. О. Бороноева. СПб. : Астерион, 2016. Вып. 11

5 См.: *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020.

6 См.: Национальная политика в России : возможность имплементации зарубежного опыта / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, В. П. Войтенко [и др.] ; отв. ред. Ю. Г. Волков. М. : Социально-гуманитарные знания, 2016.

7 См.: *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994.

8 См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности М. : Academia-Центр, 1995.

9 См.: *Воденко К. В., Иванченко О. С., Лобадзе О. Е., Тихоновскова М. П.* Роль ресурса исторической памяти

в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодёжи Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 6–20. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20

[10] См.: *Ионин Л. Г.* Социология культуры. М. : Логос, 1998.

[11] См.: *Уолцер М.* О терпимости / пер. И. Мюрнберг ; общ. науч. ред. М. А. Абрамов. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000.

[12] См.: *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2001.

[13] См.: *Гурба В. Н.* Терроризм в российском региональном пространстве : особенности восприятия и оценки в региональном социуме // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 4. С. 6–16. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-6-16

[14] См.: *Верминенко Ю. В., Ершов Н. В.* Культурная безопасность общества и государства и ее основные угрозы // Управленческое консультирование. 2017. № 12. С. 111–119. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-12-111-119

Поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 09.12.2021
The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 09.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 98–100
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 98–100
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-98-100

Научная статья
УДК 614.2

Характеристика сельского здравоохранения в современной России

М. Г. Еремина

Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Еремина Мария Геннадьевна, кандидат медицинских наук, доцент, соискатель кафедры общественного здоровья и здравоохранения, 913693@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9752-1352

Аннотация. В большинстве стран существуют проблемы с организацией медицинской помощи населению, проживающему на сельских территориях. Результаты российских и зарубежных исследований фиксируют различия в доступности медицинской помощи для сельского и городского населения. Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает, что повышение доступности и качества медицинской помощи сельскому населению должно реализовываться в рамках комплексных программ, учитывающих уровень социально-экономического развития региона, инфраструктурные особенности и ресурсное обеспечение организаций здравоохранения на сельских территориях.

Ключевые слова: сельские территории, система здравоохранения, сельское население, качество и доступность медицинской помощи

Для цитирования: *Еремина М. Г.* Характеристика сельского здравоохранения в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 98–100. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-98-100

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The characteristics of rural health care in modern Russia

M. G. Eremina

V. I. Razumovsky Saratov State Medical University, 112 Bolshaya Kazachia St., Saratov 410012, Russia

Maria G. Eremina, 913693@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9752-1352

Abstract. The problems of medical care organization for the population living in rural areas exist in most countries. The results of Russian and foreign studies show the differences in the availability of medical care for rural and urban populations. The analysis of foreign and domestic sources shows, that increasing the availability and quality of medical care for the rural population must be implemented within the framework of comprehensive programs taking into account the region's level of socio-economic development and infrastructural features and resource provision of healthcare organizations in rural areas.

Keywords: rural areas, health care system, rural population, quality and accessibility of medical care

For citation: Eremina M. G. The characteristics of rural health care in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 98–100 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-98-100

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сельское здравоохранение является сравнительно автономной социальной практикой, инертность которой обусловлена территориальной отдаленностью, невысокими объемами финансирования, дефицитом кадров, низким уровнем жизни сельского населения, традициями жизненного уклада и определенным консерватизмом жизненных установок сельского населения Проблемы с организацией медицинской и лекарственной помощи населению, проживающему в отдаленных районах, имеются в большинстве стран. Результаты зарубежных исследований фиксируют различия в доступности медицинской помощи для сельского и городского населения[1].

М. Г. Полухина[2] характеризует сельскую медицину в России как ограниченно доступную и низкоэффективную. С каждым годом усугубляется проблема несопоставимости уровня доступности медицинской помощи в сельских и городских медицинских организациях.

Сельские территории России постоянно испытывают дефицит качественных медицинских услуг, что во многом объясняется недофинанси-

© *Еремина М. Г., 2022*

рованием системы здравоохранения в последние десятилетия и тенденциями к «оптимизации» сельских медицинских организаций, отставанием их материальной базы[3]. В. Л. Шабанов отмечает «меньшую физическую доступность здравоохранения в сельской местности»[4].

Если, как замечает Н. А. Вялых[5], доступность медицинской помощи коррелирует с социально-статусными и демографическими параметрами, то можно говорить о появлении нового типа стратификационного деления общества.

Проблемы оказания медицинской помощи сельскому населению заключаются в неравномерном характере расселения сельских жителей, достаточно большом радиусе медицинского обслуживания, специфике условий сельскохозяйственного труда и быта и др. Д. Ф. Хазиев[6] указывает на незначительное количество населения, проживающего на достаточно большой территории, преобладание среди сельских жителей неработающих и пенсионеров, отсутствие возможности полной реализации права выбора медицинской организации.

В течение последних десятилетий сохраняются особенности обращаемости сельского населения в медицинские организации, которая, по мнению А. К. Каширина[7], во многом определяется доступностью медицинской помощи, качеством ее оказания, наличием тех или иных специалистов, социально-экономическими факторами, составом населения и многими другими факторами.

В сельских районах преобладают маломощные медицинские организации, которые значительно удалены друг от друга. Дефицит санитарного транспорта, неудовлетворительное состояние транспортных коммуникаций и большой радиус обслуживания населенных пунктов ограничивают посещения больных на дому. Возникают большие сложности в обеспечении преемственности амбулаторного и стационарного этапов[8].

В сельских медицинских организациях существует значительный дефицит врачей первичного звена при избытке врачей-специалистов, при этом недостаточно врачей и средних медицинских работников, подготовленных к профилактической работе. Профессиональная квалификация медицинских кадров в сельском здравоохранении часто недостаточна, низким является уровень диагностики и лечения больных[9].

Н. В. Юргель и М. Ю. Хубиева[10] отмечают низкую укомплектованность кадрами медицинских организаций сельского здравоохранения, недостаточную квалификацию специалистов. Обеспеченность врачебным и средним медицинским персоналом на душу населения в сельской местности на 40% ниже среднероссийских значений[11].

По мнению В. И. Руженского[12], недостаточная обеспеченность врачами и низкая укомплектованность медицинскими кадрами определяют ограничение доступности медицинской помощи сельским жителям, при этом первичная медицинская помощь зачастую является начальным и конечным этапом лечения. Автор высказывает обеспокоенность в связи с тенденцией последних лет сокращения коечной мощности центральных районных больниц, что не может не привести к снижению доступности медицинской помощи. Специализированная стационарная помощь на сельских территориях все больше смещается в областные медицинские организации.

Значительная часть населения, по мнению Н. К. Гусевой и соавт.[13], предпочитает «не обращаться за медицинской помощью в амбулаторию или на ФАП в связи с их слабыми ресурсными возможностями».

В связи с концентрацией специализированных видов помощи и новейших медицинских технологий в крупных медицинских организациях (на вышестоящих уровнях организации медицинской помощи), по мнению Э. Н. Матвеева и соавт.[14], углубляется разрыв в качественных показателях стационарной помощи населению, проживающему в крупных городах, и жителям небольших городских поселений и сельских территорий.

М. В. Еругина и соавт.[15] определяют две группы основных факторов, влияющих на доступность медицинской помощи сельскому населению: одна группа связана с особенностями расселения на определенной территории, транспортной доступностью, особенностями сельского быта, другая – с особенностями организации медицинской помощи, обусловленными указанными факторами, недостаточным ресурсным обеспечением организаций здравоохранения.

Анализ отечественной литературы подтверждает актуальность проблемы доступности медицинской помощи и обусловливает необходимость поиска современных организационных решений проблемы минимизации рисков доступности медицинской помощи сельскому населению.

Примечания

1 См.: *Chen X., Orom H., Orom H., Hay J. L., Waters E. A., Schofield E., Li Y., Kiviniemi M. T.* Differences in Rural and Urban Health Information Access and Use // Journal of Rural Health. 2019. Vol. 35, iss. 3. P. 405–417. https://doi.org/10.1111/jrh.12335

2 См.: *Полухина М. Г.* Формирование доступности медицинского обслуживания на селе как ключевого элемента устойчивого развития // Региональная экономика : теория и практика. 2019. Т. 17, № 2. С. 308–330. https://doi.org/10.24891/re.17.2.308

[3] См.: *Балашова Н. Н., Коробейников Д. А., Попова С. А.* Интегральная оценка социально-экономического развития сельских территорий с учетом различий в плотности населения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2020. № 10. С. 76–83. https://doi.org/10.31442/0235-2494-2020-0-10-76-83

[4] *Шабанов В. Л.* Качество жизни сельского и городского населения России : сравнительный анализ отдельных аспектов // Теория и практика общественного развития. 2020. № 10 (152). С. 16.

[5] См.: *Вялых Н. А.* Теоретические предпосылки социологического анализа потребления медицинской помощи // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 1. С. 46–65. https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.1.1250

[6] См.: *Хазиев Д. Ф.* Здоровье сельского населения и основные направления его улучшения на примере Мамадышского района // Общественное здоровье и здравоохранение. 2008. № 1. С. 30–31.

[7] См.: *Каширин А. К.* Обращаемость сельского населения за медицинской помощью : территориальный аспект // Аспирантский вестник Поволжья. Медицина. 2015. № 1–2. С. 233–239. https://doi.org/10.17816/2072-2354.2015.0.1-2.233-239

[8] См.: *Курманалиев Э. И., Мейтиев Ф. Ж.* Пути развития сельского здравоохранения в современных условиях // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2017. № 2. С. 53–57.

[9] Там же.

[10] См.: *Юргель Н. В., Хубиева М. Ю.* Вопросы повышения качества и доступности медицинской помощи сельскому населению // Вестник Росздравнадзора. 2008. № 2. С. 39–42.

[11] См.: *Балашова Н. Н., Коробейников Д. А., Попова С. А.* Указ. соч.

[12] См.: *Руженский В. И.* Роль медицинского обслуживания в укреплении социального здоровья сельского населения // Охрана социального здоровья сельского населения : сб. материалов конференции (Иваново, 8–10 июня 2017 г.). Иваново : ПресСто, 2017. С. 122–126.

[13] *Гусева Н. К., Доютова М. В., Соколов В. А., Соколова И. А.* Современные проблемы организации медицинской помощи сельскому населению // Медицинский альманах. 2015. № 3 (38). С. 12.

[14] См.: *Матвеев Э. Н., Леонов С. А., Сон И. М.* Предпосылки и пути комплексной реструктуризации сети учреждений здравоохранения на региональном уровне // Социальные аспекты здоровья населения. 2008. Т. 5, № 1. С. 2.

[15] См.: *Еругина М. В., Кром И. Л., Ермолаева О. В., Ковалев Е. П., Бочкарева Г. Н.* Современные проблемы организации медицинской помощи сельскому населению // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. С. 76.

Поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 10.12.2021
The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 10.12.2021

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp.101–107
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107

Научная статья
УДК 32.019.3

Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс)

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4277-0372

Аннотация. В статье рассмотрены результаты социологического опроса по проблематике образа будущего в представлениях молодежи, проведенного в 2021 г. в Саратовской области. На основе анализа полученных материалов выявлено значение ценностно-идеологического фактора в формировании различных представлений желаемого образа политического и социально-экономического развития страны. Сделан вывод о том, что, несмотря на доминирование оппозиционных настроений в отношении действующего политического режима, подавляющая часть региональных представителей российской молодежи продемонстрировали свою склонность к эволюционному преобразованию политического и социально-экономического устройства страны и к легитимным методам практического воплощения своих представлений о будущем России.

Ключевые слова: молодежь, политические ценности молодежи, политические идеологии, образ будущего, политическое участие, социальные риски

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 21-011-31176 «Образ будущего как фактор политического участия современной российской молодежи (региональный кейс)»).

Для цитирования: *Вилков А. А.* Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 101–107. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (Regional case)

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4277-0372

Abstract. The article considers results of social survey on the problems of the image of the future in the views of young people, conducted in 2021 in the Saratov region. Based on the analysis of

© *Вилков А. А., 2022*

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

the materials obtained, the importance of the value and ideological factor in the formation of various representations of the desired image of the political, social, and economic development of the country is revealed. The author concludes that, despite the dominance of oppositional sentiments towards the current political regime, the overwhelming majority of regional representatives of Russian youth have demonstrated their propensity for evolutionary transformation of the political, social and economic structure of the country and for legitimate methods of practical implementation of their ideas about Russia's future.

Keywords: youth, political values of youth, political ideologies, image of the future, political participation, social risks

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 21-011-31176 "The image of the future as a factor of political participation of modern Russian youth (Regional case)").

For citation: Vilkov A. A. Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (Regional case). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 101–107 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема идеологической мотивации политического участия современной российской молодежи является одной из актуальных и научно значимых. Обусловлено это тем, что именно идеология системно включает в себя ту совокупность мировоззренческих основ, от которой зависят важнейшие характеристики политической культуры индивида – отношение к историческому наследию страны, восприятие ее настоящего состояния и соответствующая оценка перспектив будущего развития. Каждый из этих элементов политической культуры имеет свою собственную содержательную структуру, но объединяет их то, что они выступают важнейшими факторами политической идентификации каждого конкретного индивида. Именно на базе политической идентичности гражданина формируются его отношение к государству и важнейшим демократическим институтам, характер, формы, осознанность и степень активности политического участия.

Особенно важным видится выявление ценностно-идеологической мотивации политической деятельности современной российской молодежи. Традиционно именно молодежь рассматривается в качестве социальной группы, наиболее склонной к радикальным формам политического участия в силу своих возрастных социально-психологических характеристик. Исторический опыт революций в различных странах (в том числе «цветных») действительно подтверждает определяющую роль представителей молодого поколения в использовании наиболее жестких и радикальных методов борьбы с действующими политическими режимами. Не случайно проблематика профилактики терроризма и экстремизма в среде молодежи является одним из наиболее распространенных предметов научных исследований в современном отечественном обществознании[1]. Это вполне объяснимо в силу озабоченности научного сообщества проблемой сохранения стабильности общественно-политического развития страны и решения всех накопившихся проблем в рамках правового поля и существующих демократических механизмов и процедур. Тем самым акцент делается на всестороннем анализе причин и возможных последствий деструктивного потенциала протестного участия современной российской молодежи и обосновании соответствующих изменений в государственной молодежной политике по предотвращению девиантных форм политической деятельности.

Как представляется, не менее важное значение имеет выявление ценностно-идеологических ориентаций различных социальных групп российской молодежи. На наш взгляд, от этого в значительной степени зависят мотивация и характер участия ее конкретных представителей в политической жизни современной России, оценка перспектив развития страны в целом. Данному сюжету посвящены работы ряда современных отечественных исследователей, которые представили анализ аксиологической основы политического участия молодежи в ряде конкретных российских регионов[2]. Среди последних работ особо следует отметить социологическое исследование коллектива авторов, посвященное анализу включения современного студенчества в социальные солидарные связи, изучению духовных скреп молодежи, обеспечивающих целостность российского общества[3].

В рамках объективной потребности выявления конкретных региональных особенностей данной проблемы в ноябре 2021 г. нами было проведено социологическое исследование различных социальных групп молодежи в Саратовской области. Всего было опрошено 519 респондентов основных возрастных групп, проживающих как в Саратове, так и в различных районах области. Среди вопросов, выявляющих интерес представителей молодежи к политике, уровень их уверенности в завтрашнем дне, характер личного участия в политике, важное место занимали вопросы об их отношении к политическому будущему страны и представлениях о перспективах социально-экономического устройства, о будущем партийной системы, взаимоотношении государства и гражданского общества, о приоритетах

ценностных оснований развития российского общества. В рамках данной статьи акцент сделан на анализе взаимосвязи ценностно-идеологических предпочтений респондентов с определением ими того или иного варианта образа будущего России.

Важнейшее значение для определения градуса общественных настроений в среде молодежи имело выявление текущего отношения к основным направлениям государственной политики в важнейших сферах общественной жизни (табл. 1).

Таблица 1

Оценка правильности развития различных сфер общественной и государственной жизни в современной России (где 0 – совершенно неправильное; 5 – совершенно правильное)

Сфера	0	1	2	3	4	5
Политика	99 (19,1%)	101 (19,5%)	101 (19,5%)	116 (22,3%)	66 (12,7%)	36 (6,9%)
Экономика	90 (17,4%)	119 (22,9%)	126 (24,2%)	109 (21,0%)	49 (9,5%)	26 (5,0%)
Социальная сфера	71 (13,7%)	91 (17,5%)	124 (23,9%)	124 (23,9%)	72 (13,9%)	37 (7,1%)
Сфера культуры	47 (9,0%)	86 (16,6%)	88 (16,9%)	128 (24,7%)	99 (19,1%)	71 (13,7%)
Молодежная политика	74 (14,3%)	96 (18,5%)	106 (20,4%)	117 (22,5%)	82 (15,8%)	44 (8,5%)
Оборонная политика	48 (9,2%)	55 (10,6%)	85 (16,4%)	104 (20,0%)	101 (19,5%)	126 (24,3%)

Данные табл. 1 показывают, что политическое развитие современной России как правильное оценивают только 41,9% опрошенных представителей молодежи, а однозначно позитивно – лишь 6,9% респондентов. Но еще более жесткие оценки имеют место в отношении современной экономической политики: 64,5% опрошенных оценили его как неправильное, в том числе 17,4% дали однозначно негативную оценку. Соответственно, и современное состояние социальной сферы в России оценивается преимущественно в отрицательных вариантах ответа – 55,5%, из них 13,7% в наиболее жесткой форме. Состояние культурной сферы воспринимается молодежью в более позитивном ключе – 57,5% респондентов оценили ее развитие как правильное и только 9,0% дали однозначно негативную оценку. В отношении молодежной политики государства 53,2% участников опроса выбрали варианты оценок неправильного ее развития и только 8,5% дали однозначно положительную характеристику. Особняком выделяется восприятие оборонной политики современной России. Варианты оценок неправильного ее состояния выбрали 36,2% представителей молодежи, а положительные оценки – 63,8%. Объяснить это можно, прежде всего, нарастанием конфронтации во взаимоотношениях России с США и их союзниками после возвращения Крыма в состав России, а также тем, что внешняя политика воспринимается молодежью через призму героической истории России, в которой войны приходились фактически на долю каждого поколения.

На прямой вопрос о ценностно-идеологических предпочтениях респондентами были даны следующие ответы (табл. 2).

Таблица 2

Ценности какой идеологии представляются Вам наиболее близкими?

Варианты ответов	%
Либерализм	26,6
Социал-демократия	24,3
Ни одна из идеологий	20,2
Консерватизм	10,6
Коммунизм	8,7
Национализм	4,8
Анархизм	1,7
Либертарианство	0,6
Другие варианты	2,5

Анализируя данные материалы, следует отметить, что приверженность респондентов к указанным идеологиям не носит абсолютного характера. Это подтверждают ответы на вопрос о том, какие ценности респонденты хотели бы видеть приоритетными в будущем политическом устройстве России (табл. 3).

Анализ данных табл. 3 показывает, что для российской молодежи ценность свободы личности занимает первое место среди приоритетов, независимо от их идеологической приверженности. Обусловлено это тем, что данная ценность занимает важнейшее место в структурном ядре всех ведущих метаидеологий не только в западноевропейских странах, но и во всем мире, в том числе и в России[4]. Ценностное взаимопроникновение различных идеологий в свое время стало одной из причин дискуссий о так называемом конце идеологий[5], а затем в рамках различных концепций постмодерна, постиндустриального

Таблица 3

Какие ценности, по-Вашему, должны быть наиболее приоритетными в будущем политическом устройстве России? (выделите не более пяти)

Ранжированный по приоритетам статус ценностей	Варианты ответов	%
1	Свобода личности	72,3
2	Справедливый суд	70,9
3	Социальная справедливость	68,8
4	Равенство возможностей в доступе к образованию	56,1
5	Равенство возможностей в доступе к медицинскому обслуживанию	53,6
6	Свобода слова, печати, собраний	53,6
7	Толерантность, терпимость к другим взглядам	47,4
8	Право на доступ к информации	47,0
9	Неограниченная реализация возможностей личности и их соответствующее материальное вознаграждение	32,9
10	Патриотизм	28,7
11	Равенство возможностей в доступе к участию в политике	27,2
12	Коллективизм	11,4
13	Другое	1,2

и информационного общества. Не случайно некоторые отечественные исследователи выделяют понятие «смешанной» идеологической идентификации молодежи[6]. На наш взгляд, это не совсем оправданно, так как фактически дублирует в процессе социологического опроса вариант «затрудняюсь ответить», свидетельствующий об отсутствии четкой идеологической идентичности респондентов. Более обоснованным представляется объяснение неполной корреляции между идеологической и ценностной ориентациями представителями всех возрастных групп отсутствием у них четких представлений о сущности ключевых метаидеологий. Эклектический характер их понимания респондентами был выявлен и в рамках ответов на многие другие вопросы анкеты.

Эта эклектика обусловлена не только недостаточным уровнем преподавания обществознания в школе и соответствующих дисциплин в вузе (точнее, почти полным игнорированием их в учебных планах негуманитарных специальностей), но также отсутствием четкого идеологического позиционирования большинства российских политических партий. Более того, включение в название партии идеологического маркера на практике в ряде случаев противоречит реальному ценностному содержанию ее программы (ЛДПР – классический пример такого несоответствия). Идеологический маркер КПРФ не отражает реального включения в ее партийную программу многих социал-демократических ценностей. Более того, для данной партии идеологическая идентификация осложняется тем, что в политическом пространстве России функционируют еще несколько партий с коммунистическим маркером (КПКР – Коммунистическая партия «Коммунисты России», КПСС – Коммунистическая партия социальной справедливости, и целый ряд других партий). Название партии «Справедливая Россия – За Правду» не вызывает прямых ассоциаций у российских граждан с социал-демократическим содержанием ее программы. «Единая Россия» не дает никаких маркеров в своем названии на использование ценностной компиляции консервативной и либеральной идеологий. РОДП «ЯБЛОКО» не содержит в названии указания на приверженность идеологии социального либерализма. Этот список можно было бы продолжить. Результатом такой ситуации стало то, что каждый пятый респондент не связывает свои ценностные предпочтения с какой-либо из обозначенных (или иных) идеологий.

Тем не менее, выявленные ценностные приоритеты молодежи Саратовской области позволяют сделать ряд важных обобщений. Открыто свою приверженность либеральной идеологии обозначили 26,6% респондентов. Определенную осознанность этого выбора подтверждает тот факт, что на перекрестный вопрос о ценностных приоритетах в будущем политическом устройстве однозначно либеральный вариант ответа «Неограниченная реализация возможностей личности и их соответствующее материальное вознаграждение» выбрали 32,9% опрошенных. Это свидетельствует о том, что ценностный по-

тенциал либеральной идеологии в современной России не исчерпал себя. Сегодняшнее маргинальное положение российских либеральных партий является следствием совокупности ряда факторов: прежде всего, в силу ответственности значительной части их лидеров за плачевные результаты либерального реформирования России 1990-х гг., а также в связи с жесткой критикой со стороны либералов внешней политики Российского правительства в целом и особенно возвращения Крыма в состав РФ.

Свою приверженность к социал-демократической идеологии обозначили 24,3% респондентов, а к коммунистической – 8,7%, т.е. фактически каждый третий из опрошенных представителей молодежи позиционировал себя как сторонника «левых» идеологий.

В связи с преобладанием критического отношения к политическому развитию современной России респонденты определяли и свое видение будущего политического устройства России (табл. 4).

Таблица 4

Каким Вы хотели бы видеть будущее политическое устройство России? (отметьте не более одного ответа)

Варианты ответов	%
Сохранение сегодняшнего политического устройства	36,6
Переход к парламентской республике, в которой победившая на выборах в Государственную Думу партия формирует правительство для реализации программы данной партии	38,9
Переход к президентской республике, в которой избранный народом президент формирует и сам возглавляет правительство	11,4
Переход к монархической форме правления	5,2
Другое	7,9

Данные табл. 4 показывают, что почти две трети опрошенных не удовлетворяет современное политическое устройство России и они хотели бы в будущем видеть какую-либо его альтернативу. Среди «других» вариантов представлений о будущем политическом устройстве России наиболее часто встречаются следующие: конкретизация возможности конституционного монархического устройства; варианты анархизма либо рабочей демократии с расширением роли профсоюзов; возвращение к власти Советов рабочих депутатов. Некоторые предложения свидетельствуют о хорошем знании респондентом специфики современной политической системы России: «Сохранение сегодняшнего политического устройства, но без возможности конституционного большинства, например, чтобы одна партия могла занимать максимум 40–45% мест». Имеют место единичные случаи обоснования «ультраправого» варианта, а также «унитарного государства, с руководством страны без какого-либо участия в управления либералов, леваков».

Для нас особенно важным было выявление взаимосвязи между идеологическим позиционированием респондентов и их представлениями о политическом и социально-экономическом образе будущего России (табл. 5, 6).

Таблица 5

Представления сторонников различных идеологий о желаемом будущем политического устройства России

Позиционирование респондентов, которые однозначно определились с наиболее близкой им идеологией	Варианты ответов о желаемом будущем политического устройства России %				
	Сохранение сегодняшнего политического устройства	Переход к парламентской республике, в которой победившая на выборах в Государственную Думу партия формирует правительство для реализации программы данной партии	Переход к президентской республике, в которой избранный народом президент формирует и сам возглавляет правительство	Переход к монархической форме правления	Всего
Консерватизм	44,4	27,8	11,1	16,7	100
Либерализм	38,7	53,2	6,6	1,4	100
Коммунизм	47.2	44,4	5,5	2,8	100
Социал-демократия	38,5	41,8	18,9	0,8	100
Национализм	33,3	28,6	4,8	33,3	100
Анархизм	–	83,3	16,7	–	100
Ни одна из этих идеологий	41,3	33,7	17,4	7,6	100
Другое	40,0%	50,0	10,0	–	100

Таблица 6

Представления сторонников различных идеологий о желаемом будущем социально-экономическом устройстве России

Позиционирование респондентов, которые однозначно определились с наиболее близкой им идеологией	Варианты ответов о желаемом будущем социально-экономическом устройстве России, %				
	Сохранение сегодняшнего социально-экономического устройства	Усиление регулирующей роли государства в экономике при сохранении частно-собственнического сектора и рыночных отношений	Максимальное усиление роли государства и планового начала в экономике при сохранении лишь мелкой и средней частной собственности	Сведение до минимума роли государственного сектора в экономике для расширения частно-собственнического сектора и свободных рыночных отношений	Всего
Консерватизм	26,0	40,7	11,1	22,2	100,0
Либерализм	16,5	33,6	4,4	41,6	100,0
Коммунизм	28,6	19,0	42,9	9,5	100,0
Социал-демократия	21,6	40,8	10,4	27,2	100,0
Национализм	39,1	26,1	13,0	21,7	100,0
Анархизм	–	42,9	–	57,1	100,0
Ни одна из этих идеологий	19,2	32,3	18,2	30,3	100,0
Другое	14,3	35,7	7,1	42,9	100,0

Анализ желаемых представлений о политических и социально-экономических перспективах современной России свидетельствует о том, что, независимо от обозначенного респондентами позиционирования себя сторонниками той или иной идеологии, от 38 до 47% их приверженцев выступают за сохранение сегодняшнего политического устройства России. Исключение составляют сторонники анархизма, которые продемонстрировали более осознанное понимание ценностной сущности своей идеологии (это характерно и для их ответов на другие вопросы анкеты). Примечательно, что среди приверженцев идеологии коммунизма уровень поддержки существующего политического устройства оказался выше, чем у сторонников других идеологий. Можно предположить, что объясняется это тем, что КПРФ в последние три десятилетия воспринимается как системная оппозиция, встроенная в существующую политическую и правовую систему. Более осознанным является понимание респондентами-сторонниками коммунизма экономической его составляющей. Поэтому почти половина из них выступают за максимальное усиление регулирующей роли государства в экономической и социальной сфере. Осознанное понимание идеологической трактовки экономической роли государства продемонстрировали также сторонники либерализма, 41,6% которых поддержали вариант минимизации роли государства и расширение рыночных отношений и частного сектора в экономке России.

В целом, материалы опроса позволили сделать ряд следующих обобщений.

У большинства представителей современной российской молодежи отсутствует четкое понимание ценностного ядра классических метаидеологий. Такая ситуация является не только следствием недостатков школьного и вузовского образования, но и отражением общемировых тенденций (в том числе и в России) в развитии современных политических партий, ориентирующихся на новую социальную стратификацию и соответствующие изменения в групповых и индивидуальных интересах и ценностных ориентациях (особенно с учетом появившихся повсеместных возможностей интернет-коммуникаций). Кроме того, конституционно закрепленный запрет на государственную идеологию в постсоветской России, мотивированный необходимостью обеспечить идеологический плюрализм, способствовал тому, что реальные субъекты политики фактически перестали ориентироваться на полноценное воплощение своей партийной идеологии на общегосударственном уровне. Осложняет ситуацию также наличие большого количества политических партий, конкурирующих друг с другом на одном и том же идеологическом поле. Важно отметить также, что у ведущих российских партий имеет место идеологическая эклектика («Единая Россия» в своей программе претендует на симбиоз либеральных, консервативных и социал-демократических ценностей, КПРФ – на использование коммунистических и социал-де-

мократических идей, «Справедливая Россия» – на объединение ценностей социал-демократии и патриотизма; ЛДПР – на эклектику националистических, монархических и вождистских идей).

Выявленное в ходе исследования ранжирование приоритетных ценностей, которые представители молодежи хотели бы видеть в будущей России, свидетельствует о том, что большая их часть является сквозной, интегрируемой с программами ведущих российских политических партий (Свобода личности; Справедливый суд; Социальная справедливость; Равенство возможностей в доступе к образованию; Равенство возможностей в доступе к медицинскому обслуживанию; Свобода слова, печати, собраний; Толерантность, терпимость к другим взглядам; Право на доступ к информации). Проблема состоит в различной интерпретации и понимании данных ценностей сторонниками различных идеологий. Тем не менее, общим для двух третей опрошенных является негативная оценка реального состояния тех сфер общественной жизни, в которых на практике реализуются данные ценности в современной России. Эти оценки являются главным мотивационным фактором оппозиционных настроений российской молодежи, содержащих значительный риск вовлечения части молодежи в радикальные формы политической борьбы с существующей властью.

Тем не менее, несмотря на доминирование оппозиционных настроений в отношении действующего политического режима, подавляющая часть региональных представителей российской молодежи (82,6% респондентов) продемонстрировали свою склонность к эволюционному преобразованию политического и социально-экономического устройства страны и к легитимным методам практического воплощения своих ценностных представлений о будущем России. Однозначно радикальные методы борьбы (с оружием в руках) готовы поддержать только 3,5% опрошенных. Однако важно учитывать, что этот радикальный потенциал в случае обострения ситуации способен на мультипликативный эффект и расширение своих деструктивных возможностей за счет использования особых социально-психологических качеств представителей молодого поколения, и прежде всего младших возрастных групп, склонных к повышенной эмоциональной возбудимости, конформизму и групповой солидарности. Поэтому главная ответственность за изменение ситуации с негативным восприятием молодежью воплощения важнейших политических и социально-экономических ценностей в современной России лежит на действующей власти и ведущих политических партиях, ответственных за устранение накопившихся проблем в различных сферах общественной жизни.

Примечания

1 См.: *Бабин В. Н.* Организация и проведение мероприятий по профилактике терроризма и экстремизма в молодежной среде комитетом по молодежной политике Ростовской области в 2017 году // Обзор НЦПТИ. 2017. № 11. С. 14–17 ; *Богданов Е. Н., Краснощеченко И. П., Кузнецова А. С., Цаплина А. В.* Осведомленность студенческой молодежи об экстремизме и отношение к его проявлениям // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2 (39). С. 86–94 ; *Валитова Е. Р.* Анализ управленческих структур и организационно-управленческих практик противодействия терроризму в студенческой среде системы высшего образования Минобрнауки России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4, № 1 (11). С. 70–74. https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.1.7 ; *Литвин И. И.* Особенности противодействия экстремистской идеологии в контексте «электронного государства» // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6, № 1 (11). С. 50–54 ; *Меркулов П. А.* Распространение идеологии терроризма в молодежной среде : современные реалии и направления противодействия // Управленческое консультирование. 2019. № 5 (125). С. 88–94. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-5-88-94 ; *Розенко С. В.* Развитие экстремистской идеологии в Российской Федерации : аспекты противодействия и наказуемости // Правовая культура. 2017. № 2 (29). С. 34–41 ; *Яндукин А. А.* Противодействие идеологии экстремизма и терроризма : ставка на молодежь и средства массовой информации (СМИ) // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 4 (14). С. 72–74 и др.

2 См.: *Давлатова Е. В., Рудковский Э. И., Слемнев М. А.* Аксиологические основания духовного мира и образа жизни современной молодежи // Ученые записки Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. 2020. Т. 31. С. 111–115 ; *Тузиков А. Р.* Молодежь России : патриотическая идеология и политический активизм в региональном измерении // Управление устойчивым развитием. 2019. № 6 (25). С. 63–68 ; *Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А.* Идеологическая идентичность молодежи Алтайского края и Новосибирска : между модерном и постмодерном // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 4. С. 530–543. https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.405

3 См.: *Пушкарева Г. В., Кузнецов И. И., Батоврина Е. В.* Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. 2021. Т. 47, № 10. С. 125–131. https://doi.org/10.31857/S013216250012813-7

4 См.: *Соловьев А. И.* Политическая идеология : логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 5–23

5 См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.

6 См.: *Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А.* Указ. соч. С. 534.

Поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 03.12.2021
The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 03.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 108–113
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 108–113
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113

Научная статья
УДК 32.019.3

Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2220-7582

Аннотация. Статья посвящена анализу образа политического будущего России, который присутствует в массовом сознании российской молодежи и мотивирует ее политическое участие. Материалы для анализа были получены посредством анкетирования. Основные тенденции, которые присутствуют в процессе конструирования респондентами образа будущего России, указывают на то, что проблема будущего, своего и своей страны, актуальна для современной молодежи. Ей свойственна уверенность, что демократический процесс в современной России не исчерпал потенциала своего развития и у демократической политики есть будущее. То, каким будет это будущее, респонденты представляют себе очень по-разному. Тем не менее, доминирует уверенность, что оно будет связано с исправлением тех недостатков нынешней российской демократической политики, которые возникли в постсоветский период вследствие расхождения между декларируемыми либеральными нормами политических коммуникаций государства со своими гражданами и текущими практиками управления экономическими и политическими процессами в стране.
Ключевые слова: будущее России, демократическая политика, политическая культура молодежи

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 21-011-31176 «Образ будущего как фактор политического участия современной российской молодежи (региональный кейс)»).

Для цитирования: *Шестов Н. И.* Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 108–113. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The youth's ideas about the future of Russia: Provincial dimension

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, nikshestov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2220-7582

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image of political future of Russia, which is present in the mass consciousness of Russian youth and motivates its political participation. The materials for the analysis were obtained by means of a questionnaire. The main trends that are spread among respondents while constructing the image of the future of Russia indicate that the problem of the future, both their own and their country's, is relevant for modern youth. The key tendency is characterized by the belief that the democratic process in modern Russia has not exhausted its development potential and democratic politics has a future. Respondents have very different ideas about what the future will be like. Nevertheless, the dominant belief is that it will be associated with the correction of those shortcomings of the current Russian democratic policy that arose in the post-Soviet period due to the discrepancy between the declared liberal norms of political communications of the state with its citizens and the current practices of managing economic and political processes in the country.
Keywords: Russia's future, democratic politics, political culture of the youth

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 21-011-31176 "The image of the future as a factor of political participation of modern Russian youth (Regional case)").

For citation: Shestov N. I. The youth's ideas about the future of Russia: Provincial dimension. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 108–113 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© *Шестов Н. И., 2022*

Настоящая публикация содержит анализ представлений современной учащейся молодежи в российской провинции (в нашем случае это Саратовская область) о том будущем, которое политика в нынешнем своем либерально-консервативном состоянии подготавливает для них и для всего нового поколения граждан. Поколения вполне образованного, чтобы самостоятельно думать о политике. Исследование, о котором далее пойдет речь, показало, что политика однозначно интересна 29,9% респондентов и скорее интересна, чем не интересна, еще 31% из числа опрошенных.

Исходные данные для такого анализа были получены в ходе анкетирования учащихся средних и высших учебных заведений г. Саратова и Саратовской области, проведенного сотрудниками кафедры политических наук юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского в 2021 г. Всего были получены анкеты от 519 респондентов, из которых молодые люди в возрасте от 14 до 17 лет составили 16,2%, от 18 до 25 лет – 69,0%, от 26 до 30 лет – 5,2%, от 31 года до 35 лет – 9,6%. Из них мужчин 36,2%, женщин 63,8%. Больше половины респондентов (62,5%) являются студентами вузов.

Теоретический ракурс исследования

Отправной точкой исследования явилось представление об «образе будущего» как совокупности полностью или частично рационально оправданных представлений человека и социальной группы о наиболее комфортных (соответствующих его интересам и возможностям, минимизирующих его фобии) условиях жизни и деятельности, а также о наиболее вероятных вызовах и рисках, внешних и внутрисоциальных, для этого комфортного состояния.

Изучение представлений именно молодежи о своем и своей страны будущем оправдано следующим соображением. Для молодого человека вопрос о будущем – это вопрос о том, как он намерен прожить свою жизнь. Неопределенность представлений молодых людей о том, как в дальнейшем сложится их судьба, каким будет их место в социальной структуре и социальных практиках, ведет к тому, что их дискурс будущего является, по сути, дискурсом «свободного выбора». Выбора в пользу тех атрибутов комфорта (политического, правового, экономического и информационно-коммуникативного) «за» естественность и необходимость присутствия которых в будущих состояниях государства и общества у молодого человека аргументов нет, как нет, впрочем, и явных препятствий для декларирования своей солидарности с этими атрибутами.

Отношение молодежи к своему будущему и будущему страны, а также к самому процессу конструирования его позитивных и негативных образов имеет свою специфику, определяемую различием в социальной функциональности возрастных групп. Для людей среднего и старшего возраста вопрос о будущем – это вопрос понимания наиболее благоприятных условий и оптимальной стратегии распоряжения теми ресурсами, материальными и духовными, которые они уже накопили по ходу своей личной и социальной жизни и которым им необходимо рационально распорядиться в интересах своих детей и внуков. Для молодых людей вопрос о будущем – преимущественно вопрос об условиях и стратегиях накопления тех материальных и духовных ресурсов для частной и общественной жизни, которые позволят им занять самостоятельное место в системе политических, правовых, экономических и культурных коммуникаций в обществе и государстве. Иначе говоря, вопрос о тех основаниях их дальнейшей жизни, благодаря которым они смогут претендовать на роль достойных наследников предшествующих поколений.

Поскольку официальная идеологическая легитимация этих оснований сегодня отсутствует и в обозримой перспективе ее появление не ожидается, постольку молодому человеку трудно определиться со своей возможностью получить от государства и общества поддержку своего выбора в пользу тех или иных условий и ресурсов развития. Этим, вероятно, можно объяснить происхождение той пропорции, которая наблюдается в ответах молодых людей на вопрос: «Ощущаете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?». Из общего числа респондентов 14,3% заявили о своей полной уверенности в «завтрашнем дне», и почти столько же (16,4%) оказалось полностью в нем не уверенных. И даже колеблющиеся в оценке своих перспектив распределились почти поровну: на 36,2% «скорее уверенных» пришлось 32,9% «скорее не уверенных».

По сути, это характеристика той личной гражданской позиции, с которой молодой человек видит и оценивает все те структурные элементы (институты, ценности, хозяйственные, правовые и политические, а также информационно-коммуникативные практики), из которых его сознание дальше конструирует позитивные и негативные образы будущего всей страны. О том, что за всеми этими оптимистическими и пессимистическими прогнозами своей жизни стоит именно гражданская позиция, свидетельствует корреляция этих пропорций с другими показателями. Точно так же, почти поровну, распределились те респонденты, чей характер включенности в политику определяет участие в процедуре голосования (49,7%) (процедуры, с одной стороны, формальной, а с другой – един-

ственно возможного для большинства граждан средства повлиять на позицию государственной власти), и те, чей характер включенности в политику определяется желанием не иметь к ней никакого отношения (42,0%).

Ресурсы верификации результатов исследования

В последние годы отечественные исследователи активно работали в направлении поиска ответа на вопросы: как и почему российские молодые граждане представляют себе будущее страны так, а не иначе; каков, соответственно, ресурс легитимности и функциональности институтов и практик правового государства и гражданского общества[1]. Исследование в этом направлении осуществили в 2019 г. специалисты Тюменского государственного университета и Тюменского индустриального университета[2]. В зависимости от найденного ответа авторами этих публикаций прогнозировались тенденции и риски развития российского демократического процесса. В последние два года были осуществлены еще два масштабных исследования в этом направлении. Инициатива одного исследования принадлежит специалистам МГУ, изучившим нынешнюю включенность студентов в общественные солидарные связи и их готовность в дальнейшем содействовать усилиям институтов государственной власти, направленным на расширение и укрепление таких связей в интересах совершенствования государственного менеджмента[3]. Другое исследование явилось очередным (2020–2021 гг.) этапом мониторинга ценностных ориентаций провинциальной российской молодежи, проводимого в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в течение уже двух с половиной десятилетий коллективом под руководством профессора Ю. Р. Вишневского[4]. Выводы, к которым пришли авторы упомянутых исследований, были учтены нами при интерпретации результатов, полученных в ходе анкетирования учащихся школ и вузов г. Саратова и Саратовской области.

Доминанты в конструировании образа будущего сознанием респондентов

В анкете респондентам был предложен ряд вопросов, призванных помочь им конкретизировать и систематизировать свои предпочтения по отношению к возможным будущим изменениям во внутренней политике, экономике в условиях коммуникации граждан с властью. С одной стороны, это ограничило возможности респондентов по свободному конструированию образов будущего России. Данное ограничение частично компенсировано наличием в перечне возможных ответов на вопрос о будущем России варианта «Другое». Одновременно такое «ограничение свободы выбора» респондентов позволило выявить те конструктивные элементы образов будущего, которые притягивают к себе повышенное внимание молодых граждан и потому потенциально способны быть отправными точками как для процесса укрепления властно-гражданской солидарности, так и для властно-общественного конфликта.

С точки зрения большинства респондентов, контекстом, в котором можно будет говорить об успешном развитии российской политики, должна остаться парламентская демократия: либо в том виде, в каком она существует сегодня (36,6% респондентов), либо в еще более радикальном виде (за усиление роли парламента и лидирующей парламентской партии высказались 38,9% респондентов), в формате парламентской республики. Значительно меньше нашлось молодых людей, готовых связать будущее России с президентской республикой (11,4%) и тем более с монархической формой правления (5,2%). Эти показатели коррелируют с готовностью значительного числа респондентов доверить будущее России политическим партиям (с важной оговоркой, что в программах этих партий должны быть отражены их представления о будущем), как действующим ныне (49,1%), так и тем, которые придут им на смену (19,8%). Все это – свидетельства доминирования демократических настроений у нового поколения российских граждан.

Но причина таких надежд кроется, как представляется, не в преимуществах либеральной демократии, которые в последнее десятилетие становятся все менее очевидными даже в наиболее экономически развитых странах, и тем более не в каком-то особом «демократическом инстинкте» нового поколения российских граждан, вступающего в политическую жизнь. Причина в уже упомянутой неопределенности жизненных перспектив молодых людей. Парламентская демократия обладает значительно большей, чем даже другие модели демократии, способностью адаптироваться к переменам в настроениях общества и задачах, стоящих перед ним. Она опирается на электоральный механизм стимулирования одних перемен и блокирования других. Молодому гражданину она тем самым оставляет надежду, что его пессимистические настроения относительно собственного будущего, возможно, и не оправдаются и все, напротив, будет хорошо. Надо только приложить к этому определенные усилия.

И молодые люди, как продемонстрировал опрос, готовы эти усилия приложить и использовать все доступные современной политике легитимные и нелегитимные средства для того,

чтобы сделать свои ожидания реальностью. Преобладает (что вселяет оптимизм) намерение молодых людей бороться за будущее в своей стране легитимными средствами. Готовность голосовать на выборах за кандидатов тех партий, в программах которых обоснован тот или иной оптимистический образ будущего нашей страны, выразили 56,8% опрошенных, а 16,4% заявили о намерении активно участвовать в деятельности таких партий. О возможном своем участии в санкционированных митингах и демонстрациях заявили 9,4% респондентов.

Негатива в эту оптимистическую картину добавляет наличие тех молодых людей, которые уже сделали выбор в пользу нелегитимных форм гражданской активности – участия в несанкционированных митингах и демонстрациях (2,5%), забастовочном движении (2,9%) и даже в баррикадных боях с оружием в руках (3,5%). Надо заметить, что в сумме это все же меньше тех 16,4% респондентов, которые заявили о полной неуверенности в своем будущем. Вероятно, примерно у половины опрошенных такая неуверенность все-таки является следствием их критического отношения к своему характеру и способностям, а не следствием неприятия своего гражданского статуса.

Этот статус важен молодым людям, они связывают с ним свои надежды вдохнуть новую жизнь в те демократические институты, общественное доверие к которым в нашей стране и других странах заметно пошатнулось. Показательно, что о возможности использовать институт демократических выборов для практического воплощения своих надежд на светлое будущее России заявили 49,1% респондентов. Еще 19,5% посчитали, что нынешними своими ресурсами российская политика в этом деле не обойдется и потому необходимо создание новых партий. И столько же (19,8%) высказались в пользу применения такого инструмента влияния гражданского общества на демократическую власть, как протестные акции.

Надежды значительной доли респондентов на парламентскую демократию и легитимное использование ее механизмов сопряжены, как показало исследование, со значительно более осторожным их отношением к вероятным будущим переменам в экономической сфере. Респондентам был задан вопрос: «Каким Вы хотели бы видеть будущее социально-экономическое устройство России?». В этом случае тоже наблюдается достаточно резкая поляризация ожиданий респондентов: за усиление регулирующей роли государства в экономике при сохранении частнособственнического сектора и рыночных отношений высказались 33,3% опрошенных, тогда как 29,3% от общего их числа связали будущее страны со сведением до минимума роли государственного сектора в экономике и с дальнейшим расширением ее частнособственнического сектора и в целом свободных рыночных отношений.

Вместе с тем складывается и другая конфигурация предпочтений. Немалое число респондентов (21,4%) высказались за сохранение сегодняшнего социально-экономического устройства. Но что сегодня наиболее ярко характеризует устройство? Его характеризует как раз «усиление регулирующей роли государства в экономике при сохранении частнособственнического сектора и рыночных отношений». Таким образом, получается, что молодых людей, не настроенных на перемены в экономике, а значит, и в социально-экономических основах своей будущей личной и общественной жизни, в сумме будет уже 21,4% + 33,3% = 54,7%! А к ним следует еще добавить тех респондентов (12,5%), которые тоже солидарны с идеей дальнейшего возрастания регулирующей роли государства в экономике, но полагают, что оно, это возрастание, не должно быть во вред мелкому и среднему бизнесу. То есть de facto нежелание радикальных перемен в состоянии российской экономики свойственно более чем половине респондентов.

Это также следствие существования неопределенности в представлениях молодых людей о своем будущем. Состояние политики тоже сильно влияет на качество повседневной жизни большинства людей, на их возможность сделать выбор в пользу той или иной жизненной стратегии, но не в той мере, в какой эта возможность зависит от устойчивости экономических процессов. На перемены в политике молодой человек как полноправный гражданин может повлиять посредством демократических институтов – партий, избирательных процедур, участия в гражданских протестных акциях. Таких же возможностей непосредственно повлиять в своих интересах на состояние экономики у него нет. Он может повлиять только опосредованно, опираясь на те же демократические политические институты. В таких условиях вполне естественным выглядит осторожность респондентов в принятии решения относительно будущего российской экономики – той сферы, изменения в которой, а также выгоды и риски потерь от этих изменений молодым людям трудно, почти невозможно просчитать и проконтролировать. Им остается только надеяться, что и в будущем состояние российской экономики будет не хуже того, к которому они уже сейчас приспособились и приспособили к нему свои личные расчеты на лучшее будущее.

Логичным в этой связи выглядит желание респондентов, чтобы государство, поддерживая устойчивость экономических процессов за счет усиления участия в них и контроля над ними, не вторгалось в сферу личных интересов и планов молодых людей; чтобы государство относилось

к ним как полноценным субъектам демократической политики и не препятствовало бы им как гражданам вести игру по тем же правилам, по которым играет само. То есть не препятствовало бы их возможностям самостоятельно контролировать все, что связано с их личным выбором в пользу тех или иных стратегий реализации своей социальности и гражданственности. Из общего числа респондентов за усиление возможностей государства по контролю за личностью высказались лишь 8,7%. Значительно больше молодых людей (28,9%) предпочли, чтобы в будущем сохранились нынешние условия коммуникации гражданина с государством, к которым они уже относительно успешно адаптировались и научились «играть по правилам» (в пользу такой трактовки свидетельствует очевидное предпочтение молодыми людьми легитимных способов отстаивания перед институтами государства своих гражданских прав, о котором говорилось прежде).

Еще более значительна (60,7%) доля тех, кто считает важным для своего будущего и будущего гражданского общества в России ограничить возможности государства в контроле над личностью. Молодые люди хотят быть гражданами сильного и демократического государства, но хотят, чтобы государство свою силу использовало им во благо, а не во вред. Представляется, что это достаточно зрелая гражданская позиция, вполне соответствующая тому балансу протестности и лояльности, который необходим для устойчивого функционирования гражданского общества в нашей стране. Правда, гражданского общества не либерального типа, а, скорее, подобного тому, которое существовало в нашей стране в Советскую эпоху. Потому что респонденты, дружно декларируя необходимость минимального вмешательства в свою личную жизнь, не столь однозначны в вопросе невмешательства государства в жизнь институтов гражданского общества. На вопрос: «Какими Вы хотели бы видеть в будущем взаимоотношения государства и общественных организаций в России?», почти треть респондентов (29,7%) ответили, что государство должно финансировать и контролировать общественные организации. Еще больше (36,6%) среди респондентов оказалось тех, кто посчитал правильным в будущем расширить возможности общественных организаций влиять на политику и государство.

Иначе говоря, в сумме более чем для половины респондентов (29,7% + 36,6% = 66,3%) желательным выглядит переход к тому принципиальному порядку взаимоотношений между институтами государства и институтами гражданского общества, который имел место в нашей стране в Советскую эпоху.

Вместе с тем нельзя сказать, что для России перспектива появления в относительно отдаленном будущем гражданского общества либерального типа полностью закрыта. Все-таки 32,4% респондентов сочли правильным, чтобы в будущей России общественные организации были бы независимыми от государства, и эта независимость была бы законодательно закреплена.

Тем не менее, большинство респондентов, скорее всего, сами того не осознавая рационально, отдали предпочтение советской стратегии коммуникаций государства с общественными организациями перед стратегией либеральной. Тем самым обнаружило себя одно из принципиальных препятствий на пути создания в нашей стране гражданского общества либерального типа, которое российская демократическая политика так и не смогла преодолеть за три десятилетия либеральной модернизации страны.

За интересом молодых людей к использованию советской модели взаимодействия между институтами государства и институтами гражданского общества вовсе не стоит, как показал опрос, их интерес к возрождению советской модели государственности. Анкетирование выявило значительный разброс мнений респондентов относительно желательных будущих изменений в организации Российской Федерации. Больше всего оказалось сторонников уравнения и расширения полномочий субъектов РФ (в сумме 35,4%) и тех, кто предпочел бы ничего в дальнейшем не менять в том федеративном порядке, который имеет место в РФ в настоящее время (41,4%).

Сегодня проблемы дотационности и донорства различных регионов, трудовой миграции из одних регионов РФ в другие, разницы в благосостоянии жителей различных регионов находятся в фокусе массовых информационных коммуникаций, участниками которых является молодежь. В повестке этих коммуникаций постоянно присутствует украинская тематика, история претензий соседних с РФ государств на восточные и западные, а в последние годы еще и южные с северными российские территории. Все вместе это превращает федеративную политику в глазах российских граждан в постоянный источник угроз национально-государственным интересам, благополучию и безопасности российских граждан. Очень мала вероятность того, что граждане, молодые в том числе, смогут в будущем, опираясь на институты демократической политики, как-то повлиять на эту ситуацию и минимизировать упомянутые угрозы.

У проблем, с которыми сегодня сталкивается российский федерализм, преимущественно экономическая природа, повлиять на которую, как уже упоминалось, большинству рядовых граждан невозможно. С этим, вероятно, связана поляризация мнений респондентов: от представления, что в будущей российской этнополитике надо все оставить как есть сегодня, до готовности по максимуму переложить проблемы межэт-

нических коммуникаций и ответственность за их решения на властные и культурные элиты тех субъектов РФ, которые чаще всего сами же эти проблемы создают, но решать их стремятся за счет ресурсов других субъектов РФ.

Правомерность такой интерпретации позиции респондентов в вопросе будущего российского федерализма находит себе оправдание в том выборе, который большинство респондентов сделали при ответе на вопрос: «Какой Вы хотели бы видеть в будущем этническую политику в России?». Разброс мнений респондентов оказался достаточно велик. Тем не менее, больше всего среди опрошенных в ходе исследования оказалось тех, кто посчитал целесообразным либо сохранить нынешнее состояние этнополитики в РФ (24,7%), либо в будущем решить актуальную, а нередко и болезненную проблему соблюдения реального равенства политических, социально-экономических и культурных возможностей представителей различных российских этносов (31,4%).

Исследование показало, что надежда молодых людей на торжество в будущей российской этнополитике принципа равенства ее субъектов подкреплена их озабоченностью тем, что их собственная этнокультурная и политическая идентичность не сможет сравняться с идентичностями других этносов. Озабоченность эта не доминирует в сознании респондентов, тем не менее, и не заметить ее нельзя. За обеспечение интересов государствообразующего народа высказались 12,3% респондентов. Еще 18,1% посчитали необходимым в будущем в российской этнополитике сделать акцент на сохранении языка, культуры и традиций различных народов России.

Меньшим, чем в вопросе о будущем этнополитики, оказался разброс мнений респондентов по поводу того, какой в будущем должна быть роль религий в государстве и обществе в России? Спектр мнений на этот счет, высказываемых в режиме участия граждан и представителей элиты в массовых информационных коммуникациях, сегодня достаточно велик и содержание его противоречиво. Разумно предположить, что большинство молодых людей так или иначе, но в курсе этих публичных дискуссий. Это позволяет предположить, что их реакция на предложенные варианты ответа не была спонтанной.

Исследование показало определенную тенденцию в том, как складываются предпочтения молодых граждан в этом вопросе. За последовательную реализацию конституционного принципа отделения церкви от государства высказались 28,1% респондентов и еще 26,8% согласились с необходимостью ограничить функциональность религий сферой культурно-нравственного воспитания российских граждан. Вместе сторонников строгого соблюдения конституционной нормы в вопросе отношений светского государства к религиям оказалось даже больше, чем тех, кто согласился бы оставить в этих отношениях все как есть. Только 4,8% респондентов в будущем увидели необходимость усиления роли институтов традиционных религий в принятии важнейших государственных решений. Эти надежды вполне согласуются с общим доминирующим представлением молодых людей, что демократическая политика еще не исчерпала ресурс своего внутреннего совершенствования, и ее проблемы – это проблемы недостаточного внимания ее участников к этому ресурсу.

Данные, полученные в ходе анкетного опроса, позволяют говорить о том, что новое поколение российских граждан самостоятельно думает о проблемах российской политики, способах решения ее проблем, ее настоящем и будущем. Причем в размышлениях о будущем российской политики молодые граждане проявляют идейные солидарность и рациональность. Образ будущего российской политики, каким он на сегодняшний день сложился в сознании молодых граждан, достаточно прагматичен и в целом оптимистичен. Он представляет собой аргумент в пользу того, что будущее у российского демократического процесса существует, хотя, скорее всего, в деталях не совсем такое, каким его сегодня рисует сознание молодых российских граждан. Самое, пожалуй, важное, что показало исследование, – это готовность значительного числа молодых людей к конструктивной коммуникации на тему будущего своей страны.

Примечания

1 См.: *Кравченко Л. И.* Взгляд на российскую молодежь – какое будущее ждет Россию? Доклад на научной конференции «Перспективы и проблематика взаимодействия молодежи и молодежных организаций на евразийском пространстве в условиях геополитической напряженности и геоэкономического кризиса» 12 апреля 2016 года в рамках Дней науки МГИМО. URL: https://rusrand.ru/docconf/vzglyad-na-rossiyskuyu-molodej--kakoe-buduschee-jdet-rossiyu (дата обращения: 20.11.2021).

2 См.: *Маленков В. В., Фарахутдинов Ш. Ф.* Будущее России в представлениях постсоветской молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2019. Т. 12, № 3. С. 107–118.

3 См.: Государственная политика как фактор укрепления общественной солидарности. Проект. Рук. : И. И. Кузнецов; отв. исполнители : М. И. Алаева, Е. В. Батоврина, А. Е. Коньков, О. В. Михайлова, Г. В. Пушкарева. URL: https://polit.msu.ru/science/research/20-011-31040/ (дата обращения: 20.11.2021).

4 См.: Молодежь о будущем России и о себе : вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего. URL: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_15921/docs/infografika_po_proektu.pdf (дата обращения: 17.11.2021).

Поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 03.12.2021
The article was submitted 25.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 03.12.2021

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 114–120
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 114–120
https://soziopolit.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120

Научная статья
УДК 32.019.3

Ценность справедливости в представлениях современной молодежи

А. А. Казаков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Казаков Александр Александрович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук, aldr.kazakov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3140-0977

Аннотация. В статье анализируются результаты онлайн-анкетирования (N = 519) и фокус-групповых интервью (N = 36) молодых людей (в возрасте от 14 до 35 лет), проживающих в Саратовской области. Автор обобщает ответы респондентов на открытый вопрос о том, как они понимают социальную справедливость. Выделяются и ранжируются ключевые элементы справедливости. Полученные результаты сопоставляются с идеологическими предпочтениями опрошенных. Делается вывод о том, что в представлении молодежи основу справедливости составляют равенство возможностей и равноправие, материальное благополучие, политические свободы и гармоничное взаимодействие личности и государства.

Ключевые слова: справедливость, политическая ценность, молодежь, идеология, онлайн-анкетирование, фокус-группа, равенство, равноправие

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований (проект № 21-011-31176 «Образ будущего как фактор политического участия современной российской молодежи (региональный кейс)»).

Для цитирования: *Казаков А. А.* Ценность справедливости в представлениях современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 114–120. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Value of justice in the perception of modern youth

A. A. Kazakov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Kazakov, aldr.kazakov@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-3140-0977

Abstract. The article analyzes results of an online survey (N = 519) and focus group interviews (N = 36) of young people (aged between 14 and 35) living in the Saratov region. The author summarizes answers to an open question about the way respondents understand social justice. Key elements of justice are highlighted and ranked. The results obtained are compared with the ideological preferences of the respondents. Conclusion is drawn that, in the perception of young people, the basis of justice consists of equal opportunities and equality of rights, welfare, political freedoms, and harmonious interaction between the individual and the state.

Keywords: justice, political value, youth, ideology, online survey, focus group interview, equality, equality of rights

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Expert Institute for Social Research (project No. 21-011-31176 “Image of future as a factor of political participation of modern Russian youth (Regional case)”).

For citation: Kazakov A. A. Value of justice in the perception of modern youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology,* 2022, vol. 22, iss. 1, pp. 114–120 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-114-120

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Анализ различных элементов политического сознания молодежи нередко обладает существенным прогностическим потенциалом. Ведь то, что занимает умы молодых людей сегодня, имеет все шансы на то, чтобы стать доминирующим в будущем – тогда, когда нынешние юноши и девушки начнут участвовать в выработке, принятии и реализации ключевых для развития

© *Казаков А. А., 2022*

общества и государства решений. Особенно важным это становится в том случае, когда в центре исследовательского внимания оказываются столь значимые и комплексные категории, как, например, справедливость. Что молодое поколение считает справедливым и несправедливым? Какие смыслы оно вкладывает в это понятие? Отличается ли восприятие молодежью справедливости от того, как понимают этот феномен представители более старших возрастных групп, и если да, то чем именно и насколько сильно? Поиск ответов на эти вопросы, вне всякого сомнения, необходим. Представления молодых людей о должном и правильном, о морально-этических принципах, регулирующих отношения между людьми, обществом и государством, должны приниматься во внимание не только при разработке программ, подходов и нормативных актов, имеющих прямое отношение к самой молодежи, но и в политическом и законотворческом процессах в целом.

Помимо прикладного измерения, данная проблематика имеет и важное теоретического значение. Политические ценности и ориентации современной российской молодежи традиционно активно изучаются отечественными учеными. Иногда в фокусе их внимания оказываются и вопросы, непосредственно связанные с трактовками и восприятием справедливости[1]. Так, М. Ф. Черныш полагает, что большая часть молодежи оценивает российское общество как в целом несправедливое. Одной из основных причин этого исследователь считает нарушения в работе «уравнивающих» социальных институтов и призванных регулировать социальную конкуренцию принципов меритократии[2]. Недовольство молодежи состоянием дел в стране констатируют также Д. В. Руденкин и Р. Ю. Порозов: по их мнению, именно «дефицит справедливости, закона и прав человека, излишняя роль силы и личного успеха» во многом провоцируют у молодых людей протестные настроения и мысли об эмиграции[3].

В. В. и Р. В. Петуховы рассматривают справедливость в контексте фиксируемого ими запроса на перемены, актуализирующегося в массовом сознании россиян. На их взгляд, главным носителем и наиболее очевидным бенефициаром данного запроса является именно молодежь, которая, помимо социальной справедливости, требует сведения к минимуму разнообразных социальных неравенств, демократии и величия державы[4].

Неоднозначный характер ценности справедливости отмечает А. В. Селезнева: «Социокультурные особенности политических ценностей молодежи выражаются в том, что в них проявляются и традиции национальной политической культуры (патерналистские ориентации, актуальность идеи справедливости), и глобальные тенденции (рост значимости ценностей самовыражения)»[5]. Во многом к аналогичному выводу приходят Я. А. Шашкова и Д. А. Казанцев, фиксирующие эклектичность разделяемых молодыми людьми идей. Однако при этом, отмечают ученые, иногда (в частности, в Алтайском крае) запрос на справедливость может быть включен во все типы идеологической идентификации[6].

Наконец, в отдельных случаях справедливость рассматривается и в сугубо политическом ракурсе. Например, в контексте представленности ее принципов в обновленной Конституции РФ и уровня их воплощения в реальной общественно-политической и социально-экономической жизни современной России[7], представлений о будущем страны[8], оценок современного миропорядка и доминирующих субъектов поддержания демократии в мире[9], политических ориентаций отдельных возрастных страт молодежи[10].

Между тем, несмотря на весьма значительный интерес академического сообщества к различным аспектам восприятия справедливости молодым поколением, данная проблематика далека от того, чтобы считаться полностью изученной. Представляется, что среди прочего отдельного анализа требует отношение к справедливости в зависимости от уровня интереса человека к политике и его идеологических пристрастий. Полагаем, что два этих фактора могут оказывать существенное влияние на то, что именно индивид считает допустимым, должным и желаемым применительно к миру политического.

Эмпирическую базу данного исследования составили результаты онлайн-анкетирования и фокус-групповых интервью. С 1 по 15 ноября 2021 г. были опрошены 519 жителей Саратовской области в возрасте от 14 до 35 лет. Среди респондентов оказалось 63,8% женщин и 36,2% мужчин; 69,7% из них проживают в Саратове, 23,1% – в районных центрах Саратовской области, 7,2% – в сельской местности. Следует отметить, что подобный расклад по полу и месту проживания опрашиваемых близок к реальному распределению населения Саратовской области по данным Всероссийской переписи 2010 г.[11]. Более точных цифр по структуре населения области на данный момент нет – результаты Всероссийской переписи населения 2021 г., как ожидается, будут опубликованы весной 2022 г.

По возрастному критерию респонденты распределились так: от 14 до 17 лет – 16,2%; от 18 до 25 лет – 69,0%; от 26 до 30 лет – 5,2%; от 31 до 35 лет – 9,6%. На момент проведения опроса 4,0% опрошенных учились в школе, 8,9% – в среднем

специальном учебном заведении, 62,5% – в вузе; 21,0% были работниками по найму, 1,5% занимались предпринимательством, оставшиеся 2,1% выбрали вариант ответа «Другое».

После количественной обработки полученных результатов онлайн-анкетирования появилась потребность в уточнении и конкретизации отдельных моментов. Для этого с 20 по 30 ноября 2021 г. были организованы и проведены три фокус-группы, участниками которых в общей сложности стали 36 молодых людей.

Несмотря на то что осуществленное подобным образом исследование из-за ограниченности выборки не является в полной мере репрезентативным, мы полагаем, что в целом оно позволяет выявить общие особенности восприятия справедливости респондентами. Более того, учитывая тот факт, что по своим демографическим, социально-экономическим и политическим характеристикам Саратовская область считается типичной российской провинцией, можно говорить о том, что характеристики, присущие проживающей в ней молодежи, могут быть характерны для основной массы молодых людей большинства других регионов страны.

Итак, какие же результаты были получены? Начнем с того, что один из вопросов онлайн-анкеты касался наиболее значимых для респондентов ценностей в контексте будущего политического устройства страны. Из предложенного списка нужно было выбрать не более пяти вариантов (рис. 1).

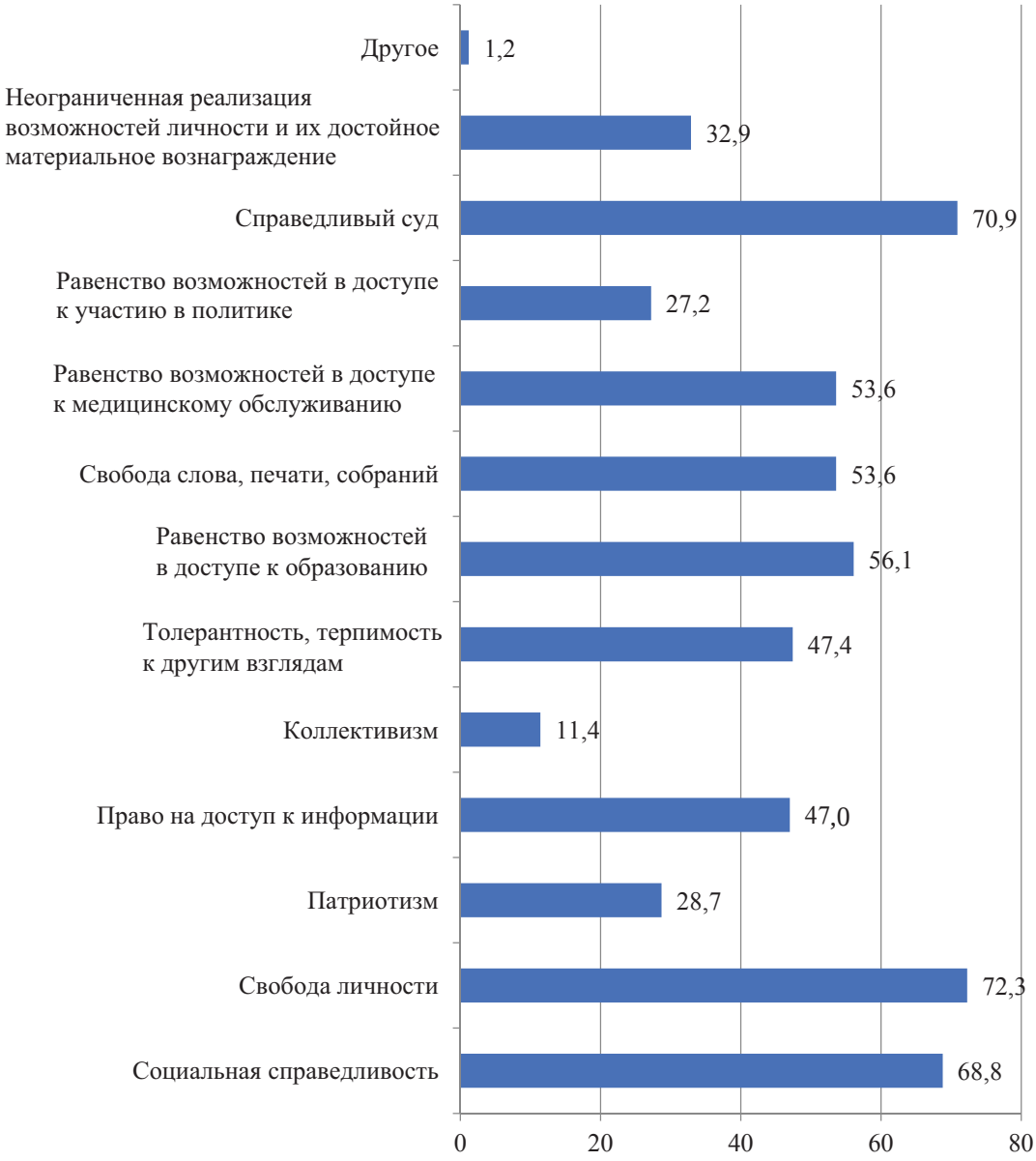


Рис. 1. Приоритетные для будущего политического устройства России ценности, %

Как видим, ценность социальной справедливости занимает в этом условном рейтинге третье место. Однако, учитывая, что на втором расположился «справедливый суд», очевидно, что справедливость в широком смысле этого слова обладает едва ли не наибольшей для респондентов важностью. Более того, забегая вперед, можно сказать, что многое из этого перечня уже сами респонденты тоже считают элементами справедливости.

В следующем вопросе мы попросили молодых людей сформулировать собственное понимание социальной справедливости. Обрабатывая полученные результаты, обратили внимание на то, что около трети респондентов не смогли дать содержательного ответа на этот вопрос: они либо так и писали – «не знаю», «затрудняюсь ответить», «трудный вопрос» и т.д., либо же ставили прочерки, оставляли поле незаполненным, или писали нечто нерелевантное, не имеющее прямого отношения к существу вопроса. На рис. 2, кроме общего соотношения видов ответов, представлены также расклады в зависимости от уровня интереса респондентов к политике (по результатам ответа на соответствующий вопрос, интересуются политикой 29,9% опрошенных; скорее, интересуются – 31%; скорее, не интересуются – 32,2%; не интересуются – 6,9%).

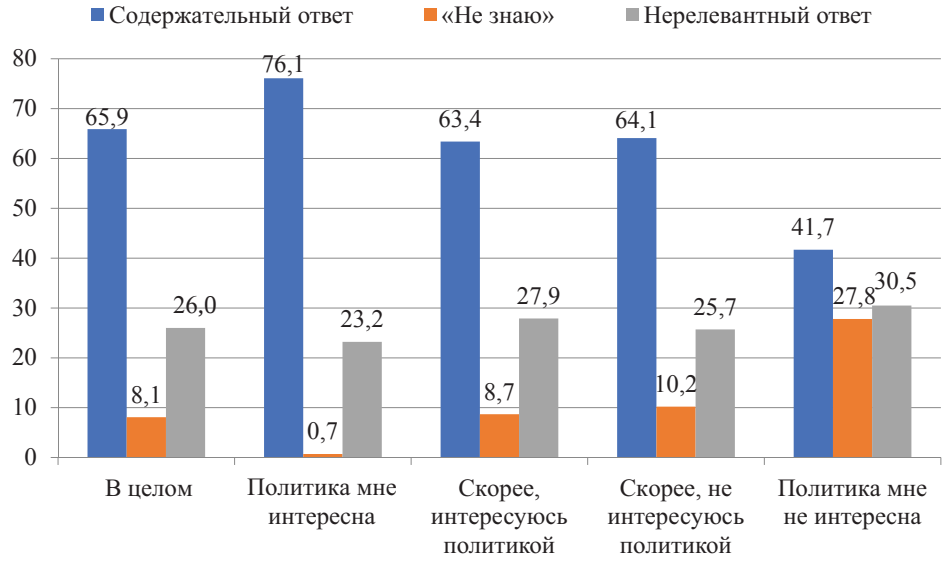


Рис. 2. Виды ответов на открытый вопрос о содержании понятия «социальная справедливость», % (цвет online)

Вполне ожидаемо, доля тех, кто затруднился сформулировать собственное понимание справедливости, возрастает по мере убывания интереса к политике. Как, впрочем, и процент давших нерелевантные ответы (с незначительным исключением в отношении «скорее, интересующихся» и «скорее, не интересующихся» политикой).

Содержательные ответы (те, в которых все же присутствовали попытки объяснить собственное понимание справедливости) нами тщательно проанализировались. В результате были выделены элементы, которые встречались в ответах чаще всего. В табл. 1 представлены процентные доли каждого из них от общего количества упоминаний. Заметим, что в ответе одного респондента могло присутствовать одно или сразу несколько из условно выделенных нами «слагаемых» справедливости.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что среди наиболее часто использовавшихся для определения справедливости категорий присутствуют сразу три равенства: просто «равенство» (без каких-либо пояснений/уточнений, либо же когда из контекста ответа было понятно, что речь идет о равенстве в экономическом смысле), равенство возможностей и равенство перед законом (равноправие). В общей сложности эти три во многом взаимосвязанных разновидности равенства упоминались в трети всех определений.

Достаточно часто респонденты писали и о материальной составляющей справедливости – необходимости честного распределения доходов, повышения общего благосостояния людей и обеспечения равного доступа к социальным благам (образованию, медицине и т.д.). Весьма актуальным оказалось и политико-правовое измерение справедливости, выраженное в соблюдении прав и свобод гражданина и в выстраивании гармоничных взаимоотношений личности, общества и государства.

Таблица 1

Структура справедливости в представлениях молодежи

Элемент справедливости	%
Равенство возможностей, социальные лифты	14,5
Справедливое распределение доходов и социальных благ	11,7
Свободы (в том числе политические) и права человека	10,9
Равноправие, равенство перед законом	10,3
Равенство (в том числе экономическое)	9,5
Благосостояние, увеличение доли среднего класса	8,2
Доступ к социальным благам (образование, здравоохранение и т.д.), социальные гарантии	7,0
Толерантность, уважение интересов меньшинств	6,0
Гармоничные отношения личности, общества и государства; забота власти о гражданах, отсутствие бюрократии	4,2
Философские категории (гуманизм, понимание, честность, идеал, объективизм и др.)	4,2
Отсутствие коррупции	2,8
Народовластие, демократия, выборы	2,1
«Все уже и так справедливо», «устраивает существующее положение»	2,1
«Как было в СССР»	1,7
«Справедливости нет или не бывает»	1,4
Развитие рыночных отношений и бизнеса	0,7
Стабильность	0,4
«Как было в царской России»	0,2
Другое	2,1
Итого	100,0

На первый взгляд, немного удивительным кажется относительно нечастое упоминание борьбы с коррупцией (всего в 2,8% случаев). Однако при более внимательном знакомстве с ответами респондентов становится понятно, что зачастую отсутствие коррупционной составляющей в жизни общества подразумевалось в тех случаях, когда речь шла о равноправии и равенстве возможностей.

На наш взгляд, набравшие наибольшее количество упоминаний элементы справедливости во многом являются своеобразными маркерами того, чего, по мнению респондентов, сегодня больше всего не хватает. Отсутствие реального равноправия и равенства возможностей, глубокая социально-экономическая дифференциация общества и весьма низкий общий уровень благосостояния, ущемление политических прав и свобод – пожалуй, ключевые «болевые точки» современной жизни в том виде, в каком ее воспринимает молодежь.

Кроме этого, мы посчитали интересным соотнести распределение выделенных элементов справедливости по группам респондентов в зависимости от их идеологических предпочтений (согласно результатам нашего опроса, 26,6% наиболее близкими для себя считают ценности либерализма, 24,3% – социал-демократии, 10,6% – консерватизма, 8,7% – коммунизма, 4,8% – национализма, 1,7% – анархизма, 20,2% – ни одной из этих идеологий, 3,1% опрошенных – других идеологических течений).

Многое из указанного в табл. 2 заслуживает отдельного внимания. Так, например, удивительно, что среди сторонников социал-демократии свободы котируются выше, чем справедливое распределение доходов и социальных благ; у либералов равенство лишь совсем немного уступает свободам; консерваторы более свободолюбивы, чем либералы, и т.д. Более или менее адекватно ценности разделяемой идеологии проранжированы лишь у коммунистов. В остальном же очевидно, что, ассоциируя себя с какой-либо идеологией, большинство молодых людей весьма слабо представляют себе ее содержание.

Подводя итог, нужно отметить, что в целом опрошенные нами молодые люди считают справедливость одной из важнейших социально-политических ценностей. Определяя ее содержание, они чаще всего говорят о равенстве (экономическом, равенстве возможностей и равноправии), материальном благополучии, политических свободах и гармоничном взаимодействии личности и государства.

Таблица 2

Структура справедливости в контексте идеологических пристрастий молодежи, %

Элемент справедливости	Лб.	Сд.	0	Кс.	Км.	Нц.	Ан.	Др.
Равенство возможностей, социальные лифты	15,5	14,3	16,1	22,8	5,0	11,7	7,1	7,1
Справедливое распределение доходов и социальных благ	9,3	11,6	9,7	9,1	16,0	11,7	21,5	21,6
Свободы (в том числе политические) и права человека	10,9	14,3	4,8	13,7	7,5	17,7	7,1	7,1
Равноправие, равенство перед законом	12,4	8,9	11,3	4,5	2,5	17,7	28,6	7,1
Равенство (в том числе экономическое)	8,5	12,5	8,1	9,1	16,5	–	–	7,1
Благосостояние, увеличение доли среднего класса	7,7	7,1	14,5	9,1	2,5	5,9	7,1	7,1
Доступ к социальным благам (образование, здравоохранение и т.д.), социальные гарантии	6,9	8,0	8,1	4,5	10,0	–	–	7,1
Толерантность, уважение интересов меньшинств	7,7	4,4	6,5	6,8	5,0	–	14,4	–
Гармоничные отношения личности, общества и государства, забота власти о гражданах	6,2	2,7	–	4,5	5,0	5,9	7,1	7,1
Философские категории (гуманизм, понимание, честность, идеал, объективизм и др.)	3,9	3,6	–	4,5	10,0	11,7	–	7,1
Отсутствие коррупции	3,1	2,7	6,5	–	–	5,9	–	–
Народовластие, демократия, выборы	1,6	3,6	4,8	–	–	–	–	–
«Все уже и так справедливо», «устраивает существующее положение»	0,8	2,7	4,8	–	5,0	–	–	–
«Как было в СССР»	–	0,9	3,2	2,3	–	–	7,1	–
«Справедливости нет или не бывает»	0,8	0,9	1,6	–	2,5	–	–	14,5
Развитие рыночных отношений и бизнеса	1,6	–	–	2,3	–	–	–	–
Стабильность	–	1,8	–	–	–	–	–	–
«Как было в царской России»	–	–	–	–	–	5,9	–	–
Другое	3,1	–	–	6,8	12,5	5,9	–	7,1

Примечание. Лб. – либерализм, Сд. – социал-демократия, 0 – ни одна из указанных идеологий, Кс. – консерватизм, Км. – коммунизм, Нц. – национализм, Ан. – анархизм, Др. – другое.

Весьма показательно, что результаты проведенного нами исследования в целом совпали с теми выводами, к которым пришла доктор социологических наук, профессор Н. В. Дулина, проанализировавшая данные гораздо более масштабного всероссийского опроса студентов (выборку составили 3964 респондента в 26 городах России): «…справедливое – это общество, в котором бесплатное здравоохранение; люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения; государство помогает детям из бедных семей встать на ноги, получить бесплатно образование; специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией; все люди получают по труду и т.д., но нет уравниловки, талантливые люди социально поощряются и поддерживаются»[12]. Примерно так представляет себе справедливость и молодежь отдельно взятой Саратовской области. Как видим, в этом отношении она мало чем отличается от своих сверстников по стране в целом. Убеждены, что те слагаемые, которые выделяли респонденты, формулируя собственное понимание справедливости, одновременно являются и наиболее уязвимыми элементами актуального состояния дел в нашей стране.

Примечания

[1] См., например: *Вилков А. А.* Трактовки «справедливости» и «несправедливости» и их использование в современных политических процессах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 64–72 ; *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Эволюция правовых представлений россиян : законопослушность или справедливость? // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29, № 5. С. 75–89. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.06 ; *Ушамирский А. Э.* Молодежь в российском обществе : интенция к справедливости. Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017 ; *Шестов Н. И.* «Справедливость» и государство // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 68–75.

[2] См.: *Черныш М. Ф.* Студенческая молодежь и проблема справедливости в современном российском обществе // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 341.

[3] *Руденкин Д. В., Порозов Р. Ю.* Что беспокоит российскую городскую молодежь в ценностной палитре окружающего общества? // Дискурс. 2019. № 8 (34). С. 89.

[4] См.: *Петухов В. В., Петухов Р. В.* Запрос на перемены : причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. Т. 28, № 5. С. 120. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09

[5] *Селезнева А. В.* Политические ценности российской молодежи : социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20. https://doi.org/10.18721/JHSS.11302

[6] См.: *Шашкова Я. Ю., Казанцев Д. А.* Идеологическая идентичность молодежи Алтайского края и Новосибирска : между модерном и постмодерном // Политическая экспертиза : ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 4. С. 90–103.

[7] См.: *Вилков А. А.* Социальная справедливость как ценностный ориентир изменений в Конституции РФ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 312–317. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-3-312-317

[8] См.: *Вилков А. А.* Ценности социальной справедливости в образе будущего России // Политический образ будущего России : стратегические приоритеты и перспективы в условиях идейно-ценностного плюрализма : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 2 октября 2020 г.) / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2020. С. 21–33.

[9] См.: *Слизовский Д. Е.* Социальные и электоральные предпочтения и ориентации молодежи 18–20 лет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. 2016. Т. 16, № 3. С. 576–585.

[10] См.: *Литвинова Т. Н.* Политические ориентации студенческой молодежи города Москвы // Политика и общество. 2018. № 9. С. 63–75. https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.9.27029. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27029

[11] См.: Численность городского и сельского населения по полу по субъектам Российской Федерации. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-04.pdf (дата обращения: 07.12.2021).

[12] *Дулина Н. В.* Студенческая молодежь России : интенция к справедливости (по итогам прикладного социологического исследования) // Primo Aspectu. 2017. № 2 (30). С. 12.

Поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 15.12.2021
The article was submitted 08.12.2021; approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 15.12.2021